

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Кубанский государственный университет»

На правах рукописи

Глимейда Виталий Витальевич

**ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ
И ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ
СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ**

Специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки
(юридические науки)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук, профессор
Семенцов Владимир Александрович

Краснодар – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Законодательные и теоретические основы применения современных технических средств и цифровых технологий при производстве следственных действий.....	21
1.1. Понятие и классификация технических средств в уголовном судопроизводстве	21
1.2. Понятие и виды цифровых технологий в уголовном судопроизводстве	45
1.3. Универсальные правила применения технических средств и технологий при производстве следственных действий	70
Глава 2. Особенности применения отдельных технических средств и цифровых технологий при производстве следственных действий в досудебном производстве.....	86
2.1. Дистанционные технические средства и технологии при производстве следственных действий	86
2.2. Проблемы применения видео-конференц-связи при производстве следственных действий и пути их решения.....	109
2.3. Нейросети и искусственный интеллект в следственных действиях.....	125
Глава 3. Доказательственное значение результатов применения технических средств и цифровых технологий в следственных действиях	142
3.1. Результаты применения технических средств и цифровых технологий, их место и роль в системе доказательств.....	142
3.2. Совершенствование порядка составления протокола следственного действия в случае применения технических средств и цифровых технологий.....	176
Заключение.....	188

Список использованных источников	192
Приложение 1. Проект Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»	223
Приложение 2. Бланк анкеты для опроса практических работников и результаты анкетирования практических работников	228
Приложение 3. Результаты изучения уголовных дел	239

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Научно-технический прогресс служит определяющим фактором поступательного развития современного общества, его экономики и других сфер деятельности за счет последовательного совершенствования техники и технологий, повышения их эффективности. Масштаб и глубина проникновения технических и технологических достижений меняет многие привычные представления о человеческих возможностях, их пределах, объеме, способах и направлениях реализации.

Технологическое развитие определяется национальными приоритетами, выраженными в указах Президента Российской Федерации¹, актах Правительства Российской Федерации², федеральных министерств и ведомств. Векторы развития судебной системы и правоохранительных органов также свидетельствуют об активизации и расширении сферы использования технических средств и технологий, в том числе в уголовно-процессуальной деятельности³.

Уголовное судопроизводство испытывает большую потребность во внедрении результатов научно-технического прогресса, которые позволяют использовать все более новые и совершенные средства для достижения цели и решения поставленных задач. В числе результатов научно-технического прогресса, применение которых позволяет значительно повышать эффективность уголовного судопроизводства, в настоящее время следует выделять две составляющие: технические средства и технологии.

¹ Указ Президента РФ от 1 декабря 2016 г. № 642 (ред. от 15 марта 2021 г.) «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 49. Ст. 6887.

² Постановление Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 1406 (ред. от 14 октября 2023 г.) «О федеральной целевой программе "Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы"» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 1. Ст. 13.

³ См.: Распоряжение МВД России от 11 января 2022 г. № 1/37 «Об утверждении Ведомственной программы цифровой трансформации МВД России на 2022–2024 годы» / Текст распоряжения опубликован не был. URL: <https://base.garant.ru/404486678/>; Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 14 сентября 2017 г. № 627 «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года» // Законность. 2017. № 12 (998). С. 55–56.

Современное отечественное уголовно-процессуальное законодательство упоминает о порядке применения технических средств, чего нельзя сказать о технологиях, хотя технические средства и технологии – два элемента, отличающиеся по качественным характеристикам, но способные только в совокупности приводить к положительному уголовно-процессуальному результату. Поэтому их практическое применение должно основываться на единстве законодательного регулирования.

С теоретической позиции проблему науки уголовного процесса составляет определение технических средств, от решения которой зависит законодательный подход к регулированию порядка их применения. Помимо технических средств требуется определить понятие «технологии» и производное от него понятие «цифровые технологии», как положительно зарекомендовавшие себя в уголовном судопроизводстве. Развитие технических достижений обуславливает постановку и иных наукоемких вопросов: о дистанционных следственных действиях, дифференциации порядка протоколирования, применении искусственного интеллекта и его интеграции в процессуальную форму следственных действий, определении доказательственного значения результатов применения технических средств и цифровых технологий, что на современном этапе развития науки находится в начальной стадии разработки либо имеет формат теоретических гипотез, несмотря на наличие практического опыта применения технических средств и технологий в сфере уголовно-процессуальной деятельности.

Быстрота модернизации технических средств (например, осуществление аэрофотосъемки, видеонаблюдения с беспилотных летательных аппаратов при производстве следственных действий) и обновления технологий (отказ от аналоговых и повсеместный переход к цифровым), появление в недалеком будущем новых технологий (нейронных, квантовых, фотонных), использование которых может стать важным средством повышения эффективности уголовного судопроизводства, потребует соответствующей динамики от уголовно-про-

цессуального законодательства, обеспечить которую крайне сложно при сохраняющемся подходе к регулированию порядка применения достижений научно-технического прогресса.

Наиболее ярко необходимость применения технических средств и цифровых технологий проявилась в период неблагоприятной эпидемиологической обстановки из-за вспышки коронавирусной инфекции, что обусловило появление в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) норм, расширяющих возможности использования систем видео-конференц-связи в досудебном производстве, и устанавливающих правила осуществления допроса, опознания и очной ставки дистанционно¹.

Позитивными примерами в законодательном регулировании служат установленные 27 декабря 2018 г. особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий². 29 декабря 2022 г. уточнён порядок использования электронных документов в уголовном судопроизводстве³, а 13 марта 2023 г. на рассмотрение в Государственную Думу внесён законопроект о совершенствовании механизма их применения в досудебном производстве⁴.

Такие шаги законодателя представляются значимыми, но недостаточными для решения одной из самых важных проблем – создания надежного механизма, обеспечивающего порядок применения технических средств и циф-

¹ Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 1 (часть I). Ст. 70.

² Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 533-ФЗ «О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 53 (часть I). Ст. 8459.

³ Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 610-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 1 (часть I). Ст. 57.

⁴ Законопроект от 13 марта 2023 г. № 312970-8 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (об использовании электронных документов в ходе досудебного производства по уголовному делу)» / ГАС «Законотворчество». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/312970-8>.

ровых технологий при производстве следственных действий, эффективное использование их результатов. Соответственно для повышения степени мобильности уголовно-процессуального законодательства в части регулирования порядка применения достижений научно-технического прогресса и использования их результатов в различных уголовно-процессуальных сферах необходимо пересмотреть сам подход к решению этого актуального вопроса.

В ходе расширенного заседания коллегии с участием Президента Российской Федерации от 17 февраля 2022 г. министр внутренних дел В.А. Колокольцев указал на реализацию законопроекта о введении видео-конференц-связи при производстве следственных действий, а также на неоднократно высказанную позицию ведомства «о необходимости упрощения действующего уголовно-процессуального законодательства, многие нормы которого мало менялись с 60-х годов прошлого века»¹. Этот тезис иллюстрирует целесообразность исследования применения технических средств и цифровых технологий при производстве следственных действий, которые позволяют получать доказательства, используемые для обоснования виновности обвиняемого, установления иных существенных для уголовного дела обстоятельств. Законодательный порядок применения технических средств и цифровых технологий должен обладать значительным «запасом прочности», позволяя избегать как ненужных формальностей, быть экономичным, так и не допускать упрощенчества в негативном смысле.

Возрастающая практическая значимость технических средств и технологий, отставание, пробельность, несистематизированность законодательного регулирования порядка их применения при производстве следственных действий, как основных источников доказательственной информации, актуализирует развитие соответствующего направления уголовно-процессуальных научных исследований. Имеющиеся в настоящее время научные результаты

¹ Стенограмма Расширенного заседания коллегии МВД России от 17 февраля 2022 г. / Администрация Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/67795>.

по исследованию указанной сферы недостаточны и нуждаются в углублении, систематизации, а в определенной части – корректировке и пересмотре.

Поэтому необходимость совершенствования порядка применения технических средств и технологий при производстве следственных действий, использование их результатов в уголовном судопроизводстве составляют важную научную задачу и обуславливают актуальность и своевременность его исследования. Применение технических средств и технологий при производстве следственных действий настолько многопланово и разнообразно, что рассмотреть весь объем возникающих при этом проблем теоретического, законодательного и практического плана невозможно, что, по мнению автора, позволяет ограничиться наиболее актуальными из них.

Степень научной разработанности темы исследования. В теории уголовного процесса вопросы, связанные с реализацией достижений науки и техники при производстве следственных действий были предметом исследования многих авторов, в их числе: Д.В. Бахтеев, Р.С. Белкин, В.Г. Большев, Л.А. Воскобитова, Б.Я. Гаврилов, О.В. Гладышева, Л.В. Головкин, В.И. Гончаренко, Г.И. Грамович, О.А. Зайцев, С.В. Зуев, Е.П. Ищенко, Л.Д. Кокорев, А.А. Леви, И.И. Литвин, В.А. Панюшкин, П.С. Пастухов, С.Б. Россинский, А.И. Садовский, Н.А. Селиванов, В.А. Семенов, В.А. Серов, П.Т. Скорченко, А.Е. Федюнин, С.Д. Цомаев, П.С. Элькин и др.

Процессуальный порядок использования результатов применения технических средств и технологий в доказывании рассматривались в теоретическом и практическом аспектах Н.Н. Апостоловой, В.С. Балакшиным, Р.В. Костенко, М.Г. Мусаэляном, Х.Х. Рамалдановым, О.В. Рябовой, М.С. Строговичем, Д.В. Татьяниным, Ф.Н. Фаткуллиным, С.А. Шейфером и др.

Основы применения технических средств одним из первых проанализировал Н.А. Селиванов, разработав новую категорию «научно-технические средства». Особенности реализации технологий в доказывании стали предметом исследования Д.В. Зотова и Ю.Н. Соколова. Недостатки правового регу-

лирования порядка получения и использования электронных сведений, электронных рассмотрены в трудах А.А. Балашовой, В.С. Черкасова, а Е.А. Архипова, В.А. Родивилина на диссертационном уровне провели анализ особенностей применения видео-конференц-связи.

Проведенные ранее исследования и полученные результаты заложили теоретическую основу для продолжения и расширения сферы научного поиска в современных условиях, постановку новых вопросов, обусловленных развитием научно-технического прогресса и внедрением его результатов в уголовно-процессуальную деятельность в целом и в производство следственных действий в частности.

Цель исследования заключается в формировании нового научного подхода к определению порядка применения технических средств и цифровых технологий в производстве следственных действий, практическому использованию их результатов, разработка на этой основе предложений по оптимизации соответствующей части уголовно-процессуального законодательства.

Для достижения указанной цели поставлены и решались следующие **задачи**:

- 1) выявление сущностных признаков технических средств, необходимых для их научного определения;
- 2) раскрытие отличительных черт, признаков и специфических характеристик технологий, определение их понятия и выделение видов, в том числе цифровых технологий, как уголовно-процессуальной категории;
- 3) анализ и обобщение зарубежного опыта применения технических средств и цифровых технологий в уголовном судопроизводстве в целом и при производстве следственных действий, в частности;
- 4) изучение и критический анализ действующего отечественного уголовно-процессуального законодательства, регулирующего процессуальный порядок применения технических средств и цифровых технологий при производстве следственных действий;

5) изучение и определение процессуального потенциала современных технических средств и технологий, выработка на этой основе универсальных правил их применения в производстве следственных действий;

6) обоснование и разработка научной проблемы производства дистанционных следственных действий, с формированием авторского подхода к их определению, видам используемых для удаленного присутствия технологий, процедуре применения;

7) разработка комплекса теоретических положений, проектов правил законодательного регулирования и практических рекомендаций по применению технологии видео-конференц-связи в производстве следственных действий;

8) изучение возможности применения при производстве следственных действий технологий, основанных на искусственном интеллекте и нейросетях, и использованием их результатов в уголовном судопроизводстве;

9) исследование проблем доказательственного значения результатов применения в производстве следственных действий технических средств и цифровых технологий, обоснование авторской позиции о возможности признания за отдельными результатами статуса самостоятельного процессуального доказательства;

10) изучение возможности оптимизации производства следственных действий в направлении дифференциации порядка протоколирования хода и результатов следственных действий при применении технических средств и цифровых технологий.

Объектом исследования выступают уголовно-процессуальные отношения, складывающиеся в ходе применения технических средств и цифровых технологий при производстве следственных действий на досудебных стадиях, а также использования их результатов в доказывании.

Предмет исследования составляют уголовно-процессуальные нормы отечественного и зарубежного права, определяющие порядок применения технических средств и цифровых технологий в ходе производства следственных

действий в досудебном производстве, соответствующие материалы следственной и судебной практики, научные разработки других исследователей.

Методология и методы исследования. Основной методологический подход исследования опирается на материалистическую диалектику, позволившую выявить структурные динамически развивающиеся изменения в уголовно-процессуальных отношениях, вызванные стремительным развитием технических средств и цифровых технологий. Эти изменения демонстрируют появление новых средств получения и фиксации процессуально значимой информации, требующих формирования и закрепления соответствующих уголовно-процессуальных правил.

Помимо диалектического подхода в работе был использован разнообразный методологический инструментарий, включающий теоретические, в том числе, общелогические, частные и специальные, а также эмпирические, включая социологические, методы.

Посредством метода дедукции получены знания о свойствах и уголовно-процессуальном потенциале отдельных технических средств и цифровых технологий при их использовании в следственных действиях. Обоснован авторский подход к оценке результатов их применения в доказывании.

Индуктивный метод стал основанием для получения сведений об общих закономерностях развития технических средств и цифровых технологий в уголовном судопроизводстве, выведении их признаков и создание классификаций, обеспечивающих целенаправленное использование технических средств и цифровых технологий в соответствии с их особенностями и возможностями для отдельных следственных действий. На этой основе даны рекомендации по оптимизации процедуры следственных действий, включая средства обеспечения прав их участников.

Анализ позволил провести глубокое исследование признаков как технических средств и цифровых технологий, так и следственных действий, выявить корреляционные связи между признаками и сущностью следственных дей-

ствий и техническими средствами, цифровыми технологиями, чтобы максимально четко составить представление об их возможностях в рамках следственных действий. Именно благодаря такому анализу стало возможно выдвижение авторских предложений по совершенствованию законодательного регулирования процедуры использования видео-конференц-связи при производстве отдельных следственных действий.

Посредством синтеза сформирована целостная совокупность признаков и даны определения таких понятий как «технические средства», «технологии», «цифровые технологии» и др. Синтез также сделал возможным объединение теоретических знаний и практического опыта, что позволило выявить и сформулировать общие закономерности в регулировании технических средств и цифровых технологий, пробельность уголовно-процессуального закона, случаи его морального устаревания, что стало основой для формирования общего подхода к регулированию порядка применения технических средств и цифровых технологий, основанного на отказе от частных норм, закрытых перечней технических средств и иных предписаний.

Системно-структурный метод позволил установить взаимосвязи между физическими свойствами цифровой информации и достоверностью уголовно-процессуальных доказательств.

Сопоставление особенностей правового регулирования применения видео-конференц-связи при производстве следственных действий в современной России и зарубежных странах производилось с помощью метода сравнительного правоведения.

Применялся социологический метод (проведено анкетирование практических работников), что позволило получить сведения о субъективном, практическом восприятии правоприменителями существующего законодательного регулирования порядка применения технических средств и цифровых технологий при производстве следственных действий. Полученные социологические результаты стали основой для выдвижения теоретических предположе-

ний, подтверждения, либо опровержения имеющихся версий, объяснения выявленных закономерностей, а также для иллюстрации сделанных в работе выводов и рекомендаций.

Результаты обобщения материалов уголовных дел стали основой для формирования авторского видения складывающихся практических тенденций, включая негативные (отказ следователей от применения доступных технических средств ввиду сложности законодательных процедур), их оценки и выдвижения предложений по совершенствованию действующего законодательства и оптимизации практики его применения.

С применением методов прогнозирования и моделирования высказаны возможные (с высокой степенью вероятности) суждения о направлении развития научно-технического прогресса в уголовном судопроизводстве и построены теоретические процессуальные модели использования отдельных технических средств и цифровых технологий при производстве следственных действий, включая возможности использования искусственного интеллекта.

Были использованы частные методы юридической науки, такие как лексическое, юридическое и техническое толкование понятий, связанных с общественными отношениями, рассматриваемыми в данном исследовании.

Теоретическая и нормативная правовая основа исследования состоит из результатов фундаментальных общетеоретических разработок и научных подходов специалистов в области уголовно-процессуального и других отраслей права, в которых нашли отражение необходимые стороны объекта исследования.

Проанализированы нормативные правовые источники, включая Конституцию Российской Федерации, отечественное и зарубежное уголовно-процессуальное законодательство, подзаконные ведомственные нормативные правовые акты.

Эмпирическую основу исследования составляют решения Конституционного суда Российской Федерации, опубликованная практика Верховного

суда Российской Федерации, материалы производств судов общей юрисдикции различных инстанций по уголовным делам, опубликованные на информационных ресурсах государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Правосудие». Автором изучено 314 уголовных дел по вопросам применения технических средств и цифровых технологий при производстве следственных действий. По ряду актуальных вопросов проведено анкетирование 272 респондентов (20 судей, 113 прокуроров, 67 следователей, 42 дознавателя и 30 адвокатов) из 25 субъектов Российской Федерации.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в следующем:

– выделены существенные признаки и на их основе разработаны авторские определения базовых для науки уголовного процесса и законодательной основы уголовного судопроизводства понятий «техническое средство», «технология», «цифровая технология», «дистанционная технология», «дистанционное следственное действие», «видео-конференц-связь»;

– автором выдвинута и обоснована идея о концептуальном единстве (неотделимости) технических средств и технологий, что необходимо учитывать при законодательном регулировании порядка их применения в следственных действиях;

– разработана формулировка цели применения технических средств и цифровых технологий, обуславливающая оптимизацию содержания законодательного регулирования порядка их применения при производстве следственных действий. По мнению автора цель применения технических средств и цифровых технологий заключается в двух аспектах: 1) получение самостоятельных процессуальных доказательств, при обеспечении разработанных условий их применения; 2) реализация вспомогательной, в том числе, справочно-аналитической и иных, функций;

– представлена концепция двухуровневого законодательного регулирования применения технических средств и цифровых технологий при производстве следственных действий;

– обоснована авторская позиция о необходимости законодательного упрощения процедуры применения технических средств и цифровых технологий при производстве следственных действий, развитие которой в прикладном отношении представлена в виде совокупности предложений по совершенствованию порядка применения видео-конференц-связи, как основного технологического комплекса (технического средства и технологии), обеспечивающего дистанционный формат производства следственных действий;

– объективная необходимость упрощения законодательного регулирования порядка применения технических средств и цифровых технологий при производстве следственных действий получила развитие в авторской идее дифференцированного подхода к порядку протоколирования хода и результатов следственных действий, с изложением научной позиции о сокращенной форме протокола;

– изучение технического и уголовно-процессуального потенциала искусственного интеллекта позволило сделать вывод о недопустимости использования этой технологии в качестве способа оценки доказательств, с возможностью, тем не менее, ее применения для решения вспомогательных процессуальных задач.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Технические средства и технологии в уголовном судопроизводстве представляют собой целостную и неделимую систему взаимосвязанных компонентов, одновременно и существенно влияющих на ход и результаты производства следственных действий, на правовой статус его участников, в связи с чем уголовно-процессуальное регулирование должно предусматривать правила использования указанной совокупности элементов, а не только технических средств, которые сами по себе (без технологии) не способны породить процессуального результата.

2. Выявленные признаки, раскрывающие сущность технических средств в следственных действиях, позволили сформулировать их авторское понятие

– устройства, обеспечивающие применение технологии, необходимой для обнаружения, фиксации, изъятия, закрепления, сохранения, воспроизведения и передачи сведений, имеющих значение для проверки сообщения о преступлении, установления обстоятельств уголовного дела, с закреплением этого понятия в пункте 54.1 ст. 5 УПК РФ.

Одновременно предлагается дополнить ст. 5 УПК РФ пунктом 54.2, предусмотрев там понятие технологии как совокупности последовательно совершаемых действий (приемов), с использованием необходимых технических инструментов, направленных на получение процессуально полезного результата, в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом.

Определено, что цифровые технологии как разновидность технологий – это разработанные цифровые алгоритмы, выступающие в виде целостного программного продукта, результат применения которого в уголовном судопроизводстве может иметь процессуальное значение.

3. Законодательное регулирование применения технических средств и технологий при производстве следственных действий постоянно находится в состоянии морального устаревания. Поэтому предлагается новый подход к законодательному регулированию, в рамках которого необходимо установить двухуровневую систему правил, где на первом уровне представлены основополагающие универсальные (общие) правила, с их локализацией в ст. 164.2 УПК РФ, относящиеся к любым видам технических средств и технологий, включая существующие и потенциально возможные в будущем технические достижения. К числу универсальных правил считаем необходимым отнести обязательную сертификацию технических средств и цифровых технологий. На втором уровне законодательного регулирования должны находиться специальные правила, определяющие порядок применения конкретных технических средств и технологий в отдельных следственных действиях.

4. Дистанционный способ производства следственного действия с применением исключительно видео-конференц-связи обеспечивает удаленное присутствие его участников, при наличии иных технических комплексов

(например, веб-конференции), также позволяющих обеспечивать дистанционное производство, что вызывает необходимость совершенствования этого способа, обусловленного спецификой применяемой технологии удаленного присутствия.

5. Проведенное исследование убеждает в громоздкости порядка применения видео-конференц-связи в следственных действиях, затрудняющим применение этого технического достижения. Предлагается пересмотреть существующий подход законодателя к применению видео-конференц-связи при производстве следственных действий (только государственный орган, осуществляющий предварительное расследование), когда наличие локальных ведомственных технических средств и цифровых программных продуктов не только не облегчает решения возникающих проблем, а добавляет новые препятствия к эффективному их решению.

Кроме того, подлежит оптимизации и изложению в новой редакции ст. 189.1 УПК РФ за счет расширения числа следственных действий, производимых с использованием сертифицированных систем видео-конференц-связи, с возможностью направления поручения по электронным каналам связи, учета особенностей протоколирования следственного действия, проведенного с использованием систем видео-конференц-связи, сохранения в тайне личных данных лица, в отношении которого приняты меры безопасности и др.

6. Обосновывается авторская позиция о недопустимости использования искусственного интеллекта в качестве способа оценки доказательств, полученных при производстве следственных действий. Имеющийся в этом отношении опыт отдельных зарубежных стран не убеждает в его правильности и приемлемости для отечественного уголовного судопроизводства. Возникающие и неустранимые сомнения в объективности такой оценки превалируют над возможностью ускорить процесс расследования и рассмотрения уголовного дела. В то же время искусственный интеллект позволяет решать задачи по поиску и анализу информации в ходе следственного действия, построению процессуальных алгоритмов деятельности следователя и др.

7. Доминирующая в настоящее время позиция (в теории, законодательстве и практике) о второстепенном либо обеспечительном значении (как приложения к протоколу следственного действия) результатов применения технических средств и цифровых технологий не соответствует современным потребностям и реалиям.

Решение проблемы самостоятельного доказательственного значения сведений, полученных с помощью технических средств и цифровых технологий при производстве следственных действий, заключается в приоритетном придании им значения иного документа по правилам, изложенным в новой редакции ст. 84 УПК РФ.

8. Единственно возможный в настоящее время порядок протоколирования хода и результатов следственных действий уже не является эффективным средством фиксации. Процессуальный потенциал результатов применения технических средств и цифровых технологий позволяет выдвинуть и обосновать идею о дифференциации порядка протоколирования следственных действий, когда в качестве альтернативы имеющемуся порядку протоколирования предлагается сокращенная форма протокола, обусловленная применением технических средств и технологий.

Менее сложный порядок протоколирования, предлагаемый в новой части 8.1 ст. 166 УПК РФ и других предписаниях, определяющих особенности составления протоколов отдельных следственных действий, позволит повысить процессуальную привлекательность технических средств и технологий, расширит масштаб их практического применения, что как представляется, станет фактором, значительно ускоряющим производство по уголовному делу.

9. Проблемы реализации результатов использования достижений науки и техники в доказывании, актуальное состояние дискуссии о необходимости имплементации электронных доказательств потребовали формулирования законодательных предписаний, направленных на обоснование допустимости электронного протоколирования следственных действий, производимых с применением технических средств и цифровых технологий.

Теоретическая значимость результатов комплексного исследования обусловлена получением новых и важных для продолжения дальнейших исследований взаимосвязанных знаний о сущности, признаках, свойствах технических средств и цифровых технологий, их потенциале в сфере уголовно-процессуального доказывания, позволяющих в дальнейшем творчески развивать и обогащать науку уголовного процесса в нескольких направлениях: теория следственных действий, научно-технический прогресс в уголовном судопроизводстве, цифровизация и ее возможности в доказывании и др.

Практическая значимость исследования обусловлена формированием на основе его результатов предложений по совершенствованию уголовно-процессуального закона, востребованностью их в практической деятельности должностных лиц досудебного производства, внедрением указанных результатов в учебный процесс, в том числе для преподавания курсов «Уголовный процесс», специальных дисциплин «Технические средства в уголовном судопроизводстве», «Проблемы производства следственных действий» и др., а также учтены в научных исследованиях.

Достоверность результатов исследования обеспечивается нормативной базой, анализом научных трудов, реализацией при его проведении научно обоснованной методики, широтой географии (охвачено 25 регионов Российской Федерации) и временем (более 3 лет) исследования, репрезентативностью собранного и проанализированного эмпирического материала.

Репрезентативность исследования и достоверность его результатов подтверждаются их апробацией.

Апробация результатов исследования. Теоретические положения, выводы и рекомендации, изложенные в диссертационном исследовании:

– обсуждались на заседании кафедры уголовного процесса юридического факультета имени А.А. Хмырова Кубанского государственного университета;

– нашли отражение в 9 опубликованных работах общим объемом 5,51 п. л., в том числе 5 научных статей – в журналах, рекомендованных Высшей

аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для опубликования результатов диссертационных исследований;

– докладывались автором на международных и всероссийских научно-практических конференциях, проводившихся в 2021–2023 гг. в Краснодаре, Курске, Москве;

– внедрены в учебный процесс юридического факультета имени А.А. Хмырова Кубанского государственного университета (акт внедрения от 19 декабря 2023 г., Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2024620394 фонда оценочных средств по дисциплине «Технические средства в уголовном судопроизводстве»: опубл. 24 января 2024 г. / заявитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет»);

– внедрены и используются на курсах повышения квалификации Адвокатской палаты Краснодарского края (акт внедрения от 27 декабря 2023 г.), в системе служебной подготовки сотрудников следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Краснодарскому краю (акт внедрения от 27 декабря 2023 г.).

Структура и объем работы. Исследование состоит из введения, 3 глав, разделенных на 8 параграфов, заключения, списка использованных источников и 3 приложений.

ГЛАВА 1. ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРИМЕНЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

1.1. Понятие и классификация технических средств в уголовном судопроизводстве

В ежегодном Послании Федеральному собранию на 2019 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин обратил внимание на то, что «загрузка у следственных работников органов внутренних дел огромная»¹, что влечёт снижение качества предварительного расследования, «стойкую предрасположенность (следователей) к совершению как незначительных технических ошибок в процессуальной деятельности, так и поверхностное проведение ключевых следственных действий»².

Оказывая влияние на полноту и доброкачественность получаемых доказательств, стремление к повышению эффективности производства следственных действий вызывает объективную потребность широкого использования технических средств для оптимизации уголовно-процессуальной деятельности.

Необходимость имплементации технических средств в производство следственных действий вызвана и тем, что деятельность по установлению обстоятельств совершенного преступления происходит в условиях ограниченности возможностей познания, человеческого восприятия, расширению которых способствует применение достижений науки и техники. Правильное использование технических средств повышает эффективность уголовного судопроизводства в целом и его досудебного производства, в частности, позволяя не

¹ Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ от 20 февраля 2019 г. // Российская газета. 2019. 20 февраля.

² Богатырева Л.И. К вопросу о правовом регулировании служебной нагрузки в следственных подразделениях МВД России // Право и государство: теория и практика. 2019. № 12 (180). С. 127.

только упрощать и ускорять уголовно-процессуальную деятельность, но и обеспечивать высокое качество и объективность получаемых с их помощью сведений.

Так, применение беспилотных летательных аппаратов позволяет эффективно осуществлять обзорную фотосъемку при осмотре места происшествия¹, применение металлоискателя способствует результативности обыска жилых помещений², мобильный сканер обеспечивает быстрое сопоставление с базой данных отпечатков пальцев³, анализатор утечек предназначен для обнаружения следов углеводородов при осмотре места происшествия⁴. Представленные примеры показывают значимость и необходимость использования технических средств при производстве следственных действий.

Результаты проведенного анкетирования практических работников (судей, прокуроров, следователей, дознавателей, адвокатов) убеждают в том, что большая часть респондентов поддерживает идею совершенствования уголовно-процессуального законодательства в части применения технических средств и технологий при производстве следственных действий, 85,9 % считают необходимым закрепить в УПК РФ базовые понятия «технические средства» и «цифровые технологии», а 64,9 % не рассматривают современный порядок применения технических средств при производстве следственных действий как оптимальный⁵.

¹ Лозовский Д.Н., Лозовская Н.Н., Ульянова И.Р. Использование беспилотных летательных аппаратов в процессе расследования преступлений: вопросы теории и практики // Юристъ-Правоведъ. 2021. № 3 (98). С. 162.

² Тхакумачев Б.Ю., Жиров Р.М. Криминалистические проблемы организации применения технических средств и методов для обнаружения, закрепления и изъятия следов и вещественных доказательств при проведении обыска и выемки // Право и государство: теория и практика. 2022. № 1 (205). С. 370.

³ Сафонов А.А. Современная автоматизированная дактилоскопическая идентификационная система органов внутренних дел Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2021. № 3. С. 180.

⁴ Приговор Ярославского областного суда от 10 октября 2022 г. по делу № 2-20 / Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/PB34fls8NQZg>.

⁵ Приложение 2.

Сегодня следователи в своей деятельности используют широкий спектр технических средств, таких как аудио- и видеозаписывающее оборудование, средства видеонаблюдения, геолокационные приборы, микроскопы, спектрометры, газоанализаторы. Указанные и другие технические устройства позволяют расширять возможности собирания доказательств, включая способы, недоступные в недавнем прошлом, обеспечивая получение более точных и объективных данных, сокращая время сбора и анализа доказательств и уменьшая вероятность ошибок, что значительно повышает качество и скорость процессов собирания и проверки доказательств.

Описанная еще в 1977 г. профессором А.А. Леви роль технических средств для восполнения чувственного восприятия человека, выступающего в качестве первой ступени познания в процессе доказывания¹, сегодня дополняется возможностью внедрения субтехнологий принятия решений, основанных на искусственном интеллекте². Технические средства способны не только расширять границы чувственного восприятия, но и реализовывать функции ступени познания – рассудочной мыслительной деятельности по формированию версий, оценке доказательств и др.

Профессор П.С. Элькиндр писала о применении следователями методов математики и электронно-вычислительных машин, значительно изменивших подход к работе и потребовавших «создать более стройную систему классификации научно-технических средств, используемых в уголовном судопроизводстве»³.

Отечественной наукой достигнут ряд значительных успехов в раскрытии сущности, определении понятия и системы технических средств, используемых

¹ Леви А.А. Процессуальные и криминалистические проблемы применения научно-технических средств в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. д-ра юрид. наук. М. 1977. 31 с.

² См. об этом: Глимейда В. В. Перспективы и проблемы применения искусственного интеллекта в отечественном судопроизводстве // Современный ученый. 2020. № 6. С. 320–327.

³ Горский Г.Г., Кокорев Л.Д., Элькиндр П.С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж: Воронеж. ун-т, 1978. С. 262.

в сфере уголовного судопроизводства. Тем не менее, современная правоприменительная практика демонстрирует гораздо большее многообразие технических средств и технологий, которое едва ли охватывается устоявшимися доктринальными представлениями. «Совершенно очевидно, – пишет О.В. Гладышева, – что под воздействием стремительно развивающейся цифровизации будет изменяться процессуальный порядок деятельности как в досудебном, так и судебном производстве, за счет системного и последовательного внедрения электронного документооборота, электронного уголовного дела, дистанционного участия в проведении следственных и судебных действий»¹.

Опираясь на правовую категорию «технические средства», фактически охватывающую весь массив достижений науки и техники, используемых правоприменителем, УПК РФ не раскрывает указанного понятия, что влечёт трудности в определении указанной категории и её отграничении от других достижений науки и техники, используемых в уголовном судопроизводстве. Полагаем, этим объясняется высокий процент (89,4%) поддержки опрошенными респондентами идеи закрепления формулировки технических средств в уголовно-процессуальном законе². В указанном свете мы разделяем позицию о том, что «уголовное судопроизводство, основанное на строгом соблюдении процессуальной формы, не допускает использования понятий, содержание которых неясно или толкование неоднозначно»³.

В УПК РФ отсутствует не только понятие «технические средства», но и совокупность процессуальных требований к их применению (например, научная состоятельность, безопасность, объективность получаемых результатов и др.). Кроме того, фрагментарно регламентируется порядок применения от-

¹ Гладышева О.В. Цифровизация уголовного судопроизводства и проблемы обеспечения прав его участников // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2019. № 1. С. 31.

² Приложение 2.

³ Федюнин А.Е. Законодательная дефиниция «технические средства»: сущность, сфера применения, эффективность реализации // Юридическая техника. 2007. № 1. С. 163.

дельных их разновидностей (например, технические средства контроля запрета определенных действий), не во всех случаях законодательно детализируется критерии применимости технических средств.

В совокупности с быстро меняющимися фактическими возможностями применения современных технических средств в уголовном судопроизводстве, указанные выше факторы приводят к необходимости уточнения законодательства для разрешения проблем практики, где складывается неоднозначное понимание применимости тех или иных технических достижений, при котором в одних случаях использование новых устройств признается возможным, а в других – нет, что аргументируется отсутствием правовых процедур¹. Данное обстоятельство выступает значимым фактором, препятствующим широкому внедрению и использованию новейших достижений науки и техники, что оказывает негативное влияние на качество и сроки как досудебного, так и судебного производства.

Современное состояние правового регулирования применения технических средств в уголовном судопроизводстве обусловлено историческими закономерностями становления и формирования указанной правовой категории, обращение к которым показывает, что используемая законодателем формулировка «технические средства», основана на доктринальных представлениях об их понятии и системе, разработанных ещё в эпоху действия УПК РСФСР 1960 г.

Более того, в начальный период существования советское уголовное судопроизводство не использовало при расследовании уголовных дел широкого комплекса технических средств, опираясь на свидетельские показания и личный опыт следователей. УПК РСФСР 1922 г. не формулировал понятия «тех-

¹ Афанасьева А.А. Дистанционный допрос: состояние и перспективы // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. № 3 (45). С. 371–372.

нические средства», а лишь упоминал в ст. 67 о возможности фотографирования¹, что, по замечанию В.А. Родивилиной, привело тогда к дискуссии о допустимости применения фотоснимков и отнесении их к документам или вещественным доказательствам². Одновременно происходило создание специализированных лабораторий и применение фотографических методов для фиксации следов преступлений. А вот в УПК РСФСР 1960 г. встречается уже 7 различных упоминаний о возможности применения фотографирования³.

С развитием техники специалисты в области права обратили внимание на вопросы, касающиеся использования достижений научно-технического прогресса. В 1965 г. Н.А. Селивановым формулируется категория научно-технических средств расследования преступлений⁴. В период 1970–1980-х годов среди процессуалистов разворачивается дискуссия по поводу правового регулирования использования технических средств, а также понимания системы научно-технических достижений, используемых в уголовном процессе, соотношения научных, технических достижений, технических средств и технологий. Идея о возможности и необходимости применения технических средств и знаний для нужд уголовного процесса находит развернутое закрепление в трудах многих советских учёных.

В.А. Панюшкин проводил детальный анализ правовых основ использования достижений научно-технического прогресса в судопроизводстве⁵.

¹ Постановление ВЦИК от 25 мая 1922 г. «Об Уголовно-процессуальном кодексе» (утратил силу) // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. 1922. № 20-21. Ст. 230.

² Родивилина В.А. Исторический обзор регламентации использования технических средств в стадии предварительного расследования // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 4. С. 224.

³ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. (утратил силу) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

⁴ Селиванов Н.А. Научно-технические средства расследования преступлений: правовые, методологические основы применения, современное состояние и перспективы развития: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1965. С. 12.

⁵ Панюшкин В.А. Научно-технический прогресс и уголовное судопроизводство: (правовые аспекты). Воронеж: Воронеж. ун-т, 1985. С. 87.

Г.Ф. Горский раскрывал требования, предъявляемые к использованию указанных достижений, их значение и применимость в доказывании¹. Л.Д. Кокорев рассматривал условия допустимости, а также иные требования к ним². А.А. Леви детально раскрывал правовую природу научно-технических средств расследования преступлений³, отмечая, что деятельность по укреплению правопорядка, совершенствованию борьбы с преступностью имеет свою «технологию», свои технические средства и методы, свои приемы труда.

В рассматриваемый период применения технических средств отмечено появлением электронно-вычислительных машин, средств аудио- и видеозаписи, а последняя четверть 20 века – изобретением персонального компьютера. Доступные достижения техники обусловили формирование механизма их использования в качестве технических средств, получившего закрепление в УПК РФ 2001 г., к моменту принятия которого уже сформировался интернет и иные цифровые технологии (например, видео-конференц-связь), не вписывающиеся в существующую законодательную основу и научную доктрину о технических средствах, требующую определения их места в системе уголовного судопроизводства.

О возможности использования технических средств свидетельствуют нормы УПК РФ, посвященные общим и специальным правилам производства следственных действий, процедуре составления протокола следственного действия, праву заинтересованных участников уголовного судопроизводства на ознакомление с материалами уголовного дела, особенностям деятельности специалиста, эксперта и др. В общей сложности уголовно-процессуальный закон использует термин «технические средства» в 28 случаях. При этом, в 18

¹ См.: Горский Г.Г., Кокорев Л.Д., Элькин П.С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. С. 254.

² Кокорев Л.Д. Процессуальные проблемы использования достижений научно-технического прогресса в уголовном судопроизводстве // Вопросы уголовного процесса. Саратов, 1977. Вып. 1. С. 3–16.

³ Леви А.А. Вопросы правовой регламентации применения научно-технических средств в уголовном судопроизводстве // Теория и практика собирания доказательственной информации техническими средствами на предварительном следствии. Киев: КВШ МВД СССР, 1980. С. 14–20.

случаях законодатель использует общее понятие технических средств (п. 12 ч. 2 ст. 42; п. 13 ч. 4 ст. 47; п. 7 ч. 1 ст. 53; п. 9 ч. 2 ст. 54; ст. 58; ч. 3 ст. 81.1; ч. 6 ст. 164; ч. 3 ст. 164.1; ч. 2 ст. 166; ч. 5 ст. 166; ч. 3 ст. 180; ч. 6 ст. 186; ч. 2 ст. 217; ч. 2 ст. 244.1; ч. 2 ст. 259; ч. 2 ст. 303; п. 6 ч. 2 ст. 437 УПК РФ), а в 10 случаях конкретизирует указанную категорию (ч. 11 ст. 105.1; ч. 13 ст. 105.1; ч. 14 ст. 107; ч. 1.1 ст. 170; ч. 3 ст. 170; п. 2 ч. 4 ст. 190).

В трёх случаях в уголовно-процессуальном законе используется качественная характеристика возможностей применения технических средств: 1) пункт 5 ч. 3 ст. 186 УПК РФ устанавливает «техническое осуществление» контроля и записи; 2) часть 8 ст. 186 УПК РФ использует категорию «техническая пригодность»; 3) часть 1 ст. 189.1 УПК РФ закрепляет необходимость наличия «технической возможности» для применения следователем видеоконференц-связи.

Обращает на себя внимание, что законодатель, используя категорию «технические средства» во всех указанных нормах, не формулирует её общего понятия. В связи с чем в литературе справедливо отмечается отсутствие логической и терминологической связи, а также единообразия в понимании содержания правовой категории «технические средства»¹.

На сложившуюся неоднозначность в понимании места, роли и содержания технических средств неоднократно указывалось в юридической литературе². Вместе с тем, от ответа на данный вопрос зависит правовое регулирование и единообразие правил применения технических средств в деятельности следователя. Считаем, что, не определив сущность технических средств, не-

¹ Родивилина В.А. Технические средства в уголовном процессе // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2016. № 2 (10). С. 47–54.

² См., например: Кун Д.Е. Сущность и значение технических средств в уголовном судопроизводстве // Теория и практика общественного развития. 2016. № 3. С. 109; Литвин И.И. Технические и электронные средства в уголовном судопроизводстве: понятие, место и роль // Юридические исследования. 2017. № 1. С. 98–103.

возможно выделить и установить их значение для уголовного судопроизводства, определить задачи и место в возникающих правоотношениях при их применении в следственных действиях.

Для раскрытия сущности технических средств предлагаем рассмотреть их основные признаки.

Технические средства представляют собой предметы материального мира, объективируемые в форме «приборов, устройств, инструментов, приспособлений, материалов, аппаратуры».

Раскрывая понятие технических средств, И.А. Селиванов, называл в качестве таковых «технические устройства»¹, А.А. Леви представлял их в форме приборов, инструментов, приспособлений², И.И. Литвин – любых средств³, С.Д. Цомая – средств⁴, А.И. Садовский – средств и технических приспособлений⁵, В.А. Панюшкин – средств⁶, Р.С. Белкин – устройств, приспособлений, материалов⁷, Л.Я. Драпкин – приборов, устройств, инструментов и веществ⁸, З.Ф. Аминева – приборов, специальных приспособлений, материалов⁹.

¹ Селиванов И.А. Научно-технические средства расследования преступлений: правовые, методологические основы применения, современное состояние и перспективы развития. С. 104.

² Леви А.А. Вопросы правовой регламентации применения научно-технических средств в уголовном судопроизводстве. С. 14–20.

³ Литвин И.И. Современные технические средства и проблемы их применения в доказывании на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. С. 98–104.

⁴ Цомая С.Д. Правовое регулирование и доказательственное значение применения научно-технических средств в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 8.

⁵ Садовский А.И. Проблемы формирования доказательств следователем с использованием специальных познаний и технических средств: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2013. С. 115–116.

⁶ Панюшкин В.А. Научно-технический прогресс и уголовное судопроизводство (правовые аспекты). С. 70.

⁷ Белкин Р.С. Курс криминалистики. 3 изд., доп. М.: Юнити, 2001. С. 232.

⁸ Драпкин Л.Я., Карагодин В.Н. Криминалистика. М.: Проспект, 2011. С. 83.

⁹ Аминева З.Ф. К вопросу о закреплении в уголовно-процессуальном законе понятия «технические средства» // Правовое государство: теория и практика. 2018. № 2. С. 140.

В УПК Республики Казахстан указано на «приборы, специальные приспособления, материалы»¹. Схожее определение встречается в действующем УК РФ, где понятие специальных технических средств определяется в виде «приборов, систем, комплексов, устройств, специальных инструментов»². В КоАП РФ технические средства обозначаются в качестве изделий, оборудования, аппаратуры и (или) их составных частей³.

В Решении Комиссии Таможенного союза технические средства раскрываются как любые электротехнические, электронные и радиоэлектронные изделия, а также любое изделие, содержащее электрические и (или) электронные составные части, которое может быть отнесено к категориям: компонент, аппарат и установка⁴.

Отсутствие единообразия в научных подходах и в нормативном определении технических средств приводит к тому, что и правоприменитель не имеет четких, (важно, что и нормативных) векторов в своей деятельности и в равной степени рассматривает в качестве технических средств: цифровой фотоаппарат и автомобиль «Газель»⁵, ноутбук и принтер⁶, навигатор⁷ и др.

Вне зависимости от формы представления технические средства содержат в себе признак материальности, позволяющий отграничить их от смежных

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V ЗРК (с изм. от 28 мая 2023 г.) // Казахстанская правда. 2014. 10 июля.

² Статья 138.1 Уголовного кодекса Российской Федерации 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 13 июня 2023 г. // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

³ Статья 13.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 24 июня 2023 г.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (часть I). Ст. 1.

⁴ Решение Комиссии Таможенного союза от 9 декабря 2011 г. № 879 (ред. от 10 июня 2022 г.) «О принятии технического регламента Таможенного союза "Электромагнитная совместимость технических средств"». URL: <http://www.eurasiancommission.org>.

⁵ Приговор Ковровского городского суда от 19 сентября 2016 г. по делу № 1-142 / Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/jLphlI30Lnr4>.

⁶ Приговор Новочеркасского городского суда от 15 февраля 2016 г. по делу № 1-20 / Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Kyvvgbjj56j6R>.

⁷ Приговор Шимановского районного суда Амурской области от 16 декабря 2022 г. по делу № 1-133 / Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/8GXguy87E4YJ>.

категорий достижений научно-технического прогресса, как например, технологии. И в этом отношении мы не можем согласиться с мнением о том, что к категории технических средств следует относить методы (способы, приемы) и методики¹.

А.Е. Федюнин наряду с приборами, устройствами, приспособлениями, предлагает понимать под техническими средствами и программные продукты².

В то же время, программные продукты, представляются не столько техническими средствами, сколько научно обоснованными методами работы с информацией. Методы осуществления процессуальной деятельности, обладая свойством нематериальности, по нашему мнению, нуждаются в самостоятельном определении в качестве отдельной категории уголовно-процессуального права, отражающей способы производства процессуальных действий, либо применения технических средств.

Отметим, что такого рода представления о технических средствах имеются и в судебной практике. В одних случаях суды именуют технические достижения средствами, в частности, «средства видеоконференцсвязи»³, в других, подразумевая способ реализации судебного заседания, используют формулировку «путем видеоконференцсвязи»⁴.

На наш взгляд, методы описывают лишь характер деятельности, последовательность действий, не определяя, как правило, средств её осуществления.

¹ Леви А. Вопросы правовой регламентации применения научно-технических средств в уголовном судопроизводстве. С. 14–20; Ищенко Е.П. Классификация научно-технических средств, используемых на предварительном следствии. С. 32.

² Федюнин А.Е. Правовое регулирование применения технических средств в сфере уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 12.

³ Приговор Центрального районного суда г. Сочи от 25 июня 2019 г. по делу № 1-344 / Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/AaVvRaTOF5Qu>.

⁴ Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 24 августа 2020 г. по делу № 1-233 / Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/zAZpRgvhLENq>.

И, как справедливо замечает В.А. Семенцов, именно они имеют процессуальное значение, поскольку правовое регулирование направлено не на сами технические средства, а на способы их применения¹.

Превалирующее большинство определений характеризуют технические средства, как категорию, отвечающую признакам рукотворности, функциональности, а также, нередко – автоматизма².

Кроме того, каждое из понятий, которое было нами обнаружено применительно к техническим средствам («приборы», «устройства», «инструменты», «приспособления», «средства», «аппаратура») представляют собой разнообразие их форм, зависящих от контекста их использования.

Абстрагирование от всего многообразия форм технических средств приводит нас к представлению их в качестве «устройства». В этом смысле любая форма технического средства в материальном аспекте является «устройством», как вещь или материальным телом, обладающим некоей совокупностью свойств. В результате проведенного анкетирования 68,4% опрошенных респондентов из числа судей, прокуроров, следователей, дознавателей и адвокатов отметили, что техническими средствами являются любые технические устройства, а 26,1% указали, что эти устройства способны фиксировать ход и результаты производства следственных действий³.

Следующий признак технических средств – их способность к интеграции в уголовное судопроизводство, иными словами – способность «встраиваться» в уголовно-процессуальную форму, быть адаптированными к уголовно-процессуальной форме. В то же время, когда речь идет именно о сущности технических средств, то необходимо уточнить ряд позиций. Для этого следует выяснить, а любое ли техническое устройство может быть интегрировано в уголовно-процессуальную форму?

¹ Семенцов В.А. Видео- и звукозапись в доказательственной деятельности следователя: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1994. С. 10.

² См, например: Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.В. Дмитриева. М.: Астрель: АСТ, 2003. С. 215.

³ Приложение 2.

В ч. 5 ст. 166 УПК РФ законодатель требует указать технические средства, не конкретизируя, какие именно данные подлежат занесению в протокол. На наш взгляд, этих требований явно недостаточно. Причина для такого вывода состоит в том, что производство следственных действий имеет ряд общих правил, в числе которых – требование о безопасности участников (ч. 4 ст. 164, ч. 3 ст. 170 УПК РФ). Проблемы совершенствования правового обеспечения личной безопасности в следственных действиях активно обсуждаются в научной литературе¹.

Опасность для участников следственных действий может создавать применение какого-либо технического средства (например, имеющего способность к ионизирующему излучению, которое несет угрозу для здоровья). Соответственно применение технического средства в ходе следственных действий в подобной ситуации должно подчиняться особым правилам обеспечения безопасности участников.

На наш взгляд, при идеальном подходе можно говорить о том, что техническое средство применяется при производстве следственного действия, при условии, что не несет угрозы жизни и здоровью его участников либо иным лицам. Однако, полагаем, что такого рода требование является слишком категоричным и может создавать препятствия в применении необходимых технических средств, позволяющих получить положительный для следственного действия результат. Наша позиция в данном вопросе имеет более гибкий характер. Применение технических средств должно сопровождаться указанием в протоколе следственного действия на его основные технические характеристики, включая возможность создания опасности для жизни и здоровья участников следственного действия и иных лиц. В этой связи закономерным представляется следующее утверждение – любое техническое средство при указан-

¹ См., например: Гришина Е.Б. Особенности применения мер безопасности при производстве следственных действий // Государственная служба и кадры. 2021. № 4. С. 180–182; Зайцев О.А. Правовое обеспечение личной безопасности потерпевшего в уголовном процессе // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 10. С. 82–98.

ном уровне законодательных требований может быть интегрировано в уголовно-процессуальную форму. Правда, указанный подход потребует дополнительного законодательного регулирования производства следственных действий в части обеспечения безопасности его участников.

Например, полагаем, целесообразным включение в перечень требований, предъявляемых к порядку производства следственных действий следующего правила: если при производстве следственного действия применяются техническое средство, несущее угрозу здоровью или жизни его участников (как вариант, вредоносное излучение), то необходимо обеспечить использование участниками следственного действия соответствующих защитных средств. И, отвечая на поставленный ранее вопрос, укажем, что интеграции в уголовно-процессуальную форму подлежит любое техническое средство, посредством указания на его основные, особенно несущие угрозу жизни и здоровью участников следственных действий, характеристики.

Интересный, и, как представляется, важный признак в определении технических средств закладывает А.Е. Федюнин, – их применимость участниками уголовного судопроизводства в целях обеспечения производства процессуальных действий в соответствии с их полномочиями, определенными уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации¹. Аналогичный признак встречается в работе В.А. Панюшкина и В.Г. Большева².

Смысл этого признака в том, что техническое средство в уголовном судопроизводстве должно быть способно дать положительный уголовно-процессуальный результат. Причем не каждое устройство может быть включено в число технических средств, применение которых благоприятно для уголовного судопроизводства и его результатов.

¹ Федюнин А.Е. Законодательная дефиниция «технические средства»: сущность, сфера применения, эффективность реализации // Юридическая техника. 2007. № 1. С. 162.

² Панюшкин В.А., Большев В.Г. Понятие и сущность научно-технических средств, применяемых при расследовании преступлений // Правовая наука и реформа юридического образования. 2012. № 2 (25). С. 183.

Есть еще один важный вопрос: какой именно уголовно-процессуальный результат можно получить в ходе следственных действий с помощью технических средств?

По мнению И.И. Литвина, роль технических средств сводится к целям обнаружения, фиксации и исследования информации в ходе предварительного расследования¹. Д.Е. Кун определяет роль технических средств для обнаружения, фиксации и изъятия значимых для уголовного дела следов, явлений либо событий², а З.Ф. Аминова отмечает, что технические средства применяются для обнаружения, фиксации, изъятия и исследования доказательств, фиксации хода и результатов следственных и судебных действий, а также предупреждения преступлений³.

Приведем следующее высказывание В.А. Семенцова: «Применение видеозаписи как наиболее эффективного средства фиксации позволяет сохранить смысловое содержание, интонационные характеристики и нюансы устного изложения мыслей, фразеологические обороты, передать мимику, жесты, эмоциональное состояние человека, выразительность его речи, отношение говорящего к произносимым словам и вопросам следователя»⁴.

Считаем совершенно справедливым это суждение, которое, тем не менее, нуждается в некотором дополнении: все эти необходимые сведения сохраняются благодаря не техническому средству, а *технологии* видеозаписи, применение которой обеспечивается наличием соответствующего технического средства, обладающего определенными техническими характеристиками.

¹ Литвин И.И. Современные технические средства и проблемы их применения в доказывании на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. С. 98–104.

² Кун Д.Е. Сущность и значение технических средств в уголовном судопроизводстве. С. 110.

³ Аминова З.Ф. К вопросу о закреплении в уголовно-процессуальном законе понятия «технические средства». С. 140.

⁴ Семенцов В.А. Технические средства фиксации содержания и результатов следственных действий // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. № 3. С. 157.

Здесь есть повод высказать собственное мнение: полезный результат от применения технического средства в уголовном судопроизводстве – это реализация определенной технологии, посредством которой могут быть в необходимом качестве получены, зафиксированы, сохранены, переданы и др. сведения, имеющие значение для проверки сообщения о преступлении или уголовного дела. Поэтому *применимость* технических средств в уголовном судопроизводстве неразрывно связана с обеспечением реализации определенной технологии (включая цифровые). Для реализации определенных технологий технические средства должны обладать соответствующими характеристиками, например, фотоаппарат – иметь достаточное разрешение и четкость изображения, а микрофон – обеспечивать чистоту и громкость звука.

Часто встречающимся в литературе признаком технических средств является их *научность*, который многим ученым представляется настолько важным, что на определенном этапе развития уголовного судопроизводства возникло понятие «научно-технические средства». Рассматривая категорию «научно-технических средств», В.А. Панюшкин, в соответствии с указанным критерием, отличает их от обычных бытовых технических средств¹. В УПК Республики Казахстан указано на возможность применения именно и исключительно научно-технических средств².

На наш взгляд, признак научности при характеристике технических средств дискуссионен, во всяком случае, когда его включают в определение сущности технических средств в уголовном судопроизводстве. Наши возражения основаны на нескольких соображениях, из которых приведем основное: любое техническое средство так или иначе представляет собой воплощение какой-либо научной идеи, в разном объеме, с разной эффективностью. Поэтому научность – признак общего родового понятия технического средства и

¹ Панюшкин В.А. Научно-технический прогресс и уголовное судопроизводство (правовые аспекты). С. 70.

² Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V ЗРК (с изм. от 28 мая 2023 г.) // Казахстанская правда. 2014. 10 июля.

никак дополнительно не характеризует техническое средство в уголовном судопроизводстве¹.

Применительно к признаку научности есть повод отметить достаточно давнюю проблему допустимости применения в уголовном судопроизводстве полиграфа², представляющего собой техническое устройство для снятия физиологических реакций человека (от 3 до 8 показателей) и их фиксации. Соответствующая технология (программное обеспечение) позволяет наблюдать динамику этих реакций, а специалист-полиграфолог оценивает их остроту и значимость. При этом детальное рассмотрение применения полиграфа позволяет выявить следующее:

– современный уровень развития такой отрасли медицинской науки как психофизиология не ставит под сомнение научность факторов зависимости физиологических реакций от психоэмоционального состояния человека;

– применяемая компьютерная инженерия не ставит под сомнение точность и полноту фиксации уровня эмоциональной реакции испытуемого посредством технического средства, которое, к тому же, обладает необходимой безопасностью;

– результаты, полученные с помощью компьютерной технологии, обеспеченной соответствующим уровнем технического средства, подлежат интерпретации специалистом, хотя, именно в этой части признак научности при применении полиграфа вызывает многочисленные дискуссии, а в судебной

¹ На наш взгляд, совершенно правильно отмечается «любое техническое средство может быть признано научно-техническим при условии воплощения в нем хоть толики научного знания»: см. Панюшкин В.А., Большев В.Г. Понятие и сущность научно-технических средств, применяемых при расследовании преступлений // Правовая наука и реформа юридического образования. 2012. № 2 (25). С. 186.

² См. об этом: Гареева Э.Р., Фахрисламов Т.Р. К вопросу об использовании полиграфа в производстве следственных действий // Право и государство: теория и практика. 2023. № 5 (221). С. 297–298; Козлова Н. Гаджет для Жеглова. Александр Бастрыкин рассказал об уникальных экспертизах криминалистов // Российская газета. 2020. 18 октября; Машовец А.О. К вопросу о допустимости применения полиграфа для получения показаний в судебном следствии // Общество и право. 2015. № 1 (51). С. 182–186; Семенцов В.А. Психофизиологическая экспертиза с использованием полиграфа в США, России и Казахстане // Аубакировские чтения: материалы междунар. науч.-практ. конф. Алматы: Қазақстан Республикасы им. М. Есболатов, 2021. С. 54–58.

практике приводит к отрицанию доказательного значения опроса с использованием полиграфа (совокупности технического средства и вполне научной технологии), хотя и допускает возможность получения ориентирующей информации¹.

Полагаем, что такой признак как «научность», должен быть обращен не столько к техническому средству, сколько к технологии, которая реализуется при использовании соответствующего технического средства. При этом признак научности технологии может обуславливать классификацию результатов, полученных с помощью тех или иных технологий на уголовно-процессуальные доказательства (технология обладает признаком научности), вспомогательные сведения (получены с помощью технологии, научность которой находится в поле дискуссий).

Обобщая свойства и признаки технических средств можно предложить следующее определение: технические средства при производстве следственных действий – это устройства, обеспечивающие применение технологии, необходимой для обнаружения, фиксации, изъятия, закрепления, сохранения, воспроизведения и передачи сведений, имеющих значение для проверки сообщения о преступлении, установления обстоятельств уголовного дела, интегрируемые в уголовно-процессуальную форму, безопасность применения которых обеспечивается следователем.

Вопросам классификации технических средств в уголовном судопроизводстве по различным критериям посвятили свои исследования И.И. Артамонов, Е.А. Архипова, В.Г. Болычев, В.И. Гончаренко, Г.И. Грамович, В.В. Иго-

¹ Приговор Тбилисского районного суда от 17 января 2020 г. по делу № 1-205 / Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/xth3pCf5jRlj/>; Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 16 февраля 2021 г. № 77-375 на приговор Мещанского районного суда г. Москвы и апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда; Определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 2 марта 2020 г. № 77-132 на приговор Карабулакского районного суда Республики Ингушетия от 18 июня 2019 г. и апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Ингушетия от 3 сентября 2019 г. // СПС «КонсультантПлюс».

шин, В.А. Ионов, Е.П. Ищенко, И.И. Литвин, В.А. Панюшкин, Н.А. Селиванов, В.А. Семенцов, В.А. Серов, П.Т. Скорченко, А.Е. Федюнин, С.Д. Цома, П.С. Элькинд, и др.

Как справедливо отмечали Р.С. Белкин и А.И. Винберг, процессуалисты, выделяя различные критерии классификации технических средств, преследуют цель познания, исследования отдельных аспектов их применения, закономерностей развития, путей использования, предвидения непознанного¹.

На наш взгляд, многообразие технических средств вызывает необходимость их классификации по определенным критериям.

Так, признак материальности технических средств позволяет классифицировать их по форме представления: «приборы», «устройства», «инструменты», «приспособления», «материалы», «средства», «аппаратура» и др. В этой связи Е.П. Ищенко выделяет следующие разновидности технических средств: а) приборы; б) аппаратура и оборудование; в) инструменты и приспособления; г) принадлежности и материалы; д) комплекты научно-технических средств². Тем не менее, считаем, что указанный критерий имеет малое процессуальное значение, не зависящее от формы их (технических средств) представления.

Признак рукотворности предопределяет разделение технических средств на созданные и (или) специально приспособленные.

Н.А. Селиванов, классифицируя технические средства по происхождению, выделяет: 1) разработанные применительно к общей технике и приспособ-

¹ Белкин Р. С., Винберг А. И. Криминалистика и доказывание. Методологические проблемы. М.: Юрид. лит., 1969. С. 53.

² Ищенко Е.П. Классификация научно-технических средств, используемых на предварительном следствии // Теория и практика собирания доказательственной информации техническими средствами на предварительном следствии. Киев: ВШ МВД СССР, 1980. С. 32.

собленные к специальным криминалистическим задачам; 2) созданные исключительно для решения криминалистических задач. Схожие классификации предложены Е.П. Ищенко, В.А. Серовым¹, В.А. Ионовым² и др.

Признак цели или назначения свидетельствует о возможности разделения технических средств по их цели, роли, функциям или назначению в уголовном процессе.

Так, Г.И. Грамович рассматривает технические средства, направленные на: 1) предупреждение преступлений; 2) обнаружение следов и других объектов, имеющих значение по делу; 3) фиксация; 4) изъятие; 5) исследование; б) организация деятельности по борьбе с преступностью³. Е.П. Ищенко по целевому назначению выделяет: средства обнаружения, фиксации, закрепления, изъятия следов и вещественных доказательств, средства экспертного исследования, средства криминалистического учета, розыска преступников и похищенного имущества, средства научной организации труда следователя, средства предупреждения преступления и запечатления преступных посягательств на месте преступления⁴.

Обращает на себя внимание, что указанные классификации применяемых технических средств охватывают своим содержанием не только уголовно-процессуальные, но и иные критерии. А вот, уголовно-процессуальная классификация по критерию цели применения технических средств охватывает, на наш взгляд, такие направления как обнаружение, фиксацию, изъятие следов и вещественных доказательств, средств изготовления процессуальных актов.

Более детальное раскрытие технических средств обнаружения следов и вещественных доказательств произвел в своем исследовании П.Т. Скорченко,

¹ Серов В.А. Использование научно-технических познаний и средств в доказывании по уголовным делам: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1980. С. 5–6.

² Ионов В.А. О системе технических средств, применяемых криминалистами при обучении // Научные основы организации учебно-воспитательной работы в вузе. Свердловск: СЮИ, 1975. С. 70–72.

³ Грамович Г.И. Вопросы применения научно-технических средств при расследовании преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 1970. С. 6–7.

⁴ Ищенко Е.П. Классификация научно-технических средств, используемых на предварительном следствии. С. 32.

выделяя средства фиксации, а также выявления невидимых и мало видимых следов, поисковые приборы, средства закрепления и изъятия следов, средства получения отпечатков пальцев у живых лиц и трупов, средства изготовления композиционных портретов, средства-маркеры, универсальные средства, средства систематизации и выдачи криминалистической информации, средства лабораторного исследования вещественных доказательств¹.

Несмотря на значимость указанной классификации для понимания многообразия технических достижений, полагаем, что большая часть видов технических средств может быть охвачена формулировкой технические средства фиксации.

Схожий подход использован в работе В.И. Гончаренко, разделяющего научно-технические средства, применяемые в следственной работе, на фотографические, акустические, механического выявления и моделирования следов, поисково-аналитические, поисковые простые, вспомогательные². Обращает на себя внимание фактическое смешение разных критериев (акустические – по механизму действия, поисковые простые – по назначению).

Представляет интерес классификация научно-технических средств, применяемых в следственной деятельности, предложенная В.В. Игошиным, в соответствии с критериями, закрепленными в нормах УПК РФ, выделившим по цели: средства обнаружения, изъятия, фиксации следов преступления и вещественных доказательств³, что соответствует законодательной классификации, изложенной в ч. 6 ст. 164 УПК РФ. Автором предложены так же классификации по процессу применения, изложенному в ч. 2 ст. 166 УПК РФ, и по результатам применения (ч. 8 ст. 166 УПК РФ).

¹ Скорченко П.Т. Криминалистика: технико-криминалистическое обеспечение расследования преступлений. М.: Былина, 1999. С. 13–21.

² Гончаренко В.И. Использование данных естественных и технических наук в уголовном судопроизводстве. Киев: Вища школа. Изд-во при Киев. ун-те, 1980. С. 76.

³ Игошин В.В. Правовые основы использования достижений науки и техники в следственной деятельности // Следователь. 2006. № 5. С. 44.

В.А. Серов дополняет триаду целей применения технических средств: «обнаружение, фиксация и изъятие», «исследование доказательств»¹, а В.А. Панюшкин и В.Г. Болычев называют разновидность технических средств, направленных на «проверку доказательств»².

На наш взгляд, законодательная классификация технических средств не лишена недостатков. В частности, обращает на себя внимание двойственность формулировки ч. 6 ст. 164 УПК РФ «При производстве следственных действий могут применяться технические средства и способы обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств», которая, с одной стороны, позволяет применять весь арсенал технических средств при производстве следственных действий, в том числе средства изготовления процессуальных документов, хранения вещественных доказательств и иные. С другой стороны, законодательная классификация технических средств ограничивает возможности их использования только средствами обнаружения, фиксации и изъятия, что на наш взгляд представляется значимой проблемой.

В связи с этим в процессе правового толкования полагаем целесообразным руководствоваться широким пониманием формулировки «технические средства», при котором возможно использование всего их арсенала в ходе производства следственных действий. Указанный подход позволяет выделить следующие виды технических средств, применяемых в следственных действиях:

- 1) предназначенные для обнаружения следов и вещественных доказательств;
- 2) как средство фиксации следов и вещественных доказательств;
- 3) для изъятия следов и вещественных доказательств;
- 4) исследования доказательств;
- 5) для проверки доказательств;
- 6) как вспомогательные средства.

Последняя группа технических средств включает в себя средства протоколирования хода и результатов следственного действия, средства, обеспечи-

¹ Серов В.А. Использование научно-технических познаний и средств в доказывании по уголовным делам. С. 6.

² Панюшкин В.А., Болычев В.Г. Классификация научно-технических средств, применяемых при расследовании преступлений // Юридические записки. 2013. № 3 (26). С. 189.

вающие реализацию мер безопасности и др. (например, оборудование для производства следственного эксперимента), необходимые для обеспечения нормального хода производства следственного действия.

Иные уголовно-процессуальные классификации предполагают деление технических средств по участникам, их применяющим, и по их доказательственному значению.

Так, Е.П. Ищенко в числе лиц, применяющих технические средства, называет: а) следователя при собирании доказательственной информации; б) эксперта при производстве экспертных исследований; в) специалиста при участии в следственных действиях; г) оперативного работника при производстве оперативно-розыскных мероприятий. В.А. Серов разделяет технику по субъекту на используемую следователем или специалистом (экспертом).

На наш взгляд, технические средства могут быть классифицированы в дополнение к уже имеющимся основаниям, по критерию научности (апробированности, устойчивости результатов) и инновационности (новизне, оспорируемости, неустойчивости результатов) применяемых технологий. Этот критерий для классификации нам представляется важным в силу следующих обстоятельств:

1. Неразрывная связь технического средства и технологии, что позволяет правильно отбирать подлежащие применению при производстве следственных действий технические средства для получения наиболее желательного (в процессуальном смысле) результата.

2. Ведущая роль технологии по отношению к техническим средствам, когда неприемлемость использования технологии в сложившейся процессуальной ситуации приводит к отказу от применения соответствующих технических средств.

3. Быстрые темпы развития технических средств обеспечивают применение все более новых технологий в следственных действиях, повышая их эффективность.

4. Научность или инновационность технологии позволяет правильно решать вопрос о процессуальной значимости полученных с ее помощью результатов применения технических средства, обеспечивающих формирование доказательств, либо получение лишь ориентирующей информации.

Подводя итог исследования вопроса о понятии и классификации технических средств в уголовном судопроизводстве, представляется возможным сформулировать следующие выводы.

Технические средства при производстве следственных действий – это устройства, обеспечивающие применение технологии, необходимой для обнаружения, фиксации, изъятия, закрепления, сохранения, воспроизведения и передачи сведений, имеющих значение для проверки сообщения о преступлении, установления обстоятельств уголовного дела, интегрируемые в уголовно-процессуальную форму, безопасность применения которых обеспечивается следователем.

Полагаем, что ст. 5 УПК РФ для законодательного закрепления понятия технических средств необходимо внести новый п. 54.1: «54.1) технические средства – устройства, обеспечивающие применение технологии, необходимой для обнаружения, фиксации, изъятия, закрепления, сохранения, воспроизведения и передачи сведений, имеющих значение для проверки сообщения о преступлении, установления обстоятельств уголовного дела»¹.

Классификация технических средств в уголовном судопроизводстве проводится по большому кругу оснований. Несмотря на это предлагается еще одно основание: научность и инновационность технологий, обеспечиваемых техническим средством. По этому критерию можно выделить: современные и инновационные технические средства. Полагаем, что такого рода классификация может иметь самое разное значение, включая законодательное правило о необходимости применять при производстве следственных действий только те

¹ Приложение 1.

технические средства, технологии которых имеют высокую степень научной апробации.

Все многообразие технических средств и технологий, применяемых в уголовном судопроизводстве, охватывается общим понятием достижений науки и техники.

1.2. Понятие и виды цифровых технологий в уголовном судопроизводстве

Развитие научно-технического прогресса происходит в направлении разработки все более совершенных технических средств и передовых технологий. Причем технологии имеют не менее важное значение, чем технические средства. Представляя собой специфический вид деятельности, технологии¹ неразрывно связаны с техническими средствами.

Применительно к уголовному судопроизводству разграничение техники и технологий мы находим в работах отдельных ученых.

С.Д. Цомая отмечает, что «указанные в законе так называемые "технические средства" фотокиносъемка, аудио-, видеозапись, изготовление планов, схем, чертежей, слепков, оттисков (ст. 166 УПК РФ) по своей природе являются реальными "научно-техническими средствами"»². Учёный представляет методы применения технических средств в качестве исключительно научно-технических средств, что так же обосновывается необходимостью разграничения указанных категорий.

¹ Технология (от греч. искусство, мастерство, умение) – совокупность методов и инструментов для достижения желаемого результата; в широком смысле – применение научного знания для решения практических задач, совокупность приемов и методов получения, добычи, сохранения обработки и др. материалов ((Некрасов С.И., Некрасова Н.А. Философия науки и техники: тематический словарь-справочник. Орёл: ОГУ, 2010. С. 207–208).

² См.: Цомая С.Д. Правовое регулирование и доказательственное значение применения научно-технических средств в уголовном судопроизводстве. С. 8.

Вместе с тем, полагаем, что группа технических достижений-методов нуждается в самостоятельной формулировке, отличной от технических средств или смежной формулировки «научно-технических средств».

Д.В. Зотов выделил два компонента технических средств в доказывании: общетехнические средства (собственно, технические средства) и технико-криминалистические средства (содержательно охватываемые понятием метода (способа) применения технических средств)¹.

Наличие научных позиций убеждает в том, что предпосылки к разграничению технических средств и технологий сложились достаточно давно и имеют объективное основание. Однако, несмотря на значимость и принципиальное различие с техническими средствами понятие «технологии» в уголовном судопроизводстве до настоящего времени является разработанными лишь отчасти. Это обстоятельство представляется существенным, тем более что законодатель, указывая на фото- и киносъемку, аудио- и видеозапись, видео-конференц-связь, перечисляет не технические средства, а именно технологии, реализуемые благодаря наличию определенных технических устройств. По мнению автора, уголовно-процессуальное регулирование должно осуществляться не только в отношении технических средств, но и технологий.

Раскрывая сущность технологии в уголовном судопроизводстве важно сразу обратить внимание на следующее обстоятельство. Технология может рассматриваться в двух аспектах – как направленная на применение технического средства с целью получения процессуально значимого результата: фотографического снимка, видеозаписи и др., так и служащая процессуальным способом применения технического средства. Участники уголовного судопроизводства могут применять устройства, приспособления и др., которые, отвечая предъявляемым требованиям и перечисленным выше признакам, представ-

¹ Зотов Д.В. Уголовно-процессуальное доказывание и научно-технические достижения: теоретические проблемы. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2005. С. 84.

ляют собой технические средства. При этом сам способ применения технического средства или производства следственного, иного процессуального действия выступает в качестве технологии.

В своем исследовании обратимся к определению технологии только в первом из указанных аспектов, поскольку второй – это собственно уголовно-процессуальная форма, предназначенная для применения определенного технического средства. Эта форма нами будет рассмотрена применительно к некоторым техническим средствам и технологиям при производстве следственных действий.

Наличие именно технологий в уголовном судопроизводстве, их отличия, а также неразрывная связь с техническими средствами может быть проиллюстрирована следующими обстоятельствами. Современная уголовно-процессуальная деятельность все больше опирается на использование различных технических достижений: участники процесса, связанные через единую сеть электронно-вычислительных машин, имеют возможность удаленно обмениваться информацией, представлять заявления и ходатайства в электронной форме, что тесно связано с функционированием государственной автоматизированной системы «Правосудие» и использованием электронных документов в рамках уголовного дела. Применение микрофонов и других технических устройств позволяет суду осуществлять аудио-протоколирование судебного заседания. С помощью видеокамер, микрофонов и электронно-вычислительных устройств, следователь может производить допрос лиц, находящихся в удаленных или труднодоступных местах.

Во всех рассмотренных случаях применение технических средств обусловлено специальным порядком деятельности. Так, при использовании аудио-протоколирования осуществляется запись хода судебного заседания, что позволяет вести точную документацию процесса; в случае применения видео-конференц-связи стандартная процедура допроса модернизируется и адаптируется к особенностям его удаленного осуществления, что позволяет допрашивать лиц, находящихся в отдаленных местах, обеспечивая эффективную коммуникацию

и получение процессуальной информации. В рамках Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Правосудие» (далее – ГАС «Правосудие») внедрен дистанционный порядок подачи процессуальных актов, обеспечивающий передачу необходимых документов через электронные каналы связи, соблюдая установленные правила и требования.

При этом традиционный порядок осуществления процессуальной деятельности в условиях применения технических средств и технологий приобретает качественно новую форму. Роль модернизирующего фактора принадлежит правовому конструкту применения технических средств, который, на наш взгляд, целесообразно представить технологией, поскольку указанное понятие наиболее полно отражает методологическую сторону использования технических средств¹.

В последнее десятилетие широкая имплементация в уголовное судопроизводство осуществляется в отношении так называемых цифровых технологий. Их понятие не нашло отражения в уголовно-процессуальном законодательстве и не получило широкого освещения в юридической литературе несмотря на то, что такого рода технологии известны уголовному судопроизводству достаточно давно.

С принятием Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 31 августа 1966 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР», дополняющим УПК РСФСР 1960 г. ст. 141.1, советскому уголовному процессу стало доступно применение технологии «звукозаписи» во время допроса². Её суть заключалась в регистрации аудиоинформации, связанной с проведением следственного действия посредством применения соответствующей звукозаписывающей, звуковоспроизводящей и звукосохраняющей аппаратуры. Ввиду того, что традиционные методы фиксации информации не

¹ Большой Энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. М.: Советская энциклопедия; Санкт-Петербург: Фонд «Ленингр. Галерея», 2002. 1628 с.

² Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 31 августа 1966 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» (утратил силу) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1966. № 36. Ст. 1018.

обеспечивали сохранение аудиоданных, процедура следственного действия была дополнена использованием специального технического устройства, способного преобразовывать аудио-сигналы в цифровой формат и записывать их. Результатом такой фиксации становилось специальное средство хранения информации, содержащее фонограмму, которое прилагалось к материалам дела. Данный процесс получил название «звукозапись». В действующем УПК РФ «звукозапись» переименована в «аудиозапись».

Наряду с аудиозаписью, ч. 2 ст. 166 УПК РФ предусматривает возможность осуществления следователем стенографирования, фотографирования, киносъемки и видеозаписи.

В научных подходах к исследованию технических достижений понятие технологий отражается по-разному. Так, А.А. Леви, рассматривая технические средства в широком и узком смысле, включает в содержание широкого подхода «методы (способы, приемы) и методики применения технических средств»¹. Е.П. Ищенко в структуре технико-криминалистических средств отражает «научные приемы и методы, которые используются для решения задач, связанных с раскрытием, расследованием и предупреждением преступлений»². Д.В. Зотов под технико-криминалистическими средствами понимает, в том числе методики (технологии) применения технических средств³. В.Г. Большечев в состав понятия «научно-технические средства» включает «технические средства и научно обоснованные методики их применения, используемые в порядке, не запрещенном УПК РФ»⁴.

¹ Леви А.А. Процессуальные и криминалистические проблемы применения научно-технических средств в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1977. С. 6–7.

² Ищенко Е.П., Топорков А.А. Криминалистика: учебник. 2-е изд. М.: ИНФРА-М, 2010. С. 83.

³ Зотов Д.В. Теоретические проблемы научно-технических достижений, применяемых в уголовно-процессуальном доказывании: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2003. С. 8–9.

⁴ Большечев В.Г. Применение научно-технических средств в процессуально-тактической деятельности следователя: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2012. С. 8.

В каждом из отмеченных случаев нам видится определенная неточность. Говоря о технологии применения технического средства в буквальном смысле получается, что указывается на технологический процесс использования самого технического устройства, а не его потенциала. Так, методика применения технического устройства, например, звукозаписывающего, может рассматриваться как совокупность тактических и процессуальных способов его применения: от выбора следственной ситуации, когда следователь полагает целесообразным применить звукозапись, до выполнения процессуальных правил ее осуществления.

Что касается собственно технологии, то это производственный процесс, с помощью которого звукозапись осуществляется, а именно – процесс преобразования акустических колебаний в электрический сигнал или генератор тона, с дальнейшим преобразованием электрических колебаний в последовательность дискретных значений, сохранением полученных сигналов в доступной для дальнейшего воспроизведения форме. В каждом из этих этапов должно присутствовать специальное техническое устройство, которое в настоящее время объединено в единый комплекс, называемый звукозаписывающей аппаратурой. Технология звукозаписи может быть монофонической, стереофонической, многоканальной. Технология сохранения полученных сигналов также существенно различается – это аналоговая и цифровая технология. В каждом случае можно выделить подвиды: аналоговая технология может быть механической, электромеханической, оптической магнитной, а цифровая звукозапись – магнитооптическая, лазерная, оптическая и др.

Как видно из приведенного перечня, техническое устройство для получения аудио материала остается постоянным и основывается на научных принципах, а вот технологии его получения, обработки и сохранения постоянно модифицируются. При этом технологические процессы получения нужных материалов совершенствуются в разных направлениях, ускоряются сами и ускоряют получение ожидаемого результата. Однако для уголовного судопроизводства важным является не этот фактор, а точность получаемой информации,

ее адекватность действительным обстоятельствам, поскольку любая запись представляет собой производный материал, содержание которого оценивается, прежде всего, с позиции его достоверности. Применение технологий нового поколения, с одной стороны раскрывает новые горизонты в части получения ранее недоступной информации для установления существенных в процессуальном отношении обстоятельств, а с другой – ставят задачу оценки этих технологий и их результатов с позиции назначения уголовного судопроизводства и возможности использовать инновационные технологии как приемлемые для решения его задач.

В силу отмеченных обстоятельств именно развитие технологий в современных условиях может иметь особое значение для уголовного судопроизводства. И первым вопросом, в ряду подлежащих разрешению, является научное определение технологии в уголовном судопроизводстве, с тем чтобы иметь возможность опираться на совокупность наиболее существенных ее признаков, позволяющих отграничить приемлемые технологии от неприемлемых, с процессуальной точки зрения.

Второй вопрос, который может быть решен благодаря определению технологии в уголовном судопроизводстве, связан с тем, что это процессуальная отрасль права. Регулируя правовые процедуры, уголовно-процессуальная отрасль права связана с необходимостью поиска такой модели правоотношений, при которой бы соблюдались права участников. Вместе с тем в УПК РФ, частично устанавливающим правила применения технических средств в следственных действиях, отсутствует упоминание о правилах применения технологий, что оставляет решение этого вопроса на усмотрение правоприменителя.

Указанное обстоятельство может приводить к потенциальным нарушениям прав участников следственных действий и влиять на допустимость применения технических средств¹, в связи с чем, внедрение и применение, например, цифровых технологий, без соответствующей процессуальной формы их использования, в условиях неприспособленности действующего уголовно-процессуального законодательства, в литературе признается недостатком цифровизации². Обращая внимание на подход к правовому регулированию применения электронных информационных технологий в криминалистике и уголовном судопроизводстве, Ю.Н. Соколов признает, что действующую правовую регламентацию их использования «сложно признать удовлетворительной»³.

Ещё в 1994 г. В.А. Семенцов, раскрывая понятие научно-технических средств, справедливо отметил, что «в уголовно-процессуальном законодательстве регламентируется не сами технические средства, а процессуальный порядок применения и доказательственное значение полученных при этом материалов»⁴.

Родоначальником понятия «технологии» считается ученый Иоганн Бекман из Геттингенского университета, который в 1772 г. представил её как ремесленное искусство. В его концепции «технологию» составляли профессиональные навыки и эмпирические представления об инструментах труда и рабочих операциях⁵. Со временем понятия «техника» и «технологии» претерпели отождествление, которое было распространено на протяжении длительного периода времени и начало преодолеваться только в последние десятилетия.

¹ См. об этом: Глимейда В.В. Проблемы обеспечения прав участников при производстве следственных действий в режиме видео-конференц-связи // Евразийский юридический журнал. 2023. № 3 (178). С. 309–311.

² Гладышева О. В. Цифровизация уголовного судопроизводства и проблемы обеспечения прав его участников // Юридический вестник Кубанского гос. ун-та. 2019. № 1. С. 32–33.

³ Соколов Ю.Н. Информационные технологии и оборот цифровых данных в криминалистике: вопросы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2023. С. 186.

⁴ Семенцов В.А. Видео- и звукозапись в доказательственной деятельности следователя: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1994. С. 9.

⁵ Березина Е.А. Правовая технология: истоки возникновения научного направления // Философия права. 2020. № 1 (92). С. 8.

Современная литература предлагает более точное понимание технологии как «совокупности знаний, опыта и навыков по организации той или иной деятельности и установления набора и последовательности соответствующих процедур и операций»¹.

Применительно к уголовному судопроизводству все чаще упоминается термин «цифровые технологии». В.М. Лебедев обратил внимание на перспективу внедрения высоких технологий в судебную деятельность, что обеспечивает гражданам более оперативный и качественный доступ к правосудию². Л.А. Воскобитова пишет о «явочном порядке» проникновения цифровых технологий в уголовное судопроизводство³. Л.В. Головкин отмечает колоссальное влияние технологий на процессы уголовного судопроизводства⁴. О.В. Гладышева связывает эффективность уголовно-процессуальной деятельности с применением цифровых технологий⁵.

Вместе с тем единственная законодательная формулировка, касающаяся технологии, содержится в п. 3 ч. 2 ст. 82 УПК РФ, где речь идет о «технологической переработке» вещественных доказательств, носящей внепроцессуальный характер.

В целях определения понятий «технологии» и «цифровые технологии» в уголовном судопроизводстве, рассмотрим основные их признаки.

Во-первых, технология представляет собой нематериальное явление⁶. Законодатель, раскрывает понятие информационных технологий в качестве

¹ Литова З.А. Сущность понятия «технология» на современном этапе // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского гос. ун-та. 2019. № 2 (50). С. 165.

² Верховный суд загадал число. Судебная практика все глубже уходит в цифровые технологии / Верховный Суд РФ. URL: https://www.vsrp.ru/press_center/mass_media/30939/.

³ Воскобитова Л.А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // Lex Russica. 2019. № 5 (150). С. 93.

⁴ Головкин Л.В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 16.

⁵ Гладышева О.В. Цифровизация уголовного судопроизводства и проблемы обеспечения прав его участников. С. 32.

⁶ Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; Российская АН, Ин-т рус. яз., Российский фонд культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Азъ, 1994. 907 с.

«процессов, методов поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способов осуществления таких процессов и методов»¹.

Аналогичный подход используется учеными, выделяющими признак нематериальности технологий. Так, Т.С. Демичева, раскрывая понятие информационных технологий, представляет их в качестве «процессов и методов»². Позиция М.Н. Шармаковой также состоит в том, что технологии определяются как совокупность «способов, приёмов, механизмов»³.

Дифференциация технологий и технических средств выявляется при анализе правоприменительных актов – решений судов, разграничивающих технические средства и способы их использования. Так, в приговоре Заринского городского суда Алтайского края упоминается «фотосъемка с помощью цифровой фотокамеры», отнесённые к техническим средствам фиксации хода и результатов осмотра⁴. Согласно решению Уссурийского районного суда Приморского края, в ходе обыска следователь предупредил участников о проведении фотосъемки, при которой использовалась фотокамера телефона⁵. Из приговора Локтевского районного суда Алтайского края следует, что в ходе следственного действия применялся фотоаппарат, при помощи которого осуществлялась фотосъемка⁶.

¹ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. 31 июля 2023 г.) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (часть I). Ст. 3448.

² Демичева Т.С. Понятие информационных технологий в уголовном процессе // Криминологический журнал. 2022. № 4. С. 68.

³ Бородинова Т.Г. Цифровые технологии в уголовном судопроизводстве России: пределы и проблемы внедрения // Правосудие. 2022. № 1. С. 79.

⁴ Приговор Заринского городского суда Алтайского края от 10 июля 2020 г. по делу № 1-19 / Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/NFsJTlbrwQ5l>.

⁵ Приговор Уссурийского районного суда Приморского края от 28 февраля 2020 г. по делу № 1-11/2020 / Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/aAhL0gpJNzZw>.

⁶ Приговор Локтевского районного суда Алтайского края от 5 июня 2017 г. по делу № 1-56 / Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/liv6dGUCAdxu>.

В свете приведенного признака представляется ошибочной точка зрения В.С. Беляковой, отмечающей совпадение цифровых технологий и технических средств¹. Однако, на наш взгляд, рассмотренный выше признак нематериальности технологий служит одним из ключевых, позволяющих отграничить технологии от технических средств.

Во-вторых, технология является достижением научно-технического развития, уровень которого может быть различным. Принадлежность технологий к достижениям науки свидетельствует об их обоснованности научными знаниями, что объясняет доктринальные предложения о закреплении требования «научной обоснованности» к технологиям в равной степени, что и к техническим средствам. Отражение как эмпирических, так и научных знаний в технике и технических средствах отмечено С.Д. Цомая².

Указанная общая черта технических средств и технологий явилась одной из предпосылок к возникновению комплексного подхода к их пониманию, объединенного формулировкой «научно-технические средства», где, по замечанию И.И. Литвина, признак научной обоснованности «ставится во главе, как бы возвышаясь над технической составляющей, которая, присуща лишь простейшим приспособлениям»³.

Именно технология представляет особую важность для уголовного судопроизводства, не только с позиции процессуальной формы ее использования, но и научности. Не секрет, что существуют примитивные или кустарные технологии, тем не менее, позволяющие порой получать те же результаты, что и привычные нам сегодня, например, аудиозапись, которая, будучи записан-

¹ Белякова В.С. Цифровые технологии в уголовном процессе // Экономические, политико-правовые, социологические дискуссии: материалы XI Всерос. науч.-практ. конф. Ростов-на/Д.: Манускрипт, 2022. С. 219–224.

² Цомая С.Д. Понятие научно-технических и технико-криминалистических средств // Публичное и частное право. 2009. № 3 (3). С. 111.

³ Литвин И.И. Современные технические средства и проблемы их применения в доказывании на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. С. 22.

ной на грампластинку, позволяет сохранить содержание информации, полезной для уголовного судопроизводства. Вместе с тем такая фиксация (на грампластинку) вряд ли удовлетворяет современным потребностям практики уголовного судопроизводства (искаженность звука, неразборчивость воспроизведения в некоторых частях, сложность сохранения и воспроизведения записи и др.). В то же время аудиозапись с применением современных технологий имеет большое практическое значение и масштабное применение.

Следует учитывать, что современные технологии отличаются сложностью применения, когда может потребоваться специалист, но при этом технологический результат устойчив и релевантен, что существенно повышает его востребованность в уголовном судопроизводстве.

Научность технологии¹ в уголовном судопроизводстве, на наш взгляд, приобретает решающее значение в случае ее применения при производстве следственных действий, предназначенных для получения доказательств. Поэтому те технологии, что не обладают свойством научной апробации и не зарекомендовали себя в качестве устойчивого средства получения процессуальных доказательств, не должны применяться для их формирования. Поэтому признак научности рассматриваем в качестве сущностного, подлежащего включению в определение технологии при производстве следственных действий.

В-третьих, технология должна иметь способность к уголовно-процессуальной интеграции, определяющей принципиальную возможность использования той или иной ее разновидности для решения уголовно-процессуальных задач. Процессуальная адаптация для технологии – обязательный признак. В то же время возможность применения отдельных технологий только в рамках некоторых следственных действий позволяет выделить уровни этой адаптации

¹ Научность: 1) соответствие критериям научного знания, а именно упорядоченности, обоснованности и практической эффективности тех или иных утверждений; 2) соответствие научной методологии, наличие практического или теоретического способа проверки утверждения (Словарь русского языка: в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 2 (электронная версия).

и определять как общие, так и специальные правила применения технологий (для отдельных из них в рамках некоторых следственных действий).

Поскольку технологии используются чаще всего для получения уголовно-процессуальных доказательств, то их адаптация в уголовном деле должна происходить именно применительно к порядку производства следственных действий и отдельных их видов. Например, видеозапись может применяться фактически в любом следственном действии, а ее уголовно-процессуальная адаптация должна иметь универсальный уровень. А вот, видео-конференц-связь, при очевидной для нас необходимости расширения сферы применения, все же должна основываться на специальных правилах применения и в рамках отдельных следственных действий.

Одновременно стоит отметить, что процессуальная сторона технологии часто не получает должного закрепления в нормативных правовых актах, что может приводить к неоднозначности и неопределенности в ее применении. В свете данной проблемы возрастает интерес к законодательному регулированию процедур применения некоторых технологий, включая видео-конференц-связь¹. Законодательное закрепление процедур позволит более эффективно управлять и контролировать применение технологий в сфере уголовного судопроизводства, при одновременном обеспечении безопасности и защиты прав участников.

Тем не менее, важно подходить к такому законодательству с осторожностью, учитывая быстрый технологический прогресс и возможные изменения в будущем. В идеале нормативные правовые акты должны быть гибкими и способными адаптироваться к новым техническим решениям, чтобы не стать узкоспециализированными и устаревшими в сравнительно короткие сроки.

¹ Афанасьева С.И., Добровлянина О.В. Правовое регулирование производства следственных действий с использованием видео-конференц-связи по действующему УПК РФ // *Ex iure*. 2022. № 4. С. 103–104; Семенцов В.А., Глимеда В.В. Технология видео-конференц-связи и ее применение в уголовном судопроизводстве // *Юридический вестник Кубанского гос. ун-та*. 2022. № 2. С. 67–76.

В-четвертых, технология неразрывно связана с техническими средствами, без которых ее применение становится невозможным, поскольку техническое средство представляет собой обязательный инструмент применения технологии.

Рассмотренное свидетельствует о наличии качественно иной правовой категории (технологий), отличной от технических средств, не получившей нормативного закрепления. На основе обобщения основных признаков, можно представить её определение следующим образом: технология в уголовном судопроизводстве – это совокупность последовательно совершаемых действий (приемов), с использованием необходимых технических инструментов, направленных на получение определенного продукта (материального объекта, изображения, иное), потенциально обладающего уголовно-процессуальным значением (в том числе доказательственным). Учитывая возможное доказательственное значение результатов применения технологий в уголовном судопроизводстве, в рамках своего исследования, считаем необходимым дополнить это определение такими признаками, как «научно обоснованная совокупность последовательно совершаемых действий, результат которых соответствует требованиям уголовно-процессуального закона, предъявляемым к доказательствам», что подчеркивает научность технологии, проверяемость результатов ее применения, а также возможность интеграции технологии в уголовно-процессуальную форму следственных действий.

Наряду с технологией широкое распространение приобрело понятие «цифровая технология». Благодаря цифровым технологиям «уголовное судопроизводство переживает крупномасштабную трансформацию, предполагающую переосмысление существующих доктринальных положений, касающихся всех институтов уголовно-процессуального права»¹.

¹ Зуев С.В., Каменев А.С. Собрание и проверка электронной доказательственной информации стороной защиты в уголовном судопроизводстве: монография. М.: Юрлитинформ, 2024. С. 3.

Цифровые технологии тесно связаны с более общим понятием – информационных технологий, которые определены в ст. 71 Конституции Российской Федерации как предмет ее ведения¹. В соответствии с Федеральным законом от 27 июня 2006 г., информационные технологии представляют собой «процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов»².

Ю.Н. Соколов отмечает, что информационные технологии тесно связаны с оборотом цифровых данных³. В этом контексте цифровые технологии можно рассматривать как разновидность информационных технологий, основанную на цифровой передаче данных.

Об аналогичном понимании цифровых технологий свидетельствуют результаты проведённого анкетирования, согласно которым 66,7 % респондентов на вопрос о соотношении понятий указали что, информационные технологии – более широкое понятие, чем цифровые технологии⁴. Такой подход представляется логичным, учитывая, что современное информационное общество все больше ориентируется на цифровые коммуникации, обработку и хранение данных.

Ранее в нашем исследовании отмечалось, что при производстве следственных действий законодательное закрепление получила лишь часть технологий. Здесь же подчеркнем, что направление развития традиционных технологий в большей степени имеет цифровой характер, т. е. технологическое развитие имеет ярко выраженную тенденцию расширения цифрового поля, с

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 1993. 25 декабря.

² Статья 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. 31 июля 2023 г.) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

³ Соколов Ю.Н. Информационные технологии и оборот цифровых данных в криминалистике: вопросы теории и практики. С. 9.

⁴ Приложение 2.

внедрением соответствующих технологий в уголовное судопроизводство в целом и в производство следственных действий, в частности. Приведем подтверждение этому тезису и укажем на проблемные аспекты.

1. Стенографирование представляет собой особую технологию письма, позволяющую быстро фиксировать информацию в протоколе в виде кодированных знаков. Сущность указанной технологии состоит в изменении способа фиксации информации, в результате которого меняется формат отображения информации в протоколе. Часть 2 ст. 166 УПК РФ предоставляет возможность использования стенографирования при производстве любого следственного действия, что делает его универсальной технологией фиксации значимой информации.

Сегодня технология стенографирования приобретает цифровой формат, когда получает распространение технология автоматического стенографирования, которая прошла пробное тестирование при реализации систем «Нестор. Правосудие» в 20 залах на участках мировых судей г. Ижевска¹. Благодаря искусственному интеллекту, названная система самостоятельно переводит речь в текст протокола судебного заседания. Тем самым технология способствует автоматическому составлению протокола, хотя в действующем УПК РФ законодательное регулирование цифрового стенографирования не предусмотрено.

2. Фотографирование – способ сохранения изображения, при котором запечатлеваются явления или объекты в их статическом виде и создается возможность их последующего восприятия и распространения. Фотографирование упоминается в ч. 2 ст. 178 УПК РФ, ч. 5 ст. 179 УПК РФ, ч. 4 ст. 189 УПК РФ, ст. 190 УПК РФ. Существует аналоговая и цифровая фотография. Цифровая технология фотографирования значительно отличается от аналоговой и не только скоростью создания конечного продукта (фотоизображения), но и способами первичной и последующей обработки полученного изображения.

¹ Роботов-стенографистов внедрили в мировых судах Ижевска // Коммерсантъ (Удмуртия). 2021. 21 января. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4654464>.

Вновь подчеркнем, что наличие цифровой фотографии и все особенности, связанные с сохранением изображения в цифровом формате законодателем не определяются. А, они есть и порождают большое количество практических проблем в связи с практически полной заменой при производстве следственных действий аналоговой фотосъемки цифровой.

3. Киносъемка – одна из технологий, буквально отраженная в тексте УПК РФ, но не находящая сегодня широкого практического применения. Киносъемка упоминается в ч. 5 ст. 179, ч. 4 ст. 189, ст. 190, ч. 5 ст. 191 УПК РФ.

На смену киносъемке пришла технология видеозаписи. Видеозапись, наряду с аудиозаписью, допускается к использованию при производстве следственных и судебных действий для фиксации получаемой информации. Отличительными особенностями видеозаписи от киносъемки являются технология записи изображения на основе последовательности ряда чисел, а не путем занесения его на магнитный носитель, что обусловлено особенностями технического устройства, обеспечивающего видеозапись, а также обязательно сопровождается применением еще одной технологии – сохранения видеозаписи.

Возможность применения видеозаписи в следственных действиях устанавливается ч. 5 ст. 179, ч. 4 ст. 189, ст. 189.1, ст. 190, ч. 5 ст. 191 УПК РФ, а в ч. 4 ст. 192 УПК РФ предусмотрено, что видеозапись воспроизводится при оглашении показаний ранее допрошенных лиц. При этом регулирования в деталях этой технологии, равно как и порядка применения, обеспечивающих ее выполнение и сохранение результатов в УПК РФ не содержится.

4. Аудиозапись в уголовном судопроизводстве, несмотря на ее традиционность и привычность, имеет сложный, составной характер: 1) это технология фиксации звуковой информации посредством специальных технических средств; 2) технология сохранения результата записи – фонограммы, которая может иметь цифровой (ряд чисел) и аналоговый (магнитный) носитель. Аудиозапись упоминается в ч. 4 ст. 189, ст. 190 УПК РФ, безотносительно к указанным двум элементам технологического и технического характера.

5. Видео-конференц-связь – исключительно цифровая технология, основанная на электронных методах передачи видеоизображения и звуковой информации и их записи, обеспеченная применением цифровых технических устройств, позволяющих осуществлять двустороннюю передачу аудиовизуальной информации в режиме реального времени. Статья 189.1. УПК РФ регламентирует порядок применения указанной технологии при производстве допроса, очной ставки и опознания. Указанные следственные действия в настоящее время исчерпывают процессуальный потенциал видео-конференц-связи. Нам представляется, что эта цифровая технология имеет гораздо более широкие возможности, и в дальнейшем ее применение может быть полезно при производстве других следственных действий, что потребует расширения законодательного регулирования соответствующего порядка.

6. Электронный документооборот и СМС-оповещение – цифровые технологии, позволяющие быстро обмениваться процессуальными документами посредством цифрового обмена данными, а также оповещать участников уголовного судопроизводства о необходимости совершения процессуальных действий. Возможность изготовления документов электронным способом установлена в ч. 2 ст. 474 УПК РФ.

Статья 474.1 УПК РФ упоминает о возможности направлении повестки или уведомления цифровым способом. Согласно п. 1.3 приказа Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 25 декабря 2013 г. № 257 (ред. от 27 августа 2019 г.) «СМС (SMS)» (Short Message Service – служба коротких сообщений) – технология, позволяющая осуществлять приём и передачу коротких текстовых сообщений (СМС-сообщений) при помощи мобильного телефона¹.

Преимуществом применения технологии СМС-оповещения является возможность уведомления о важных событиях (например, производстве след-

¹ Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 25 декабря 2013 г. № 257 (ред. от 27 августа 2019 г.) «Об утверждении Регламента организации извещения участников судопроизводства посредством СМС-сообщений» // Бюллетень актов по судебной системе. 2014. № 2.

ственных действий) участников уголовного судопроизводства в автоматизированном режиме, при котором цифровые системы позволяют быстро работать с шаблонами текстов и моментально фиксировать факт отправки, последующего получения и прочтения извещения, что реализовано в государственной автоматизированной системе «Правосудие».

Применение технологии СМС-сообщения, при наличии согласия участника процесса, ускоряет и упрощает оповещение, одновременно служит обеспечению прав граждан, позволяет соблюдать установленные сроки и способствует сокращению расходов бюджетных средств¹.

В литературе активно обсуждаются перспективы формирования комплексной технологии «электронное уголовное дело», сущность которой состоит в оцифровке (придании цифрового формата) процессуальных документов и организации электронного делопроизводства, что позволяет использовать массив технологий, ранее не известных уголовно-процессуальной деятельности, а также потенциально способных привести к формированию «цифровой экосистемы» следователя – комплексной технологической системы электронных ресурсов, охватывающей все, либо основные сферы его деятельности.

В настоящее время понятие «цифровая экосистема» выполняет доминирующую роль в рамках развития цифровой экономики государства². Технология электронного уголовного дела является основой для цифровой экосистемы уголовно-процессуальной деятельности следователя, которая позволяет установить цифровое взаимодействие, включая коммуникацию участников на основе совместного использования одинаковых цифровых платформ для достижения назначения уголовного судопроизводства. Принятие за основу в процессе цифровизации уголовно-процессуальной деятельности следователя

¹ Семенцов В.А., Горбачев Ю.Э. СМС-оповещение и видеоконференцсвязь в судопроизводстве // Общество и право. 2018. № 3 (65). С. 69.

² Иванов А.Л., Шустова И.С. Исследование цифровых экосистем как фундаментального элемента цифровой экономики // Креативная экономика. 2020. № 5. С. 666–667.

цифровой экосистемы, позволит внедрять цифровые технологии, с учетом требований уголовное судопроизводство при определении процессуальной значимости каждого элемента и его способности к оцифровке.

В тексте УПК РФ отсутствует упоминание на возможность применения технологии электронного уголовного дела.

Развитие технологий и обеспечивающих их применение технических средств, позволяет задумываться и о реализации концептуальной модели автоматизированного рабочего места следователя на базе технологий (АРМС)¹, Бинар², Интелтекст³. Широкое распространение получают технологии искусственного интеллекта, криптографии, блокчейна, облачных вычислений, интернет-вещей, распределенных реестров, виртуальной реальности, дополненной реальности, больших данных, генетического кодировщика, виртуальных ассистентов, технологии хранения данных. В отсутствие законодательного уголовно-процессуального регулирования и наличии весьма существенных специфических особенностей, практическое использование перечисленных

¹ Автоматизированное рабочее место следователя (АРМС) – это многофункциональный аппаратно-программный комплекс, создаваемый на базе персонального компьютера и других средств, включенных в вычислительную сеть... (территориальную, локальную, региональную), обеспечивающий реализацию компьютерной технологии в деятельности следователя (См. об этом: Информатика и математика для юристов / Под ред. проф. Х.А. Андриашина и проф. С.Я. Казанцев. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2003. С. 155).

² Бинар – это двоичная система счисления, которая используется в компьютерах для представления и обработки информации (<https://carelectronics24.ru/>). Предназначен для решения задач информационной поддержки принятия решений, информационно-логических задач, построения цепочек связей и идентификации объектов учета на совокупности взаимосвязанных объектов учета. Позволяет хранить и обрабатывать структурированные символные, числовые данные, а также, с подключением текстового редактора, и текстовые фрагменты, имеет развитые средства настройки базы данных и получения отчетов по запросам (Информатика и математика для юристов / Под ред. проф. Х.А. Андриашина и проф. С.Я. Казанцев. С. 157).

³ Интелтекст – соотношение одного текста с другим, диалогическое взаимодействие текстов, обеспечивающее превращение смысла в заданный автором (материал из Википедии – свободной энциклопедии). Технология интертекста в практике уголовного судопроизводства предназначена для создания текстовых документов – отчетов, обзоров, рекомендаций, обосновывающих и аналитических материалов, обеспечивает ведение базы текстовых документов, установление семантических связей между ее элементами и построение из них новых текстов (Информатика и математика для юристов / Под ред. проф. Х.А. Андриашина и проф. С.Я. Казанцев. С. 158).

технологий в производстве следственных действий, в настоящее время, возможно в весьма узких рамках. При этом, результат их использования не может рассматриваться как доказательство.

Отсутствие законодательных возможностей работы с цифровой информацией приводит к распространенности использования цифровых технологий преимущественно в сфере оперативно-розыскной деятельности. Однако, получая апробацию и отвечая признакам достоверности получаемых данных, указанные технологии, полагаем, могут найти место и в уголовно-процессуальной деятельности.

Так, технологии «Больших данных» (Big data), в контексте уголовного судопроизводства, могут быть направлены на сбор, анализ и использование значительных объемов структурированных и неструктурированных данных, взятых из различных источников для получения ценной обобщающей информации и обоснования принятия решений в ходе расследования преступлений. Следователи сталкиваются с огромным объемом информации, включающим документы, фотографии, видеозаписи, коммуникации и другие данные, связанные с преступлением. Несмотря на то, что технология больших данных используется преимущественно в криминологической сфере деятельности¹, её применение, особенно в контексте реализации «электронных уголовных дел», позволит следователю эффективно обрабатывать и анализировать сведения для выявления связей, обнаружения скрытых паттернов и выделения ключевых фактов, необходимых для успешного расследования, быстро и оперативно обнаруживать связи между материалами уголовных дел и закономерности процессуальной деятельности.

Блокчейн – это децентрализованная технология, позволяющая создавать цепочку блоков, которые содержат информацию о транзакциях или событиях. Каждый блок в цепочке содержит хеш предыдущего блока, что обеспечивает

¹ Суходолов А.П., Иванцов С.В., Молчанова Т.В., Спасенников Б.А. Big data как современный криминологический метод изучения и измерения организованной преступности // Всероссийский криминологический журнал. 2019. № 5. С. 722.

надежность и целостность данных. Блокчейн применяется в различных отраслях, включая уголовное судопроизводство. Области применения блокчейна: защита целостности данных, улучшение прозрачности и доступности данных, улучшение цифровой идентификации и безопасности, хранение и защита цифровых доказательств. В литературе можно встретить предложения о её применении в совокупности с технологией «электронного уголовного дела»¹.

Все большим спросом пользуются технология «искусственного интеллекта», которая является комплексной технологией, реализуемой в разных направлениях и пронизывающей весь спектр цифровых технологий. В современной России она именуется «Нейротехнологии и искусственный интеллект». Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации отмечается, что «применение искусственного интеллекта необходимо во всех экономических и социальных отношениях для повышения качества жизни и улучшения благосостояния общества (искусственный интеллект – это «новое электричество»)), в связи с этим, развивая технологию «искусственного интеллекта и нейротехнологий» предлагается совершенствовать семь субтехнологий: 1) компьютерное зрение; 2) обработка естественного языка; 3) распознавание и синтез речи; 4) рекомендательные системы и интеллектуальные системы поддержки принятия решений; 5) перспективные методы и технологии в ИИ; 6) нейропротезирование; 7) нейроинтерфейсы, нейростимуляция и нейросенсинг².

Технологии искусственного интеллекта постепенно проникают в сферу уголовного судопроизводства, путём, например, использования опыта применения систем распознавания речи для автоматического стенографирования. Возможности нейросетевых технологий применимы для идентификации лиц

¹ Бертовский Л.В. Технология блокчейна в уголовном процессе как элемент цифрового судопроизводства // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. № 6. С. 227.

² Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «Нейротехнологии и искусственный интеллект» // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ. URL: https://digital.gov.ru/ru/documents/6658/?utm_referrer=https%3a%2f%2fyandex.ru%2f.

при сличении по фотографиям, в дактилоскопии, при составлении процессуальных документов и осуществлении иной деятельности, обеспечивающей производство следственных действий. В литературе отмечается перспектива организации деятельности следователя с помощью указанных систем¹, которую мы оцениваем позитивно.

Перечисленные цифровые технологии поддаются классификации. Так, по функциональному назначению можно выделить технологии:

1) сбора информации (телекоммуникационные технологии: мобильная связь, интернет-перехват, метаданные звонков, местоположение через GPS и др.); форензические технологии: экспертные технологии, обработка следов, биометрические идентификационные системы и др.; технологии видеонаблюдения: камеры наблюдения, системы распознавания лиц и др. технологии аудиозаписи: запись разговоров, аудиоэкспертиза и др.;

2) обработки и анализа данных: большие данные, искусственный интеллект, компьютерные технологии и программное обеспечение, направленные на цифровую обработку доказательств, анализ метаданных, восстановление удаленной информации;

3) технологии воспроизведения доказательств: аудио- и видеозапись;

4) технологии безопасности и сохранности данных: шифрования данных, хранения и архивирования данных (облачное хранение, цифровые архивы), блокчейн.

5) технологии коммуникации: видео-конференц-связь, веб-конференция, технологии электронного документооборота, СМС-извещения и др.

Представленная классификация цифровых технологий позволяет более системно организовать их применение в уголовном судопроизводстве, включая повышение эффективности производства следственных действий, а также регламентировать особенности использования отдельных групп технологий в

¹ Смагин П.Г. Автоматизация процессуальной деятельности следователя при производстве по уголовным делам // Вестник Воронежского института МВД России. 2020. № 2. С. 302.

целях реализации назначения уголовного судопроизводства при их использовании.

По мнению профессора Б.Я. Гаврилова, использование цифровых технологий возможно при проведении проверки показаний на месте и следственного эксперимента для сравнения маршрута, демонстрируемого проверяемым лицом, с данными о его перемещении, полученными в ходе исследования его смартфона. Кроме того, проверка функциональности фишингового сайта в зависимости от конкретной задачи расследования может быть реализована в форме следственного осмотра, следственного эксперимента, либо производства судебной компьютерной технической экспертизы¹.

Таким образом, с нашей точки зрения, технологии в уголовном судопроизводстве – это совокупность последовательно совершаемых действий (приемов), с использованием необходимых технических инструментов, направленных на получение определенного продукта (материального объекта, изображения, иное), потенциально обладающего уголовно-процессуальным значением (в том числе, доказательственным). Технология не может применяться вне процесса использования технических средств.

Производство следственных действий преследует основную цель – формирование доказательств. Применение в процессе производства следственных действий технологий должно учитывать эту цель и позволять получать только такие результаты, которые обладают свойствами, указанными в уголовно-процессуальном законе: относимость, допустимость, достоверность.

Считаем необходимым предложить определение технологии в следственном действии – это научно обоснованная совокупность последовательно

¹ Гаврилов Б.Я. О применении уголовно-процессуальных механизмов противодействия расследованию преступлений, совершаемых с применением информационных технологий // Проблемы борьбы с преступностью в условиях цифровизации: сб. ст. XIX Международ. науч.-практ. конф. «Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае», посвященной памяти Вениамина Константиновича Гавло. Вып. XVII / Отв. ред. С.И. Давыдов, В.В. Поляков. Барнаул: Алтайский ун-т, 2021. С. 21.

совершаемых действий (приемов), с использованием необходимых технических инструментов, направленных на получение результата, соответствующего требованиям, предъявляемым уголовно-процессуальным законом к доказательствам.

Данное определение призвано ограничить применение в рамках следственных действий непроверенных, не апробированных или научно не подтвержденных технологий, тем самым препятствуя формированию процессуальных доказательств на неподготовленной к этому информационной основе.

В то же время, не считаем возможным категорически отрицать возможность применения в производстве следственных действий технологий экспериментального характера. Полагаем, что их применение может позволять получать полезные в процессуальном отношении результаты. Однако, эти результаты должны стать вспомогательным средством для установления обстоятельств уголовного дела, и особенно, в вопросе принятия процессуальных решений. Применение экспериментальных технологий должно подчиняться особым правилам при производстве следственных действий.

Цифровая технология – одно из научно-технических достижений, основа которой состоит в использовании числовых рядов, блоков и прописанных числовых алгоритмов (программного обеспечения). Огромный потенциал цифровых продуктов обеспечивается соответствующими техническими средствами, что подтверждает универсальность такого признака технологии, как закономерная связь с техническим устройством.

Цифровые технологии в уголовном судопроизводстве – это разработанные цифровые алгоритмы, выступающие в виде целостного программного продукта, результат применения которого в уголовном судопроизводстве может иметь процессуальное значение.

Полагаем, что при производстве следственных действий и необходимости формирования процессуального доказательства, цифровые технологии должны обладать уже ранее указанным признаком научности, а полученный с их использованием результат подлежит проверке на предмет достоверности.

В случае использования инновационных цифровых технологий при производстве следственных действий результат может использоваться только в качестве вспомогательной информации.

В целях единообразного понимания правоприменителями как сущности технологии, так и закрепления факта ее наличия в уголовном судопроизводстве указанное понятие предлагаем внести в уголовно-процессуальный закон, закрепив его в п. 54.2 ст. 5 УПК РФ в следующей формулировке: «54.2) технология – совокупность последовательно совершаемых действий (приемов), с использованием необходимых технических инструментов, направленных на получение процессуально полезного результата, в порядке, установленном настоящим Кодексом»¹.

1.3. Универсальные правила применения технических средств и технологий при производстве следственных действий

Сформулированные в предыдущих параграфах работы определения обуславливают постановку и необходимость решения такой научной задачи, как разработка уголовно-процессуальных универсальных правил применения технических средств и технологий при производстве следственных действий.

Отметим, что именно такая формулировка научной задачи необходима в связи с тем, что, во-первых, технические средства являются неотъемлемым элементом процесса применения любой технологии.

Во-вторых, законодатель в целом не уделяет внимания правилам применения технологий, хотя именно технологии в правоприменительной практике следственных органов занимают ведущее (количественно) место.

¹ Приложение 1.

В-третьих, существующие технологии не являются чем-то завершенным и процесс их совершенствования продолжается и даже нарастает. В результате, уголовное судопроизводство и дальше будет пополняться обновленными и принципиально новыми технологиями и необходимыми для их реализации техническими средствами. Поэтому, на наш взгляд, очень важно выработать универсальные законодательные правила, т. е. применимые ко всем техническим достижениям (существующим и потенциально возможным в будущем техническим средствам и технологиям).

В-четвертых, постановка указанной задачи обусловлена статичностью (неизменностью) цели следственных действий, что позволяет опираться на ее формулировку при определении основных, исходных правил прикладного характера.

Действующий уголовно-процессуальный закон демонстрирует сходный подход к определению правил применения технических средств. Так, в ч. 6 ст. 164 УПК РФ предусматривается положение о возможности применения следователем технических средств и способов обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств. Обращает на себя внимание попытка законодателя в обобщенном виде представить основное правило, которое, на наш взгляд, имеет существенный недостаток – оно не стало основанием для последующего системного регулирования порядка применения технических средств и технологий, хотя именно такой подход, как представляется, закономерно вытекает из указанной формулировки. Не менее важным, по нашему мнению, является тот факт, что законодателем не учтено наличие не только технических средств, но и технологий, обуславливающих необходимость их включения в законодательное поле.

Отсутствие необходимого продолжения в правилах регулирования порядка применения технических средств и технологий формирует правовую неопределенность в отношении возможности применения технических достиже-

ний, приводит к неоднозначности толкования общих законодательных положений и формирует проблему оценки допустимости получаемых при этом доказательств.

В качестве иллюстрации приведем пример из судебной практики, когда применение технического устройства – полиграфа при производстве психофизиологической экспертизы по уголовному делу привело Краснодарский краевой суд к выводу, о том, что уголовно-процессуальный закон не предусматривает возможность использования рассматриваемого технического средства в уголовном процессе¹. Судом указана недопустимость производства экспертизы с помощью полиграфа, а также подчеркнуто, что её выводы нельзя признать научно обоснованными, поскольку оценка показаний является исключительной компетенцией суда. Подобный подход, имеющий широкое распространение в других судах (примеры мы приводили ранее) и находящий подтверждение в научной литературе², основан на утверждении, что применение технического устройства – полиграфа, считается недопустимым в силу несоответствия процедуры его применения ряду требований, таким как закрепленность в законе, процессуальная пригодность (правдивость показания оценивает только суд, а не техническое средство), а также научная обоснованность.

Отметим, что в законе вообще не предусмотрено применение конкретных видов технических средств (например, ни в одной статье УПК РФ не указано на возможность применения фотоаппарата, говорится только о фотографировании, которое в настоящее время может осуществляться при помощи, например, мобильного телефона), но такого рода обстоятельство, как отсутствие указаний в УПК РФ на фотоаппарат не ставит под сомнение возможность его применения, а отсутствие в законе указания на полиграф составляет препятствие в его применении.

¹ Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 30 июля 2020 г. по делу № 1-4 / Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/cywxnLtP4hmC/>.

² См., например: Родивилина В.А. Использование полиграфа в доказывании по уголовным делам // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 1 (16). С. 115–119.

Еще одним примером, подчеркивающим затруднения в реализации ч. 6 ст. 164 УПК РФ, является видео-конференц-связь. Несмотря на то, что она является технологией и вовсе не упоминается в указанной норме, её реализация осуществляется посредством технических средств, допустимых к использованию уголовно-процессуальным законодательством.

В этой связи в юридической литературе развернулась дискуссия о применимости видео-конференц-связи при производстве следственных действий, которая, по мнению К.С. Плахоты, разрешилась лишь после введения законодательной новеллы – ст. 189.1 УПК РФ, установившей правила её реализации в ходе допроса, очной ставки и опознания¹.

Считаем также возможным согласиться с позицией И.И. Литвина, утверждающего, что рассредоточенность норм о применении технических средств, наряду с различными целями и отсутствием их понятия, является причиной сдерживания эффективного их применения на практике².

Попытки разрешить указанную проблему предпринимаются постоянно. При этом основной подход к ее разрешению заключается в определении порядка использования отдельных технических средств и технологий при производстве конкретных следственных действий³. Однако конструктивное решение проблемы определения порядка применения технических средств и технологий возможно только при наличии базы – универсальных правил, позволяющих впоследствии системно продолжать заложенные в законодательстве идеи. В ином случае конкретные правила применения технических средств и

¹ Плахота К.С. Использование следователем (дознавателем) видео-конференц-связи при производстве следственных действий // Известия Тульского гос. ун-та. Эконом. и юрид. науки. 2022. № 1. С. 104.

² Литвин И.И. Технические и электронные средства в уголовном судопроизводстве: понятие, место и роль // Юридические исследования. 2017. № 1. С. 99.

³ См., например: Бахтеев Д.В. Искусственный интеллект в следственной деятельности: задачи и проблемы // Российский следователь. 2020. № 9. С. 3–6; Глимейда В.В. Проблема допустимости применения видео-конференц-связи при производстве следственных действий // Журнал юридических исследований. 2023. № 2. С. 117; Депонян А.Р. Использование искусственного интеллекта в ходе предварительного расследования // Молодой ученый. 2023. № 20 (467). С. 516–518.

технологий становятся разобщенными и разнонаправленными, не соответствующими обязательному условию уголовно-процессуального регулирования – системности¹.

Сошлемся на полученные результаты социологического исследования: необходимость законодательного регулирования использования технических средств и цифровых технологий при производстве следственных действий признается 81,9 % от числа опрошенных респондентов. Одновременно 64,9 % респондентов указали, что не считают предусмотренный УПК РФ процессуальный порядок применения технических средств при производстве следственных действий оптимальным².

Потребность в универсальном законодательном регулировании правил применения технических средств и технологий при производстве следственных действий обусловлена рядом объективных факторов:

– разрешительный метод уголовно-процессуального права, при котором разрешается применять только те правила, которые прямо предусмотрены законодателем;

– неукоснительный режим законности, который опять же определяется в зависимости от соблюдения законодательных правил;

– общий подход законодателя к регулированию уголовно-процессуальных отношений, основанный на методе «от общего к частному», прослеживаемый во всех сферах (например, принципы, общие условия предварительного следствия, общие правила производства следственных действий, конкретные правила производства следственных действий);

– наличие требования допустимости, которое также связано с законностью и указанными законодателем правилами формирования доказательств;

¹ См. об этом: Федюнин А.Е. Правовое регулирование применения технических средств в сфере уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. С. 6.

² Приложение 2.

– возрастающая значимость технических средств и технологий в вопросах поиска, обнаружения, изъятия и эффективного сохранения фактических данных, формирование на их основании процессуальных доказательств;

– полное отсутствие внимания законодателя к технологиям (что особенно наглядно проявляется в связи с применением цифровых технологий), применение которых способно существенно повлиять как на процесс получения информации (сделать этот процесс возможным или невозможным, эффективным или ущербным), так и на права участников следственных действий (причем как в положительную, так и в отрицательную сторону).

В нашем представлении законодательные правила применения технических средств и цифровых технологий должны иметь два основных уровня:

– универсальные правила, обеспечивающие реализацию базовых идей применения любых видов технических средств и технологий в следственных действиях;

– специальные или частные правила, составляющие основу порядка применения отдельных видов технических средств и технологий при производстве следственных действий, включая цифровые технологии, а также тех их видов, которые возможны в будущем.

Для формирования универсальных правил применения технических средств и технологий существует объективная основа в виде принципов уголовного судопроизводства, общих условий предварительного следствия и общих правил производства следственных действий.

Так, принцип назначения уголовного судопроизводства устанавливает исходный тезис для определения порядка применения технических средств и технологий в строгом соответствии с обеспечением прав и законных интересов участников.

Принцип разумности срока востребован в связи с тем, что процедура применения технических средств и технологий должна отвечать требованию

процессуальной экономии, быстроты, простоты и удобства. Кроме того, существенно ускорить уголовное судопроизводство способны именно современные технические средства и технологии¹.

Значение принципа законности² в вопросе применения технических средств и технологий очевидно. Принцип уважения чести и достоинства личности имеет самое непосредственное отношение к применению технических средств и технологий в уголовном судопроизводстве, определяя важнейшие условия: безопасность, нравственность, этичность. Охрана прав и свобод человека и гражданина – принцип, имеющий непосредственное отношение к формированию порядка применения технических средств и технологий в уголовном судопроизводстве в силу широкого их распространения и масштабного применения, в том числе в случаях, ограничивающих права и свободы человека и гражданина. Тайна переписки, телефонных и иных переговоров почтовых, телеграфных и иных отправлений также обеспечивает важный сегмент в законодательном регулировании применения технических средств и технологий в уголовном судопроизводстве, требуя создания надлежащих правил, соответствующих содержанию указанной идеи.

Отдельные принципы, ранее не имевшие связи с техническими средствами и технологиями, в настоящее время могут быть отнесены к числу тех идей, которые оказывают важное влияние на порядок их применения. Так, в соответствии со ст. 17 УПК РФ установлена свобода оценки доказательств. С развитием технологии искусственного интеллекта и появлением возможности оценки доказательств с ее использованием, этот принцип становится актуальным для определения соответствующей возможности, а при положительном решении – порядка применения искусственного интеллекта в указанной сфере.

¹ Калиновский К.Б. Быстрота (срочность) уголовного судопроизводства – есть принцип уголовно-процессуального права: состояние и перспективы развития правовой науки: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Ижевск: Удмурт. гос. ун-т, 2006 (электронный ресурс).

² Гришин Д.А. Законность использования в уголовном судопроизводстве технических средств, воздействующих на психику человека // Право и государство: теория и практика. 2022. № 11 (115). С. 223–224.

С учетом основополагающих идей (принципов) к числу общих правил применения технических средств и технологий мы считаем необходимым отнести:

- 1) законодательное определение основных характеристик технических средств и технологий, применение которых возможно при производстве следственных действий;
- 2) условия применения технических средств и цифровых технологий, которые не зависят от их видов и категорий;
- 3) процессуальная значимость применения технических средств и технологий в ходе следственных действий и правовое значение результатов применения;
- 4) обеспечение прав участников следственных действий в случаях применения технических средств и технологий.

Каждое из приведенных правил имеет свое содержание и значение.

1. Законодательный перечень технических средств и технологий, представленный в ч. 2 ст. 166 УПК РФ, как представляется, является скорее поводом для проблем, чем основанием для их решения. Развернувшаяся дискуссия, достаточно длительная и до настоящего времени не приведшая к конструктивному результату, яркое тому подтверждение¹.

Ранее мы привели небольшую часть уже существующих, потенциально полезных и доступных для сферы уголовного судопроизводства технологий, которые не входят в указанный законодательный перечень, но при этом имеют положительный опыт своего практического применения. Их отсутствие в уголовно-процессуальном законодательстве, при наличии уже отмеченного разрешительного метода правового регулирования уголовно-процессуальных отношений, свидетельствует об искусственно созданном и трудно преодолимом

¹ Аминова З.Ф. К вопросу о закреплении в уголовно-процессуальном законе понятия «технические средства» // Правовое государство: теория и практика. 2018. № 2 (52). С. 135–142; Иванов В.В., Цой В.А. Понятие, виды и правила применения технических средств в уголовном процессе // Технологии в инфосфере. 2021. № 2 (4). С. 109–124.

препятствии их широкого применения. А существующие процедуры дополнения уголовно-процессуального закона не оставляют надежд на своевременное его изменение и создание необходимой законодательной основы для использования современных технических достижений в уголовном судопроизводстве.

Нельзя не упомянуть и скорость появления новых технологических решений, которые могут стать доступными для фактического их использования в ближайшем будущем (например, квантовые компьютеры), опять же в отсутствие прямого разрешения законодателя.

Указанные аргументы приводят нас к необходимости признать нецелесообразным перечисление в уголовно-процессуальном законе не только возможных технических средств, но и обеспечиваемых их применением технологий, особенно цифровых. На наш взгляд, для законодательного обеспечения применения технических средств и цифровых технологий, в том числе при производстве следственных действий, уголовно-процессуальный закон должен содержать норму максимально общего содержания. Мы предлагаем следующее законодательное регулирование: дополнить ч. 6 ст. 164 УПК РФ после слов «применяться технические средства» словосочетанием «и технологии», с исключением из текста словосочетания «и способы», далее по тексту до слов «о применении технических средств», с дополнением словосочетанием «и технологий»¹.

2. Производство следственных действий имеет ряд важных условий, к числу которых, прежде всего, относится безопасность их производства (ч. 2 ст. 164 УПК РФ). Любые технические средства и технологии должны соответствовать этому принципиально важному условию. Их применение в ходе производства следственного действия не должно создавать угрозу жизни и здоровью их участников. При этом, на наш взгляд, при наличии сомнений в выполнении данного условия, следователь должен запросить мнение соответствующего специалиста и отразить его в протоколе следственного действия. При

¹ Приложение 1.

возникновении сомнений у участников следственных действий относительно безопасности технического средства или технологии, следователю надлежит разъяснить безопасность их действия, а также результатов. Полагаем, что применительно к данному условию участники производства следственных действий должны обладать дополнительными правами в части обеспечения безопасности применяемых технических средств и технологий (например, им следует знать о возможности заявить возражения против применения технических средств или использования технологий, создающих, по их мнению, опасность для жизни и (или) здоровья).

Второе важное условие – это использование технических средств и технологий в соответствии с этическими стандартами, что вытекает из положений ст. 9 УПК РФ, где подчеркивается необходимость уважения чести и достоинства личности. Применение технических достижений не должно нарушать указанные этические правила и приводить к незаконному вмешательству в частную жизнь лиц, на которых направлены следственные действия.

Третье условие связано с актуальностью дискуссии в современной юридической литературе относительно научной обоснованности применения технических средств и технологий при производстве следственных действий. Прямого закрепления в законе это требование не получило, но фактически оно реализуется через нормы, связанные с правилами оценки доказательств (ч. 1 ст. 88 УПК РФ).

Следует признать, что оценка научной обоснованности применения технических средств и технологий представляет собой нетривиальную задачу, обусловленную сложностью и многогранностью самих технических решений. Для её решения И.И. Литвин предлагает ввести практику обновляемого перечня технических средств, применяемых в уголовном судопроизводстве, аналогично тому, как это реализовано в оперативно-розыскной деятельности¹.

¹ Литвин И.И. Технические и электронные средства в уголовном судопроизводстве: понятие, место и роль. С. 86.

Однако остается открытым вопрос о субъекте, обеспечивающем научность и обоснованность таких средств, а также о статусе и периодичности, иных вопросах, связанных с обновляемым перечнем. Как представляется, такого рода обновление должно иметь законодательную основу. Но ранее мы указали и в данной части работы подчеркнем еще раз – быстрота обновления законодательного регулирования весьма условна, что существенно замедляет введение в уголовное судопроизводство современных технических достижений.

На наш взгляд, научную обоснованность следует рассматривать в контексте оценки достоверности и надежности результатов применения технических средств и технологий. Данная оценка, безусловно, должна осуществляться субъектом доказывания в каждом конкретном случае. Несмотря на то, что вопрос научности сегодня может быть установлен лишь в рамках внутреннего убеждения, это не лишает данное требование своей значимости, а также не дает основания для пренебрежительного отношения к нему в ходе проведения следственных действий.

Для получения научно состоятельных, а значит – достоверных результатов, техническое средство должно быть исправным, а технология – пригодной для достижения цели следственного действия. Указывая на это обстоятельство, в литературе предлагается использование только сертифицированных устройств¹, а мы в данной части добавим – не только технических средств, но и технологий.

Лишь соответствующие всем указанным требованиям технические средства и технологии подлежат использованию в уголовном судопроизводстве для достижения высококачественных и достоверных результатов в рамках проводимых следственных действий.

¹ Васюков В.Ф., Семенов Е.А. Правовая основа применения технических средств при производстве следственных процессуальных действий // Вестник экономической безопасности. 2016. № 5. С. 138.

Для законодательного закрепления указанных условий предлагаем дополнить ч. 4 ст. 164 УПК РФ после слов «в них лиц» словами «включая случаи применения технических средств и технологий»¹.

Одновременно предлагаем внести дополнение в ч. 6 ст. 164 УПК РФ в виде словосочетания «сертифицированные технические средства и технологии»², где сертификация является обязательным условием, подтверждающим научность технических достижений.

3. Отражение факта применения технических средств и технологий в процессуальных документах является принципиально важным обстоятельством, позволяющим оценивать не только законность следственного действия, но и его результаты. В действующем уголовно-процессуальном законе такого рода требование предусмотрено в ч. 5 ст. 166 УПК РФ. На наш взгляд, имеющаяся там формулировка в современных условиях выглядит далеко не совершенной.

Так, требование указать в протоколе на применяемые в ходе следственного действия технические средства, может быть выполнено в точности, но это не позволит оценить полученные результаты с необходимой полнотой и тщательностью. Ведь именно фотоснимок появляется как результат технологии фотографирования, а динамическое изображение – результат видеозаписи и др. Сведения же о технологиях законодатель не требует заносить в процессуальные документы. При этом цифровые технологии фотографирования, видеозаписи могут быть очень разными, что повлияет на качество их результатов.

Практика показывает, что в большинстве случаев сведения о применяемых технических средствах довольно обобщены (о технологиях данные в процессуальных актах не приводятся вовсе, в силу отсутствия соответствующего требования в УПК РФ), как, например, «использованы средства компьютерной техники», что малоинформативно и не отражает особенностей их применения.

¹ Приложение 1.

² Приложение 1.

Согласно определению Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 28 декабря 2021 г., «в протоколе следственного эксперимента указано, что при его производстве использовались технические средства: ноутбук «Леново 330», принтер «ФС 1040», модем «МТС»» и каких-либо замечаний по его содержанию от обвиняемого и его защитника не поступило¹. В решении Сормовского районного суда г. Н. Новгород приводятся данные допроса свидетелей с использованием «компьютера» для печати протокола следственного действия². При этом, в приговоре Йошкар-Олинского городского суда, «персональный компьютер» применялся уже для осмотра CD-R диска в ходе осмотра предметов (документов)³.

Если в протоколе, например, указать на применение компьютера (техническое средство), но не определить применяемую с его помощью технологию, то, в целом, за пределами процессуального поля останется вид и характер полученного результата. Так, протокол может быть напечатан с помощью компьютера, а может быть создан с помощью аудио протоколирования или авто стенографирования, цифровая платформа которых имеется в числе установок данного компьютера. Разница существенна, в том числе с позиции оценки законности следственного действия, полноты содержания протокола, достоверности отраженных в нем сведений и др.

К примеру, более точно отражает характер и специфику использования технических достижений в процессе производства следственных действий указание на то, что «применялась аудиозапись с помощью ноутбука» или что «осуществлялось протоколирование с использованием технического средства

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 28 декабря 2021 г. № 49-УД21-56сп-А4 по кассационным жалобам адвокатов Ключганта В.В., Данилина И.В. и Молоканова Е.В. на приговор Верховного Суда Республики Башкортостан с участием присяжных заседателей от 17 марта 2021 г. и на апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 4 августа 2021 г. / Судебная практика высших судов РФ // СПС «КонсультантПлюс».

² Приговор Сормовского районного суда г. Н. Новгород от 22 января 2020 г. по делу № 1-21 / Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/aCckjkt47fx8>.

³ Приговор Йошкар-Олинского городского суда Республики Марий Эл от 15 января 2020 г. по делу № 1-12 / Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/meW7dPVzimYq>.

– персонального компьютера». Этот подход позволяет несколько более точно передать контекст и суть технологического взаимодействия. Как отмечает И.И. Литвин, возможно именно поэтому в общих нормах регламентируется применение технических средств, а в конкретных нормах используются такое выражение: «либо действия, осуществляемые техническими средствами (стенографирование, фотографирование, киносъемка, аудио- и видеозапись), либо результаты их применения»¹.

Для законодательного закрепления общего правила об обязательности процессуальной фиксации факта применения не только технического средства но и технологии, полагаем необходимо дополнить ч. 5 ст. 166 УПК РФ словами «и технологии»: «5. В протоколе должны быть указаны также технические средства **и технологии**, примененные при производстве следственного действия, условия и порядок их использования, объекты, к которым эти средства были применены и полученные результаты. В протоколе должно быть отмечено, что лица, участвующие в следственном действии, были заранее предупреждены о применении при производстве следственного действия технических средств **и технологий**».

Часть 8 ст. 166 УПК РФ предлагаем изложить в следующей редакции: «8. К протоколу прилагаются результаты применения технических средств и технологий, полученные в ходе производства следственного действия, которые хранятся при уголовном деле и по окончании предварительного следствия опечатываются»².

Основываясь на изложенном, предлагаем следующие выводы.

Для формирования системного законодательного регулирования порядка применения технических средств при производстве следственных действий необходимо создание двух уровней правил:

¹ Литвин И.И. Технические и электронные средства в уголовном судопроизводстве: понятие, место и роль. С. 83.

² Приложение 1.

– общие (универсальные), отражающие общую специфику использования технических достижений и находящихся в непосредственной корреляции с принципами уголовного судопроизводства, определяющие содержание последующего регулирования;

– специальные, определяющие порядок применения отдельных технических достижений в рамках конкретных следственных действий.

Предлагаются следующие общие (универсальные) правила применения технических достижений:

1) законодательное определение основных характеристик технических средств и технологий, применение которых возможно в уголовном судопроизводстве при производстве следственных действий;

2) сертифицированность технических средств и технологий, подтверждающая их безопасность и научность;

3) процессуальная фиксация факта применения технических средств и технологий;

4) обеспечение прав участников следственных действий, включая разъяснение им их прав, касающихся применения технических средств и технологий.

Перечень общих правил применения технических средств и технологий предлагается локализовать в новой ст. 164.2 УПК РФ:

«Статья 164.2. Общие правила применения технических средств и технологий

1. Порядок применения технических средств и технологий определяется настоящим Кодексом.

2. При производстве следственных действий применяются только сертифицированные технические средства и технологии.

3. Факт применения технических средств и технологий подлежит отражению в протоколе следственного действия либо ином документе.

4. Участникам разъясняется факт применения в ходе производства следственного действия технических средств и технологий»¹.

Отдельные, например, цифровые технологии нуждаются в более конкретном и разветвленном законодательном регулировании на уровне специальных или частных правил, определяющих порядок их применения в рамках отдельных следственных действий.

¹ Приложение 1.

ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

2.1. Дистанционные технические средства и технологии при производстве следственных действий

Технологии, обеспечивающие удаленное или дистанционное присутствие в производственных процессах, иных мероприятиях, исторически неразрывно связаны с техническими средствами телефонии. Этим объясняется наименование первых доступных технических систем «видеотелефонами». Изобретение первого такого устройства – «телефонскопа» датируется 1878 г.¹

Такого рода технологии стали возможными для использования в крупных, в том числе промышленных, проектах 1960–1970-х гг., но не нашли своего широкого применения в силу больших затрат на их реализацию². Однако в дальнейшем, уже в 1990–2000 гг., с развитием информационно-коммуникационной сети «Интернет» и цифровых технических средств, дистанционные технологии получили повсеместное распространение.

Процесс становления технологий дистанционного присутствия сопровождался развитием смежных, а также самостоятельных коммуникационных технологий. Все чаще в сфере коммуникации фигурирует понятие «телеприсутствия», представляющее собой наивысший уровень коммуникаций, передающей все нюансы мимики и жестов участвующих в этом процессе людей.

Во всех этих случаях речь идет об одной и той же технологии (с небольшими особенностями) – двусторонней передаче изображения и звука, которая

¹ The Telephonoscope / The Public Domain Review. URL: <https://publicdomainreview.org/collection/the-telephonoscope-1879>.

² Развитие связи в СССР. 1917–1967 гг. / Под общ. ред. Н.Д. Псурцева. М.: Связь, 1967. С. 387–389.

получила следующие устойчивые наименования: «видеотелефония», «видеоконференция», «видео телеконференция», «видеосвязь», «технология телеприсутствия», «веб-конференция», «видео-конференц-связь». Являясь продолжением сложного исторического развития технологий телекоммуникации, разнообразие формулировок детерминирует проблему понимания дистанционной технологии в сфере права, где требуется четкость и лаконичность определений, унификация используемых понятий.

В литературе отмечается, что «webconferencing» используется в два раза чаще, чем «videoconferencing»¹. В русскоязычном сегменте Интернета это соотношение обратное. Для российской правовой действительности уже стала общепризнанной аббревиатура «ВКС» для сокращённого обозначения видеоконференц-связи, выступающей основной технологией, обеспечивающей дистанционную коммуникацию.

Совершенствование технических средств, обеспеченных технологией видеоприсутствия, позволяет расширять горизонты ее процессуального применения и возможности использования, в сочетании с уже доступными роботехническими устройствами. Например, приемо-передающая аудио-видеосигнал аппаратура может размещаться на беспилотных воздушных, наземных, надводных и подводных аппаратах, имеющих функцию дистанционного управления. Такая техника в настоящее время может применяться для поиска следов, материальных объектов, их осмотра в агрессивной среде (например, на дне водоемов), на высоте (при исследовании объектов в высокогорной местности), в ущельях и др. При этом участники таких следственных действий, сами находящиеся на расстоянии друг от друга, имеют возможность поддерживать устойчивое процессуальное взаимодействие между собой и со специалистом, управляющим устройством.

¹ Архипец И.А., Бежецков Д.Е., Данилова Ю.Э., Кандров Д.Ю., Солодовник М.Н., Федотов А.А. Открытые решения веб- / видеоконференцсвязи и проект open-meetings // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Сер.: Информационные технологии. 2018. Т. 16, № 1. С. 25.

Эти и иные потенциально возможные способы использования видео телефонии существенны и полезны для развития процедуры производства следственных действий.

Используются и иные смежные технологии. В частности, в период неблагоприятной эпидемиологической обстановки, 21 апреля 2020 г. Верховным Судом Российской Федерации были проведены первые заседания по рассмотрению дел посредством веб-конференции, после чего практика рассмотрения дел с её использованием начала активно внедряться в деятельность нижестоящих судов¹.

Несмотря на сходство основных технологических принципов, понимание видео-конференц-связи и веб-конференции как одной и той же технологии, но под разными названиями, ошибочно. Важное различие веб-конференции и видео-конференц-связи заключается в технических характеристиках оборудования, на что указывается в специальной литературе² и в официальных документах Верховного Суда Российской Федерации³.

Сущность технологии веб-конференции состоит в том, что это онлайн-мероприятие в реальном времени на основе аудио- или видео-конференц-связи, с обязательной демонстрацией контента, чаще всего, слайдов презентации. В качестве точки входа при использовании веб-конференции используется веб-браузер и ссылка на мероприятие, за счет чего веб-конференция получила второе, более известное, название – вебинар. При этом, наиболее востребованной и гарантирующей безопасность передачи данных является все же видео-конференц-связь, что является одной из причин её имплементации в уголовное судо-

¹ Суды начали проводить заседания в режиме онлайн // Российская газета 2020. 26 апреля.

² Васильева А.А. Некоторые вопросы применения видеоконференц-связи и веб-конференции в гражданском процессе // Вопросы российской юстиции. 2020. № 8. С. 541.

³ Веб-конференция в Верховном Суде Российской Федерации / Верховный Суд РФ. URL: <https://www.vsrp.ru/files/28862/>.

производство. Тем не менее, веб-конференция, отмеченная практическими работниками в качестве простой и удобной технологии, может иметь перспективу ее закрепления в УПК РФ наряду с видео-конференц-связью.

Для нашего исследования полагаем необходимым обратить внимание на ряд существенных технологических признаков видео-конференц-связи, имеющих значение для их процессуального регулирования.

Во-первых, видео-конференц-связь представляет собой определенный способ взаимодействия участников уголовного судопроизводства. Учитывая, что любое взаимодействие в уголовном судопроизводстве должно иметь правовую основу, полагаем, что и видео-конференц-связь не может быть исключением в этом ряду и подлежит регламентации в уголовно-процессуальном законе.

Во-вторых, применение видео-конференц-связи нередко отождествляется с коммуникацией двух субъектов. Такое отождествление исходит из общего понимания данной технологии¹, а также устоявшейся практики применения видео-конференц-связи для двустороннего общения.

Однако технология позволяет одновременно подключать трех- и более участников в режиме передачи аудиовизуальной информации. Многосторонняя коммуникация требует дополнительного внимания при регулировании процессуальных правил применения указанной технологии. Также важно, в правовом отношении, предусмотреть случаи утраты ее свойств в процессе эксплуатации².

В-третьих, видео-конференц-связь требует взаимодействия участников уголовного судопроизводства в режиме реального времени и этот признак отличает её от иных технологий, позволяющих фиксировать и передавать аудиовизуальную информацию.

¹ Theresa M. Videoconferencing / Encyclopedia Britannica, 19 Sep. 2019. URL: <https://www.britannica.com/technology/videoconferencing>.

² ВС защитил участника процесса, которого подвела видеоконференцсвязь / Право.ру. URL: <https://pravo.ru/story/233211/>.

Для уголовного судопроизводства важно еще одно обстоятельство: понятие видео-конференц-связи происходит от общего названия технологии «*videoconferencing*», подразумевающего группу субтехнологий (технологий организации и синхронизации данных), основанных на принципе не только двусторонней передачи, но и цифровой обработки, преобразования и представления видеoinформации на расстоянии в режиме реального времени с помощью средств вычислительной техники.

Сущность видео-конференц-связи активно исследуется в правовой доктрине. Так, Н.С. Диденко рассматривает видео-конференц-связь в качестве «обмена информацией между пользователями через средства компьютерной техники по сети Интернет»¹. Вместе с тем, признак компьютерной техники и сети интернет не характерен для всех систем видео-конференц-связи. Напомним, что первые их системы функционировали до создания интернет-связи, и сегодня возможность видеосовещаний остается актуальной, в том числе в сфере телефонии.

Е.А. Архипова считает, что применительно к уголовному судопроизводству видео-конференц-связь – «основанное на нормативных положениях российского уголовно-процессуального законодательства и нормах международного права интерактивное взаимодействие участников уголовного процесса, в ходе которого производится непрерывный и четкий обмен аудиовизуальной информацией, имеющей значение для уголовного дела, в режиме реального времени посредством обособленной телекоммуникационной сети»².

По мнению Т.А. Гусевой видеоконференция является «компьютерной технологией, которая позволяет субъектам, находящимся на значительном

¹ Диденко Н.С., Федосеева Е.Л. Отдельные вопросы применения видеоконференц-связи в уголовном судопроизводстве // Юрист-Правоведь. 2020. № 3 (94). С. 95–97.

² Архипова Е.А. Применение видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве России и зарубежных стран: сравнительно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 14.

расстоянии, видеть и слышать друг друга, обмениваться информацией в режиме реального времени»¹. М.В. Сукалова представляет видео-конференц-связь в качестве «технологии взаимодействия двух и более лиц, при которой между ними возможен обмен аудио- и видеoinформацией в реальном масштабе времени»².

Как отмечает Д.С. Гринь, видео-конференц-связь – компьютерно-цифровая технология, которая в установленных в уголовно-процессуальном законе случаях и порядке обеспечивает дистанционное аудиовизуальное взаимодействие в режиме реального времени нескольких абонентов – участников уголовного судопроизводства, с возможностью добавления к каналу связи дополнительных абонентов, имеющих уголовно-процессуальный статус, в целях обмена аудио- и видеoinформацией посредством обособленной телекоммуникационной сети, либо с использованием закрытых каналов сети «Интернет»³.

Соглашаясь в целом с представленными определениями, отметим, что интерактивное взаимодействие представляет собой способ производства процессуального, включая следственное, действия, с чем и связана настоятельная потребность определения процессуальных правил ее применения. Кроме того, есть повод усомниться, что такого рода взаимодействие основано на нормах отечественного уголовно-процессуального права, поскольку только отдельные фрагменты применения указанной технологии предусматриваются действующим УПК РФ.

Приведенные соображения позволяют внести свои уточнения в определение видео-конференц-связи в уголовном судопроизводстве. Рассмотрение сущности видео-конференц-связи, используемой в отечественном уголовном судопроизводстве, позволяет представить её в качестве цифровой технологии

¹ Гусева Т.А., Соловьева А.Ю. Электронное судопроизводство // Право и экономика. 2015. № 6. С. 66–71.

² Сукалова М.В. Судебное заседание в формате видео-конференц-связи как неотъемлемый элемент современного гражданского судопроизводства // Молодой ученый. 2021. № 32 (374). С. 60–62.

³ Гринь Д.С. Теоретическое и нормативное определение видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука. 2020. № 3. С. 82–86.

аудиовизуального удаленного взаимодействия участников уголовного судопроизводства в режиме реального времени, где взаимодействие предполагает не только обмен, но и воспроизведение, сохранение, обработку передаваемой и поступающей информации. Предлагаемое определение охватывает своим содержанием не только видеосвязь, но и различные субтехнологии, включая веб-конференцию.

Полагаем, что предлагаемое понятие видео-конференц-связи согласуется с рассмотренной ранее системой технологий в уголовном судопроизводстве и соответствует требованиям законодательной техники. В этой связи и в целях совершенствования механизма правового регулирования использования видео-конференц-связи в уголовном судопроизводстве необходимо предусмотреть в новом пункте 5.1 ст. 5 УПК РФ понятие видео-конференц-связи, изложив его в следующей редакции: «5.1) видео-конференц-связь – цифровая технология аудиовизуального удаленного взаимодействия участников уголовного судопроизводства в режиме реального времени»¹.

Несмотря на то, что фактически видео-конференц-связь применяется в уголовном судопроизводстве с 1992 г.², полное признание она получила в период неблагоприятной эпидемиологической обстановки из-за вспышки коронавирусной инфекции 2020 г. В это время Верховный Суд Российской Федерации подтверждает право судов принимать решение о проведении всего судебного разбирательства в рамках уголовного процесса с использованием видео-конференц-связи в целях недопущения распространения инфекции³, а

¹ Приложение 1.

² См. об этом: Семенцов В.А., Глимейда В.В. Технология видео-конференц-связи и её применение в уголовном судопроизводстве // Юридический вестник Кубанского гос. ун-та. 2022. № 2 (14) С. 67–76.

³ Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30 апреля 2020 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 5.

происходящие процессы ограничения личных встреч подталкивают законодателя к внесению ряда изменений в УПК РФ в части реализации указанной технологии.

Растущая потребность использования видео-конференц-связи коснулась и досудебного производства, где были уточнены критерии такого использования при производстве некоторых следственных действий. В связи с этим, стал актуальным вопрос о совершенствовании механизма правового регулирования использования видео-конференц-связи, что требует не только обстоятельного анализа действующего законодательства и правовой доктрины, но и зарубежного опыта применения указанной технологий в ходе производства следственных действий.

Уже несколько десятилетий видео-конференц-связь внедряется и развивается в рамках различных правовых систем. Ещё в 2013 г. Е.А. Архипова отмечала «высокую степень проработанности» механизмов её применения в ряде государств (Австралия, Англия, Канада, Новая Зеландия, США, Украина, Финляндия, Эстония и др.)¹. Однако, подобное применение характерно только для судебных стадий уголовного судопроизводства, что связывается, как правило, с отсутствием процессуальной регламентации видео-конференц-связи в «полицейской» или «прокурорской» деятельности.

В США законодатель не пошел по пути детальной регламентации процедуры технологии видео-конференц-связи, ограничившись в федеральном законодательстве лишь указанием на возможность ее применения (с учетом мнения сторон (ы), а в некоторых случаях с установлением срока уведомления о её применении)². Что же касается досудебного производства, то процедуры проведения видео-конференц-связи при полицейском расследовании устанавливаются локальными ведомственными актами и рекомендациями.

¹ Архипова Е.А. Применение видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве России и зарубежных стран: сравнительно-правовое исследование. С. 88.

² Federal rules of criminal procedure, december 1, 2020 / U.S. Courts. URL: https://www.uscourts.gov/sites/default/files/federal_rules_of_criminal_procedure_-_december_2020_0.pdf.

Эта особенность, состоящая в отсутствии централизованного правового механизма применения коммуникационной технологии в досудебном производстве, вызвала закономерные затруднения практических работников в ходе реализации ограничений, связанных с коронавирусной инфекцией. Фактически, полицейские и прокуроры оказались изолированы от работы с людьми в условиях отсутствия четких правил производства следственных действий дистанционно, что привело к необходимости корректировки законодательства (Закон CARES), а также выдачи специальных судебных ордеров (ордеров судьи)¹. Описывая особенности и последствия таких изменений в уголовном судопроизводстве в ходе пандемии, зарубежные практики сравнивали их со «строительством велосипеда во время езды»², отмечая при этом вынужденность использования видео-конференц-связи при расследовании практически всех категорий дел³.

О серьезных трудностях в условиях пандемии, возникающих при выполнении предписаний уголовно-процессуального законодательства, не приспособленного к подобным кризисным ситуациям мирового масштаба в части обеспечения конституционных прав и свобод участников, пишут и отечественные ученые⁴.

Европейский опыт использования видео-конференц-связи, свидетельствует о применении указанной технологии опять же преимущественно в су-

¹ См., например: General order no. 2022-11 in the United States district court for the district of Nebraska in re: Video teleconferencing for criminal proceedings extended through february 21, 2023 / U.S. Courts. URL: https://www.ned.uscourts.gov/internetDocs/pom/orders/GO_2022-11.pdf.

² Courts Deliver Justice Virtually Amid Coronavirus Outbreak / U.S. Courts. URL: <https://www.uscourts.gov/news/2020/04/08/courts-deliver-justice-virtually-amid-coronavirus-outbreak>.

³ Coronavirus forces prosecutors to embrace video conferencing in criminal probes. It's raised a host of issues / Kvia.com. URL: <https://kvia.com/news/us-world/2020/05/07/shutdown-forces-prosecutors-to-embrace-video-conferencing-in-time-sensitive-criminal-probes/>.

⁴ См., например: Зайцев О.А. Обеспечение конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства в условиях пандемии COVID-19 // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 11. С. 91–108.

дах. Результаты опроса А. Сандерс от 8 декабря 2020 г., по случаю председательства Германии в Совете Европейского Союза, показал большую поддержку (70 %) идеи об имплементации видео-слушаний по всей Европе. Как и в России, полный переход на дистанционные слушания предпринимались, в первую очередь, судами в таких странах как Албания, Австрия, Венгрия, Великобритания, Германия, Ирландия, Литва, Польша, Португалия, Сан-Марино, Финляндия, Франция, Хорватия, Швейцария, Швеция¹.

Однако для ряда государств впоследствии стал характерным и дистанционный формат производства предварительного расследования, поскольку законодательство позволяло реализовывать дистанционно не только судебные, но и следственные действия, производимые в досудебном производстве.

В этой связи представляет интерес Уголовно-процессуальный кодекс Германии, в котором имеются разделы 58b (допрос вне основного слушания), 168e (отдельный допрос) и 247a (допрос свидетеля в другом месте), регулирующие использование видео-конференц-связи в уголовном судопроизводстве. Любой адвокат или прокурор может подать заявку на проведение видео-конференц-связи. Важной особенностью германского уголовного процесса является возможность производства не только допроса, но и других процессуальных действий с использованием видео-конференц-связи.

В соответствии со ст. 706.71 УПК Франции, если это оправдано потребностями дознания, слушание, допрос лица, очная ставка могут проводиться в одной или нескольких различных частях национальной территории Франции (или междунациональной территорией Франции и государством – членом Европейского Союза в ходе исполнения европейского постановления о расследовании), которые связаны посредством телекоммуникаций, гарантирующих конфиденциальность передачи².

¹ Sanders. A., Video-Hearings in Europe Before, During and After the COVID-19 Pandemic // International Journal for Court Administration. 2021. 12 (2). P. 3.

²Article 706-71 – Code de procédure pénale - Légifrance / Legifrance. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000033518812/2017-05-22.

В Испании видео-конференц-связь используется судьями и прокурорами, как на судебных стадиях уголовного процесса, так и в рамках досудебного производства. Кроме того, дополнительные внутренние правила предусмотрены в Инструкции № 3/2002 Генерального прокурора относительно процедурных шагов, которые могут быть предприняты с помощью видео-конференц-связи, а в Инструкции № 1/2002 Генеральный прокурор отметил эффективность видео-конференц-связи в случаях необходимости защиты свидетелей, допроса свидетелей, экспертов, находящихся удаленно, для международного сотрудничества¹.

Дистанционный допрос предусмотрен в УПК Эстонии, где он производится в отношении свидетеля в случаях, если непосредственный его допрос затруднен или повлечет за собой чрезмерные затраты, а также с учетом необходимости защиты свидетеля или потерпевшего. При этом законодательство предусматривает два вида такого допроса: по телефону или «при помощи технического решения, в результате чего участники процесса непосредственно видят и слышат в прямой трансляции». Так же указывается, что министр, отвечающий за данную сферу, может установить более подробные требования к проведению дистанционного допроса².

Примечательно, что УПК Латвии напрямую закрепляет в ст. 140 возможность производства следственного действия с использованием технических средств. Кроме того, эти средства детализируются указанием на применение телеконференции, видеоконференции, а также устанавливаются правила обеспечения должного качества такой связи и уведомления лиц о месте, времени, производства процессуального действия, и указание должности, имени, фамилии направляющего процесс лица³.

¹ Instrucción 3/2002, de 1 de marzo, acerca de actos procesales que pueden celebrarse a través de videoconferencia / Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado. URL: https://www.boe.es/buscar/abrir_fiscalia.php?id=FIS-I-2002-00003.pdf.

² Уголовно-процессуальный кодекс Эстонии / HUGO.legal. URL: <https://www.juristaitab.ee/sites/www.juristaitab.ee/files/elfinder/ru-seadused/>.

³ Criminal Procedure Law of the Republic of Latvia / Wipolex-res. URL: <https://wipolex-res.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/en/lv/lv043en.pdf>.

В УПК Литвы допускается проведение досудебного следствия судьей, когда в целях обеспечения безопасности свидетеля тот может быть допрошен с применением дистанционной аудио- и видеотрансляцией путем создания акустических и визуальных барьеров. Кроме того, УПК Литвы устанавливает норму о допросе свидетеля с помощью дистанционной аудио- и видео-передачи, как в досудебном, так и судебном производстве¹.

Несколько схоже уголовно процессуальное право Бельгии устанавливает возможность заслушивания королевским прокурором и следственным судьей свидетеля, к которому применяются меры защиты, с помощью видео-конференц-связи².

Законодательство Китайской Народной Республики отличается высоким уровнем цифровизации, в рамках которой интернет-суды имеют интегрированные механизмы и сетевые решения для построения многоуровневой, диверсифицированной системы разрешения споров в режиме «онлайн» посредством видео-конференц-связи, допуская применение мер технического расследования³. Судебная система Китая включает также досудебное посредничество в «онлайн» режиме до начала судебных стадий процесса.

Статья 213 УПК Республики Казахстан закрепила особенности допроса с использованием научно-технических средств в режиме видеосвязи (дистанционный допрос). Закон устанавливает условия применения видео-конференц-связи и требования к протоколированию, надлежащему качеству технологии, возможность применения аудиовизуальных мер безопасности в отношении допрашиваемых лиц⁴.

¹ Lietuvos respublikos baudžiamojo proceso kodekso patvirtinimo, įsigaliojimo ir įgyvendinimo / Legal-tools.org/ URL: <https://legal-tools.org/doc/70b7df/pdf>.

² Loi relative au recueil de déclarations au moyen de médias audiovisuels du 2 août 2002, Moniteur belge, 12 septembre 2002 / Cairn.info. URL: <https://www.cairn.info/revue-deviance-et-societe-2013-3-page-305.htm#no40>.

³ Уголовно-процессуальный закон Китайской Народной Республики / Портал законов Китая. URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/criminal-procedure-law-of-china-20181026>.

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V (ред. от 12 июля 2023 г.) // Казахстанская правда. 2014. 10 июля.

Рассмотренный опыт применения видео-конференц-связи при производстве следственных действий в зарубежных странах позволяет выделить следующие основные черты механизма правового регулирования, которые могут быть учтены при совершенствовании действующего отечественного уголовно-процессуального законодательства:

1) вне зависимости от типа правовой системы видео-конференц-связь в уголовном судопроизводстве нуждается в строгой законодательной базе, что побуждает государства стремиться к расширению законодательного регулирования ее применения;

2) наиболее распространенным и предпочтительным является диспозитивный метод регулирования применения видео-конференц-связи, предусматривающий возможность использования указанной технологии по воле правоприменителя; несмотря на это, развитие технических возможностей использования видео-конференц-связи позволяет установить обязательные случаи её применения, что уже сегодня встречается в законодательстве ряда государств;

3) правовое регулирование видео-конференц-связи требует закрепления ряда гарантий соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, в числе которых укажем следующие: перечень необходимых условий применения указанной технологии, правила составления протокола следственного действия, процессуальная форма получаемых доказательств, возможность применения мер безопасности при сеансе видео-конференц-связи, требование к надлежащему качеству её реализации.

В числе значимых причин имплементации видео-конференц-связи в российское досудебное производство следует указать на необходимость повышения эффективности производства следственных действий. Указывая на это обстоятельство, А.А. Афанасьева отмечает перспективу сокращения сроков расследования, обеспечения расследования большего количества дел, повышение

уровня безопасности участников следственных действий, экономию бюджетных средств¹.

О.В. Овчинникова пишет также о том, что «применение видео-конференц-связи может существенно повысить эффективность выполнения поручений о производстве отдельных следственных действий»². Д.Е. Кун приходит к выводу о большей результативности применения мер безопасности при производстве следственных действий с использованием видео-конференц-связи в отношении свидетеля (потерпевшего) и других участников уголовного процесса, как следствие – сокращению числа случаев отказа в участии в расследовании и получении достоверных сведений³. В.А. Панюшкин и В.Г. Болычев считают, что эффективность предварительного расследования в значительной степени обеспечивается внедрением в практику производства следственных действий научно-технических средств⁴.

Эффективность технологии видеосвязи явилась одной из причин возникновения тенденции к расширению использования коммуникативных технических достижений в уголовном судопроизводстве. Так, в заключении Комитета Государственной Думы по государственному строительству и законодательству на проект закона об использовании видео-конференц-связи следователем при производстве допроса, очной ставки и опознания было указано, что принятие изменений позволит обеспечить соблюдение процессуальных

¹ Афанасьева А.А. Дистанционный допрос: состояние и перспективы // Вестник Казанского юрид. института МВД России. 2021. № 3 (45). С. 370, 373.

² Овчинникова О.В. Дистанционные следственные действия: современное состояние и перспективы // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 1 (47). С. 108–116.

³ Кун Д.Е. Сущность и значение технических средств в уголовном судопроизводстве // Теория и практика общественного развития. 2016. № 3. С. 109–112.

⁴ Панюшкин В.А., Болычев В.Г. Понятие и сущность научно-технических средств, применяемых при расследовании преступлений // Правовая наука и реформа юридического образования. 2012. № 2 (25). С. 178–184.

сроков расследования, а также осуществлять полное и всестороннее исследование всех обстоятельств уголовного дела, способствуя обеспечению реализации прав граждан на доступ к правосудию¹.

Распространение указанной технологии объясняет и то обстоятельство, что на вопрос – с применением каких цифровых технологий Вам приходилось сталкиваться при производстве следственных действий, 85,2 % опрошенных респондентов ответили – «видео-конференц-связь»².

Однако, учеными отмечаются и трудности в обеспечении эффективности следственного действия посредством видео-конференц-связи. А. Новиков подчеркивает, что эффективность видео-конференц-связи связывается с проведением «того или иного следственного действия в нормальных условиях без потери качества»³. К.С. Плахота приходит к выводу о снижении эффективности следственного действия при его производстве дистанционно⁴.

Иными словами, об эффективности следственного действия, произведённого с помощью систем видео-конференц-связи приходится говорить не всегда, а лишь в случаях соблюдения ряда условий её применения⁵. Такие условия определяют не только возможность производства следственного действия с использованием видео-конференц-связи, но и его результативность.

¹ Заключение Комитета Государственной Думы по государственному строительству и законодательству РФ / ГАС «Законотворчество». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1184595-7>.

² Приложение 2.

³ Новиков А. Следственные действия в режиме ВКС / Федеральная палата адвокатов РФ. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/sledstvennyye-deystviya-v-rezhime-vks/>.

⁴ Плахота К.С. Использование следователем (дознавателем) видео-конференц-связи при производстве следственных действий // Известия Тульского гос. ун-та. Экономические и юрид. науки. 2022. № 1. С. 95–102.

⁵ См.: Глимейда В.В. Видео-конференц-связь как условие эффективности следственных действий // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности: материалы Межд. научн.-практ. конф., посвященной 50-летию образования кафедры уголовного процесса. В 2-х ч. / Отв. ред. В.А. Семенцов. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2022. Ч. 1. С. 101–102.

В нашем представлении дистанционный формат может существенно упростить процедуру следственного действия. Основанием к упрощению выступают: удаленное процессуальное взаимодействие с участниками, доступность технологии видео-конференц-связи, простота установления видео-моста, автоматическая запись аудио- и видеоряда, автоматическое сохранение записи, в том числе на устройстве участников ВКС.

Получается, что при указанных условиях, теоретическая модель следственного действия в дистанционном формате может выглядеть следующим образом.

Следователь может установить видео-конференц-связь с любым участником в любое время (в пределах дневного времени суток либо в случае неотложности – в любое время), находящимся в помещении, в котором установлен компьютер с соответствующим программным обеспечением. Следователями системы МВД используется специальное программное обеспечение (ИСОД¹) внутриведомственного, локального применения, исключающего любое постороннее вмешательство (не допускается использование индивидуальных хранилищ, например флэш-карт). Эта система не имеет внешних выходов, безопасна, устойчива, имеет все необходимые элементы, обеспечивающие качественное получение видеозаписи и ее длительное сохранение.

На наш взгляд, дистанционный формат следственного действия в целом может допускать и иной, более простой вариант установления видео-конференц-связи. Например, если потерпевший или свидетель находится в медицинском стационаре, то следователь, используя доступные программные ресурсы,

¹ См. об этом: Мачтаков С.Г., Питолин М.В. Единая система информационно-аналитического обеспечения деятельности (ИСОД) МВД России // Пожарная безопасность: проблемы и перспективы. 2016. Т. 1. № 1 (7). С. 156–158; Познанский Ю.Н. Информационные технологии как средство повышения эффективности деятельности руководителей органов предварительного следствия в системе МВД России // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 4 (44). С. 57–61; Приказ ГУ МВД России по г. Москве от 27 апреля 2022 г. № 143 «Об организации эксплуатации сервисов ИСОД МВД России» / Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».

может провести неотложный допрос и впоследствии использовать полученную запись в качестве доказательства.

В случаях применения дистанционного порядка производства следственного действия могут возникать сложности в обеспечении прав участников. Например, необходимо учитывать, что в допросе обвиняемого по его ходатайству должен участвовать адвокат-защитник. Кроме того, дистанционный формат следственного действия исключает непосредственное воздействие на обвиняемого и поэтому склонить его к определенным показаниям гораздо сложнее, чем при непосредственном общении. Поэтому и участие защитника может быть обязательным не во всех случаях.

В этой части небезынтересен опыт зарубежных стран в вопросе разрешения процессуальных и иных проблем применения видео-конференц-связи в следственных действиях.

Бывший федеральный прокурор США, указывая на использование низкого качества оборудования видео-конференц-связи и отсутствие личного контакта, отмечает трудности анализа эмоций, выражения лица собеседника, изменения в его поведении. Д. Берман и Л. Рахдерт выделяют два аспекта обеспечения участия адвоката в производстве следственного действия в режиме видео-конференц-связи: 1) когда адвокат физически отделен как от своего клиента, так и от прокурора, в результате чего технология вынуждает адвоката защиты действовать скорее как зритель, чем как адвокат; 2) возникает процессуальная проблема использования адвокатом необычных обстоятельств виртуального собеседования, как средства защиты¹.

Доктор А. Акенрой, член Трибунала иммиграционного отдела совета по делам иммиграции и беженцев Канады, в результате анализа опыта применения судами видео-конференц-связи выделил следующие проблемы её применения:

¹ Coronavirus forces prosecutors to embrace video conferencing in criminal probes. It's raised a host of issues / CNN – информационно телекоммуникационное агентство. URL: <https://edition.cnn.com/2020/05/06/us/prosecutors-embrace-video-conferencing/index.html>.

1) участвовавшие случаи нарушения регламента судебного заседания участниками (нетипичные обращения к судье, включение музыки хакерами, ответ на телефонный звонок присяжным во время разбирательства, утрата символизма правосудия, придаваемого архитектурой помещений и др.);

2) злоупотребление техническими возможностями (в Миссури судья восемь раз нажимал кнопку отключения звука у адвоката защиты по уголовным делам в течение 48-минутного слушания его выступления, что привело к жалобам о нарушении судьей права обвиняемого на адвоката и надлежащую правовую процедуру);

3) технические проблемы;

4) косвенное влияние на механизм реализации права обвиняемого на защиту, поскольку исследования Великобритании и США показали – обвиняемые с меньшей вероятностью обращаются за юридической консультацией в режиме видео-конференц-связи;

5) коммуникативно-психологические проблемы, поскольку личные показания более правдоподобны¹.

Подчеркнем, что все перечисленные трудности объективны. Их наличие нами не оспаривается. Однако мы считаем, что их преодоление вполне возможно. Подчеркнем, что выступаем против проведения судебного заседания в дистанционном формате и наша позиция обусловлена следующими соображениями.

Особое значение и традиционность судебного процесса, наличие высокого уважения, которое должно внушать правосудие, невозможно обеспечить иным, кроме непосредственного присутствия, способом, причем в большей степени, чем в досудебном производстве. Думается, что дистанционный формат возможен в отношении лишь отдельных судебных действий, как и в отношении следственных действий, при наличии особых к тому оснований.

¹ Ayodele Akenroye Videoconferencing Technologies and How It Challenges the Fundamental Tenets of Our Criminal Justice System in Canada / Slaw. URL: <http://www.slaw.ca/2021/01/27/videoconferencing-technologies-and-how-it-challenges-the-fundamental-tenets-of-our-criminal-justice-system-in-canada/>.

На наш взгляд, для исключения случаев злоупотребления правом производства дистанционных следственных действий должны быть предусмотрены основания, при наличии которых это может стать возможным, а именно:

- когда ситуация, складывающаяся по уголовному делу, требует безотлагательного производства следственного действия в дистанционном режиме;
- при удаленности лица от места производства следственного действия;
- при наличии письменного ходатайства или согласия самого участника следственного действия.

Решение о производстве следственного действия с применением технологии видео-конференц-связи должно приниматься следователем вне зависимости от законодательного требования об издании постановления о производстве следственного действия в виде отдельного процессуального решения.

Как представляется, выполнение указанных правил снимает опасения в части несоответствия программного обеспечения или технических средств цели и задачам производства следственных действий. Именно поэтому мы разделяем и поддерживаем идею дистанционных следственных действий¹.

При положительной оценке самой идеи дистанционных следственных действий², нам представляется важным способ ее реализации, в качестве которого видим только один – создание комплекса законодательных специальных правил применения видео-конференц-связи при производстве следственных действий. В этом направлении наша идея заключается в разработке комплекса

¹ Бакланова Л.Н. Использование видео-конференц-связи при производстве допроса // Молодой ученый. 2023. № 3 (450). С. 316–319; Глимеда В.В. Дистанционное уголовное судопроизводство: состояние, проблемы и перспективы // Известия Тульского государственного университета. Серия: Экономические и юридические науки. 2023. №1. С. 54–61; Овчинникова О. В. Производство дистанционных следственных действий: опыт зарубежных стран // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 3. С. 87–91; Якубова С.М. Дистанционные следственные действия посредством видео-конференц-связи в уголовном процессе России // Борьба с преступностью: теория и практика: тезисы докладов XI Международной науч.-практ. конф.; редкол.: Ю.П. Шкаплеров (отв. ред.) [и др.]. Могилев: Могилевский институт МВД, 2023. С. 414–417.

² Пономаренко Ю.Н. Особенности проведения допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видео-конференц-связи: актуальные проблемы и пути их решения // Вестник науки. 2022. № 6 (51). С. 258.

законодательных положений, решающих еще одну важную проблему – упрощение процедуры применения видео-конференц-связи.

На наш взгляд, законодательному регулированию подлежат несколько важных аспектов.

1. Выбор способа производства следственного действия, из которого может следовать разграничение дистанционного производства следственных действий и дистанционного участия в их производстве. Дистанционное производство следственных действий рассматриваем как процессуальное полномочие следователя, являющегося единственным (как и дознаватель) процессуальным субъектом, способным властным образом принимать процессуальные решения, в том числе о производстве следственных действий.

Нам представляется важным дополнить это полномочие указанием на возможность выбора способа производства следственного действия: обычного или дистанционного, что позволит следователю рационализировать временные затраты на его проведение в удаленных, труднодоступных местностях, обеспечивая личное присутствие участников лишь в тех случаях, где это действительно необходимо и достаточно для достижения цели следственного действия.

Дистанционное участие в производстве следственного действия представляет собой процессуальное право или обязанность, что должно выражаться в законе следующим образом:

Любой участник, уведомленный следователем о производстве следственного действия, может заявить ходатайство о дистанционном участии посредством видео-конференц-связи. Следователь полномочен удовлетворить либо отказать в дистанционном формате (основаниями могут выступать как несоответствие дистанционного формата цели и задачам следственного действия, так и отсутствие необходимого технологического сопровождения). Аналогично должен решаться этот вопрос и в ситуации, когда следственное действие производится по инициативе заинтересованного участника.

2. Расширение круга следственных действий, производство которых возможно в дистанционном (посредством видео-конференц-связи) формате. На наш взгляд, применение видео-конференц-связи возможно не только при допросе, очной ставке и опознании, но и проверке показаний на месте, производстве иных следственных действий.

В основе производства, например, освидетельствования так же лежит метод визуального исследования, что не противоречит возможности применения видео-конференц-связи для закрепления и передачи визуальной информации. Вместе с тем, следует учитывать неприменимость указанной технологии в случаях, связанных с возможным нарушением принципа уважения чести и достоинства личности, если освидетельствуемым является лицо другого пола (ч. 4 ст. 179 УПК РФ).

Метод визуального восприятия информации лежит также в основе производства следственного эксперимента, целью которого законодатель определил проверку и уточнение данных, имеющих значение для уголовного дела путем воспроизведения действий, а также обстановки или иных обстоятельств определенного события (ст. 181 УПК РФ), что свидетельствует о возможности использования видео-конференц-связи для восприятия и фиксации производимых опытных действий удаленно, по поручению следователя.

3. Из установленных в ст. 189.1 УПК РФ правил допроса, очной ставки и опознания в режиме видео-конференц-связи следует, что их производство в дистанционном режиме осуществляют два следователя или дознавателя: первый поручает производство следственного действия, а второй – исполняет письменное поручение об организации участия лица в следственном действии по месту его нахождения. Проблемы процессуального статуса следователя (дознавателя) – исполнителя поручения о проведении следственного действия в режиме видео-конференц-связи анализируются учеными¹.

¹ См., например: Малышева О.А. Процессуальные гарантии прав участников следственных действий, производимых с применением системы видео-конференц-связи // Lex Russica. 2022. № 6 (187). С. 74–84.

На наш взгляд, проблема процессуального содержания дистанционных следственных действий (в частности, проводящихся в формате видео-конференц-связи), гораздо более широкая и фундаментальная, разрешение которой видится в совершенствовании общих положений, а также специальных норм о применении видео-конференц-связи.

4. Основным средством фиксации хода и результата дистанционного следственного действия является протокол, но закон требует наряду с этим применять видеозапись, которая служит приложением к протоколу. Ученые не выработали единой позиции относительно продолжительности такой записи. В частности, К.С. Плахота отмечает необходимость непрерывности видеозаписи, что обеспечивало бы достоверность получаемых сведений. В свою очередь, есть и другая позиция, о необходимости видеофиксации лишь отдельных, наиболее важных моментов следственного действия¹. Х.Х. Рамалданов, обращая на это внимание, предлагает дополнить ч. 4 ст. 189.1 УПК РФ положением о необходимости сохранения данных в доступном формате².

В этой части мы хотим отметить два значимых вопроса:

1) представляется нецелесообразным применение видеозаписи при наличии соответствующей автоматической записи сеанса видео-конференц-связи;

2) содержание и оформление протокола следственного действия, произведенного в формате видео-конференц-связи, порядок его подписания и ознакомления с ним подлежат оптимизации.

Протокол следственного действия – значимый процессуальный документ, традиционно рассматриваемый как источник уголовно-процессуальных доказательств. Дистанционный формат следственного действия, наличие технологического результата в виде видеозаписи нам представляется достаточно

¹ Глушков М.Р. Обязательна ли непрерывная видеофиксация следственного действия? // Проблемы правоохранительной деятельности. 2016. № 3. С. 87.

² Рамалданов Х.Х. Цифровые доказательства, полученные путем использования систем видео-конференц-связи // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 11 (144). С. 128.

устойчивым способом сохранения доказательственной информации. Поэтому протоколирование в той форме как это требуется современным уголовно-процессуальным законом (в полном объеме, по возможности дословно и др. – ст. 166 УПК РФ), нам представляется излишним.

Ознакомление с протоколом следственного действия, а также с видеозаписью может осуществляться в упрощенном режиме, например, путем направления видеозаписи по электронным адресам заинтересованных участников, которые, после ознакомления, могут заявить свои замечания на процедуру следственного действия.

Кроме того, предлагаем сокращенную форму протокола следственного действия, о чем пойдет речь в последующих частях данной работы.

Базируясь на изложенном, сформулируем основные выводы.

Использование технических средств и технологии удаленного присутствия привело к формированию нового способа производства следственных действий – дистанционного (удаленного), применение которого обуславливает возможность существенного упрощения процедуры получения относимых, допустимых и достоверных доказательств. Одним из видов дистанционной технологии выступает видео-конференц-связь.

С учетом отечественного и зарубежного опыта использования видео-конференц-связи применение дистанционного способа производства возможно не только при допросе, очной ставке и опознании, но также в ходе проверки показаний на месте, при осмотре, освидетельствовании, следственном эксперименте и др.

Считаем дистанционный формат производства следственных действий исключительно диспозитивным, применение которого должно быть поставлено полностью в зависимость от усмотрения следователя (дознателя).

Дистанционный формат выдвигает в научную повестку решение ряда теоретических вопросов:

– определение дистанционного следственного действия, процедура которого полностью или в части сопровождается технологиями, позволяющими производить или участвовать в его производстве в удаленном формате;

– разграничение дистанционного производства (полномочие следователя или дознавателя) и дистанционного участия (право заинтересованного лица);

– закрепление в законе основания производства следственных действий в дистанционном формате: безотлагательная ситуация, удаленность места или лица от местонахождения следователя, письменное ходатайство или согласие участника, выраженного в ходе видео-конференц-связи.

Для установления общего положения о возможности применения технических средств и технологий, в том числе обеспечивающих дистанционный формат производства некоторых следственных действий, предлагаем дополнить ст. 164 УПК РФ новой частью 9: «9. Производство допроса, очной ставки, опознания, проверки показаний, иных следственных действий возможно с применением технологии удаленного доступа, позволяющего получить результаты, соответствующие требованиям, предъявляемым к доказательствам настоящим Кодексом»¹.

2.2. Проблемы применения видео-конференц-связи при производстве следственных действий и пути их решения

Видео-конференц-связь является технологией, определяющей особый способ осуществления процессуальных действий, предусмотренных законом, с использованием программно-технических средств передачи аудио- и видеoinформации по каналам связи с одним или несколькими абонентами². Её ос-

¹ Приложение 1.

² Приказ Судебного Департамента при Верховном Суде РФ от 28 декабря 2015 г. № 401 (с изм. на 30 декабря 2020 г.) «Об утверждении Регламента организации применения

новная задача заключена в обеспечении наиболее рациональной коммуникации участников уголовного судопроизводства при возникновении особых условий, например, при производстве следственных действий в удалённых или труднодоступных местностях, при установлении невозможности быстрого и полного обмена информацией традиционным способом, а также в иных случаях, когда необходима оперативная (быстрая) фиксация передаваемых сведений и их сохранение.

Подчеркнем, что применение видео-конференц-связи и сопровождающей ее видеозаписи судами рассматривается, в целом, как позитивный фактор: «применение технических средств при производстве следственного действия, выступает способом беспристрастной фиксации хода и результатов следственного действия и призвано служить точному и достоверному отображению обстоятельств объективной действительности, что направлено не на ограничение, а, напротив, на обеспечение прав участников уголовного судопроизводства и требований справедливого правосудия»¹.

Технологические возможности видео-конференц-связи определяют круг следственных действий, в которых возможно ее применение, о чем уже шла речь в предыдущем параграфе исследования. Здесь же отметим очевидное преимущество видео-конференц-связи перед законодательным механизмом получения тех же показаний при допросе по отдельному поручению следователя по месту нахождения лица, поскольку в последнем случае происходит подмена субъекта, непосредственно воспринимающего показания, а инициатор допроса знакомится уже с его результатом, содержащемся в протоколе.

видео-конференц-связи при подготовке и проведении судебных заседаний» // Бюллетень актов по судебной системе. 2020. № 9.

¹ Приговор Муромского городского суда Владимирской области от 6 июля 2022 г. по делу № 1-58 по уголовному делу в отношении В.В. Бокова // ИПО «Гарант», аналитическая система «Сутяжник».

В научном дискурсе существует позиция, как о возможности расширения, так и об ограничительном восприятии процессуального потенциала видео-конференц-связи в производстве следственных действий, с учетом их различной гносеологической природы¹.

Мы считаем, что имеются и иные, помимо указанных законодателем, возможные варианты применения видео-конференц-связи в следственных действиях.

Технологическая возможность видеоприсутствия позволяет внедрять видео-конференц-связь при проверке показаний на месте, производстве других следственных действий, связанных с восприятием визуальной информации, например, с осмотром вещественных доказательств, что особенно актуально для громоздких, трудно перемещаемых предметов, а также в тех случаях, когда доступ к таким предметам затруднен. Это могут быть помещения, местность (в том числе труднодоступная или удалённая), либо когда возникает опасность для жизни и здоровья участников следственных действий.

Теоретически возможны варианты применения видео-конференц-связи в производстве различных следственных действий для обеспечения присутствия (виртуального участия) потерпевшего (например, находящегося на лечении в медицинском стационаре), обвиняемого (заключенного под стражу или прибывающего под домашним арестом, а также в медицинском стационаре), свидетеля, специалиста. Полагаем вполне допустимым применение видео-конференц-связи при изъятии и отыскании объектов (выемка, обыск).

Так, посредством указанной технологии можно обеспечивать присутствие в производстве обыска обвиняемого, находящегося в следственном изоляторе, что исключает необходимость его конвоирования, предотвращает возможность побега во время передвижения арестованного, не создавая при этом

¹ Овчинникова О.В. Дистанционные следственные действия: современное состояние и перспективы // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 1 (47). С. 111.

препятствий в реализации принадлежащих ему прав, включая право добровольной выдачи предметов и документов, что имеет правовые последствия как обстоятельства, смягчающего ответственность, либо исключаящего ее наступление (примечание к ст. 222 УК РФ).

Не менее существенным фактором в расширении возможностей использования систем видео-конференц-связи при производстве следственных действий выступает широкая доступность сервисов, обеспечивающих применение этой технологии. Можно привести два возможных варианта: отечественный и зарубежный.

1. В числе российских компаний, обеспечивающих функционирование видео-конференц-связи, укажем следующие:

– VideoMost, в бесплатной версии которого доступны конференции на 45 минут и 100 участников;

– TrueConf – опять бесплатная конференция на 60 минут и 40 участников, а с покупкой лицензии снимается вопрос лимита пользователей и времени звонка;

– Яндекс.Телемост – бесплатная конференция, вмещающая 40 участников и без ограничений в длительности звонка;

– Контур.Толк – звонки на 100 человек длительностью в 60 минут, с демонстрацией экрана, записью звонка, отправкой файлов в чат конференции;

– IVA – платный сервис, без ограничений длительность звонка и отсутствием лимита участников конференции;

– Vinteo, когда время платной конференции не ограничено, а лимит участников зависит от потребностей компании.

2. Зарубежные компании:

– Zoom – бесплатная конференция до 100 участников, с демонстрацией экрана, записью звонка в память устройства, наличие чата с отправкой файлов, интеграция с календарями и вход на конференцию по ссылке без регистрации, но с ограничением по времени – 40 минут;

– Jitsi Meet – конференция до 75 человек, без ограничения времени, с демонстрацией экрана, интеграцией с календарями и записью звонка.

Каждый из указанных ресурсов имеет свои «минусы», однако их преодоление не составляет серьезных затруднений, а приобретаемые «плюсы» существенно повышают эффективность производства следственных действий.

Однако необходимо отметить, что имеются определенные препятствия к применению видео-конференц-связи в производстве следственных действий организационного, технического и законодательного содержания, причем все три составляющие тесно связаны и во многом обуславливают друг друга.

Одним из наиболее серьезных препятствий выступает то обстоятельство, что законодательное регулирование применения видео-конференц-связи усложняет процессуальные правила производства следственных действий. И это при том, что любые научно-технические достижения (от бытового до промышленного уровня) предназначены для облегчения и упрощения привычного труда, позволяя сокращать физические, временные, ресурсные и иные издержки, обеспечивая достижение наилучшего результата. И только в области уголовного судопроизводства наблюдается парадоксальная тенденция, когда внедрение технологий и обеспечивающих их применение технических средств сопровождается усложнением процессуальных правил производства. Причем, правила являются обязательными и их выполнение не позволяет упростить работу следователя, а напротив, создает дополнительные сложности и трудности, приводя к отказу от использования современных технических достижений.

Наглядным примером неоправданного усложнения порядка производства следственных действий выступает содержание ст. 189.1 УПК РФ, регламентирующей правила применения видео-конференц-связи. Несмотря на то, что эта статья была введена в действие 10 января 2022 г., критический анализ ее содержания позволяет выделить сразу несколько аспектов, создающих неоправданные затруднения в применении технологии видео-конференц-связи и демонстрирующих моральное устаревание закона.

1. В соответствии с ч. 1 ст. 189.1 УПК РФ разрешено использование систем видео-конференц-связи государственных органов, осуществляющих предварительное расследование, при наличии к тому технической возможности. При буквальном толковании закона получается, что правом использования в следственных действиях видео-конференц-связи обладают исключительно государственные органы и только те из них, которые осуществляют предварительное расследование.

По сути, это означает неоправданное сужение потенциальной возможности применения видео-конференц-связи в следственных действиях в условиях широкой доступности технологических ресурсов и технических средств (тот же личный сотовый (мобильный) телефон с «выходом в интернет»). Тем более, что даже при условии применения технических ресурсов, принадлежащих государственным органам, нам представляется сомнительным их дополнительное законодательное ограничение указанием на ведомственную принадлежность органам предварительного расследования.

Так, обвиняемый, находящийся в следственном изоляторе, вполне может быть вовлечен в производство следственного действия с помощью дистанционной технологии системы ФСИН, что не соответствует указанному уголовно-процессуальному положению.

Важным вопросом, подлежащим разрешению на практике, выступает возможность процессуальной коммуникации посредством видео-конференц-связи при создании межведомственных следственных групп для расследования сложного или большого по объему уголовного дела. Как представляется, такого рода следственные группы (состоящие из следователей, например, Следственного комитета РФ и ФСБ РФ), при замкнутости ведомственных телекоммуникационных ресурсов, в том числе видео-конференц-связи, утрачивают возможность для производства следственных действий с использованием указанной технологии. Аналогичные проблемы возникают в тех случаях, ко-

гда поручение о производстве следственного действия дается следователем сотруднику органа дознания, который не имеет доступа к ведомственным ресурсам следственного подразделения.

Остается вне поля законодательного регулирования вопрос и о применении видео-конференц-связи в случае передачи уголовного дела из производства следователя одного ведомства следователю другого ведомства, при отсутствии общего доступа к имеющимся электронным материалам на серверах.

Не рационален запрет (как мы это понимаем) на использование технического оборудования и технологии видео-конференц-связи на уровне следователь – суд, хотя указанная технология применяется в судебной системе гораздо чаще, о чем свидетельствует наработанный опыт. Вместе с тем потребности в дистанционной коммуникации органов предварительного расследования и судов имеются (например, для получения разрешения на производство следственных действий или уведомления суда о производстве следственного действия в порядке ч. 5 ст. 165 УПК РФ) и могли бы быть эффективно удовлетворены при условии создания универсальной телекоммуникационной сети.

Установленное в ч. 1 ст. 189.1 УПК РФ ограничительное правило на применение в производстве следственного действия лишь ведомственных технических средств и технологий видео-конференц-связи нам представляется искусственным, подлежащим корректировке.

2. Видео-конференц-связь разрешена только при производстве допроса, очной ставки и опознания¹. Ранее мы раскрыли гораздо более широкий потенциал этой технологии, что без риска для содержательной стороны получаемой информации позволяет существенно расширить границы применения видео-конференц-связи².

¹ Воробьева К.А., Дорошенко А.А. Особенности проведения допроса с использованием систем видео-конференц-связи // Молодой ученый. 2023. № 2 (449). С. 276.

² Плахота К.С. Использование следователем (дознавателем) видео-конференц-связи при производстве следственных действий // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2022. № 1. С. 100.

Другие ученые, например, Е.А. Архипова и С.П. Щерба, указывают на возможность применения видео-конференц-связи в ходе освидетельствования, следственного эксперимента и проверки показаний на месте¹.

Разделяя расширительный подход к видам следственным действий, в рамках которых применение видео-конференц-связи может дать положительный эффект, полагаем возможным рассмотреть вопрос о законодательном разрешении на применение указанной технологии в дополнение к имеющимся следственным действиям при производстве проверки показаний на месте, осмотре, освидетельствовании и др.

Но производство следственных действий с применением системы видео-конференц-связи должно осуществляться с выполнением указанного нами ранее общего правила – наличия основания для применения технологии удаленного присутствия.

3. Согласно закону, для применения видео-конференц-связи необходимо направление поручения другому следователю по месту нахождения допрашиваемого лица об организации его участия в следственном действии, и это правило, как представляется, нуждается в отдельном комментарии.

Нормативно правила направления отдельного поручения регламентируются несколькими статьями уголовно-процессуального закона. Приведем основные из них:

- следователь вправе давать письменное поручение о производстве следственных действий (п. 4 и 4.1 ч. 2 ст. 38 УПК РФ);
- следователь направляет поручение другому следователю об организации участия лица в допросе, ином действии (ч. 2 ст. 189.1 УПК РФ);
- следователь, получивший поручение, исполняет его в течение 10 суток (ч. 1 ст. 152 УПК РФ).

¹ Архипова Е.А., Щерба С.П. Применение видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве России и зарубежных стран: опыт, проблемы, перспективы. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 56.

Фактически процедура производства следственного действия с применением видео-конференц-связи по поручению другого следователя выступает дополнительным обременением и не обеспечивает ожидаемого ускорения производства следственного действия, что требует ее корректировки.

С этой целью предлагаем рассмотреть вопрос о внесении в УПК РФ следующей поправки: поручение следователя об организации видео-конференц-связи может направляться по электронным каналам связи, с фиксацией в уголовном деле факта направления поручения и его получения адресатом. Для этого необходимо дополнить ч. 2 ст. 189.1 УПК РФ новым предложением «Следователь или дознаватель также вправе направить поручение по электронным каналам связи»¹.

4. Часть 3 ст. 189.1 УПК РФ устанавливает особый порядок протоколирования следственного действия, проведенного с применением видео-конференц-связи. На наш взгляд, следует отметить отсутствие каких бы то ни было упрощающих этот процесс правил оформления и составления протокола, исходя из возможностей технологии сохранять собственные результаты в надежной (устойчивой) форме. Мы считаем, что указанная технология вполне позволяет подойти к протоколированию с позиции сокращения информации, вносимой в этот документ².

5. В ч. 4 ст. 189.1 УПК РФ законодатель указал на обязательное применение видеозаписи, но видео-конференц-связь – технология, которая сама по себе обеспечивает запись контента и его сохранение, что ставит под сомнение обязательность применения двух технологий видеозаписи одного и того же следственного действия, еще более усложняющих его производство. Полагаем, что ч. 4 ст. 189.1 УПК РФ, где предусматривается обязательное применение видеозаписи в ходе следственных действий, подлежит исключению из текста закона³.

¹ Приложение 1.

² О сокращенной форме протокола см. гл. 3 данной работы.

³ Приложение 1.

6. В соответствии с ч. 3 и 5 ст. 189.1 УПК РФ должна быть составлена подписка об оглашении протокола следственного действия участникам, а также представлены дополнительные материалы (например, ордер адвоката), которые в течение 24 часов направляются следователю, в производстве которого находится уголовное дело (ч. 6 ст. 189.1 УПК РФ).

И эти правила нам представляются излишними в свете уже отмеченных ранее возможностей технологии видео-конференц-связи по сохранению контента и его технологической доступности для участников следственного действия. Полагаем, что заменой правилу об оглашении протокола (который мы предлагаем составлять в сокращенной форме) участникам следственного действия может быть разослана электронная версия записи, с которой они могут ознакомиться в удобном для себя графике, а при наличии каких-либо дополнений и замечаний заявить ходатайства и направить их следователю для разрешения.

7. Важное значение представляют правила, закрепленные в ч. 8 ст. 189.1 УПК РФ, где законодатель установил запрет на применение видео-конференц-связи в случае возможности разглашения государственной или иной охраняемой федеральным законом тайны, либо данных о лице, в отношении которого приняты меры безопасности.

Сразу отметим своеобразие формулировки – «возможность разглашения», которую законодатель не конкретизировал, оставляя на усмотрение следователя оценку реальности такой возможности. В результате не ясно, когда возникает возможность такого разглашения.

Например, законным ли будет решение следователя о неприменении видео-конференц-связи по основанию возможного разглашения данных предварительного следствия, когда соответствующая подписка ни у кого из числа участников не отбиралась.

Следует учитывать, что применение технологии видео-конференц-связи позволяет записывать всю информацию, сохранять ее в электронном формате, как на серверах, так и на устройствах модератора и участников. Сохранение

на сервере информации актуализирует вопрос об ограничении доступа к ней. Однако, как мы уже писали ранее, следователи следственных подразделений различных ведомств используют свой внутренний, локальный продукт, доступ к которому извне исключен. Думается, такого рода запрет при производстве следственных действий становится излишним.

Но вот то, что, на наш взгляд, выходит за пределы внимания законодателя, так это последующее использование созданной в ходе видео-конференц-связи записи. Доступ к ней может получить участник следственного действия в рамках ознакомительных мероприятий. Этот же ресурс должен быть доступен суду при рассмотрении уголовного дела в судебном разбирательстве. Однако этот аспект законодательно не регулируется.

Не менее существенным выглядит и другая проблема – ограждение лиц, находящихся под государственной защитой от участия в следственных действиях с применением видео-конференц-связи. Вновь актуализируется проблема определения наличия и степени угрозы разглашения тайны предварительного расследования. При проведении судебного разбирательства как раз эта технология применяется для воспрепятствования рассекречиванию данных об охраняемых лицах. В стадии предварительного расследования видео-конференц-связь рассматривается как угроза такого рассекречивания. Представляется, указанное противоречие не способствует оптимизации использования современных технических достижений, в частности видео-конференц-связи, и нужен единый подход к вопросу об участии указанной категории лиц в сеансах видео-конференц-связи. Полагаем, что порядок этого участия должен представлять собой совокупность дополнительных правил, обеспечивающих сохранение процессуального инкогнито.

Озабоченность законодателя безопасностью, полагаем, обусловила введение правила, указанного в ч. 1 ст. 189.1 УПК РФ, о котором писали ранее – подлежат использованию только те ресурсы, которые имеются в государственных органах, осуществляющих предварительное расследование. Однако, это

положение оценено нами критически, как создающее ненужное препятствие к использованию видео-конференц-связи в следственных действиях.

Одним из путей решения проблемы безопасности, без создания неоправданных препятствий в применении видео-конференц-связи, должно служить использование следователем (дознавателем) исключительно сертифицированных технических средств и технологий¹.

Наличие соответствующих сертификатов общего характера может дополняться специальными сертификатами безопасности технических средств и технологий удаленного доступа для их применения в рамках производства следственных действий. Это специальное правило может быть внесено в содержание уголовно-процессуального закона, обеспечивая как широкий доступ следователей к возможным ресурсам, так и выбор из них только тех, которые имеют специальные сертификаты соответствия требованиям информационной безопасности.

Отметим наличие в Российской Федерации разработанного ГОСТ Р 56939-2016 «Защита информации. Разработка безопасного программного обеспечения. Общие требования»², который направлен на подтверждение наличия у программного обеспечения необходимых показателей, эффективно препятствующих несанкционированному доступу к результатам следственных действий, полученных и (или) хранящихся в электронном формате.

Считаем, что использование сертифицированного технологического обеспечения в следственных действиях снимает вопрос о возможности разгла-

¹ В этой части работы сошлемся на опыт обязательной сертификации технических средств, применяемых в сфере административных правоотношений, о прохождении соответствующей процедуры техническими средствами, фиксирующими правонарушение в автоматическом режиме (См., например: Постановление Верховного Суда РФ от 1 июня 2023 г. № 53-АД23-3-К8 по делу об административном правонарушении // СПС «Консультант-Плюс»).

² Проект Приказа ФСТЭК России «Об утверждении Порядка сертификации процессов безопасной разработки программного обеспечения средств защиты информации», в котором предложен порядок проведения сертификации процессов безопасной разработки программного обеспечения средств защиты информации в рамках действующей системы сертификации ФСТЭК России // СПС «КонсультантПлюс».

шения электронных сведений, поскольку такая технология, проходя сертификацию, подтверждает выполнение необходимых протоколов безопасности, обеспечивает допустимость получаемых доказательств.

Проиллюстрируем это примером из практики, когда в приговоре Уржумского районного суда Кировской области, когда сторона защиты в обосновании своей жалобы указала, что «при проведении следственного эксперимента применялись не сертифицированные и непроверенные средства измерений – мерная рулетка и сотовые телефоны». Однако суд пришел к выводу, что протокол следственного эксперимента не подлежит исключению из состава доказательств, поскольку действующий УПК РФ не предусматривает такого требования к техническим средствам и технологиям как обязательность их сертификации¹.

Еще пример. У суда не вызывало сомнения при оценке доказательств, полученных в ходе предварительного следствия, правомерность использования следователем в соответствии с требованиями УПК РФ в ходе проверки показаний на месте лазерного дальномера и видеокамеры, при отсутствии специальных сертификатов².

Но при этом сохраняется потребность в обеспечении личной безопасности лиц, привлекаемых к производству следственных действий с использованием технических средств и технологий. Этот аспект, как представляется, нуждается в законодательном регулировании и установлении специальных правил, обеспечивающих дополнительные условия безопасности, таких как наложение ретуши на изображение, использование модуляторов голоса и иные. С этой целью соответствующая функция должна включаться в ресурс программного обеспечения.

¹ Приговор Уржумского районного суда Кировской области от 17 мая 2021 г. по делу № 1-28 // ИПО «Гарант», аналитическая система «Сутяжник».

² Приговор Ухтинского городского суда Республики Коми от 15 января 2021 г. по делу № 1-6 // ИПО «Гарант», аналитическая система «Сутяжник».

Подводя итог исследованию вопроса о проблемах применения видео-конференц-связи при производстве следственных действий и путях их решения, полагаем возможным сделать следующие выводы.

Видео-конференц-связь является доступным и эффективным техническим достижением (техническое средство и технология), обеспечивающим получение процессуально значимого результата при применении в рамках следственных действий. Дальнейшее технологическое развитие позволяет расширять процессуальные возможности использования видео-конференц-связи в уголовном судопроизводстве в целом и при производстве следственных действий, в частности.

Обобщение практических материалов показало низкую востребованность видео-конференц-связи со стороны следователей, а проведенное исследование позволило сформулировать причину отказа от применения этой технологии при производстве следственных действий – комплекс проблем, сопровождающих использование видео-конференц-связи при производстве следственных действий:

– организационные и материально-технические проблемы, связанные с разобщенностью технологических ресурсов, исключающих эффективное процессуальное взаимодействие участников уголовного судопроизводства (наличие узковедомственных, локальных электронных ресурсов); отсутствие подтвержденных сертификацией технических устройств и технологий, обеспечивающих бесперебойную, устойчивую и безопасную связь и сохранение записей;

– законодательные проблемы, обусловленные наличием в уголовно-процессуальном законодательстве правил, существенно усложняющих порядок производства следственных действий с применением видео-конференц-связи, непризнание за полученными электронными записями самостоятельного процессуального значения.

Именно законодательные проблемы зачастую существенно снижают заинтересованность следователей в применении видео-конференц-связи и не

позволяют достичь значимых результатов на пути ускорения уголовного судопроизводства, что объективно обеспечивается применением новейших технологий в любой другой сфере человеческой деятельности.

Для преодоления противоречивых тенденций в уголовном судопроизводстве в части регулирования применения технических достижений (стремление к упрощению процедуры с одной стороны и ее фактическое существенное усложнение в случае применения видео-конференц-связи, с другой) возникает необходимость изложить ст. 189.1 УПК РФ в новой редакции:

«1. Следователь, дознаватель вправе провести допрос, очную ставку, опознание и иные следственные действия¹ путем использования **сертифицированных систем видео-конференц-связи** по правилам статьи 164, **164.2** и главы 26 настоящего Кодекса с учетом особенностей, установленных настоящей статьей.

2. В случае **принятия решения о производстве** допроса, очной ставки, опознания, **иного следственного действия** путем использования систем видео-конференц-связи следователь или дознаватель, направляет **в другой орган предварительного расследования** или в орган дознания по месту нахождения лица, участие которого в следственном действии признано необходимым, **либо объекта, подлежащего осмотру**, письменное поручение **об организации видео-конференц-связи указанного в поручении следственного действия**. Следователь или дознаватель также вправе направить поручение по электронным каналам связи.

3. **Протокол следственного действия, проведенного с использованием систем видео-конференц-связи, составляется с соблюдением требований и особенностями, предусмотренными статьей 166 настоящего Кодекса (следующие далее слова до точки исключаются)**. В протоколе указываются дата, время и место производства соответствующего следственного действия как по месту составления протокола, так и по месту нахождения лица **либо матери-**

¹ Здесь и далее выделенный полужирным шрифтом текст является авторским.

ального объекта, указанного в части второй настоящей статьи. Запись о разъяснении участникам следственного действия, находящимся вне места производства предварительного расследования, их прав, обязанностей, ответственности, порядка производства следственного действия, **а также об особенностях ознакомления с видеозаписью и протоколом следственного действия** удостоверяется **подпиской** данных участников следственного действия.

4. Исключается из текста ст. 189.1 УПК РФ.

5. После завершения **производства следственного действия с использованием систем видео-конференц-связи, ознакомления с видеозаписью** и оглашения протокола участники вправе принести **письменные** замечания о дополнении и уточнении протокола, **направив их в адрес следователя, дознавателя, в чьем производстве находится уголовное дело, в том числе по электронным каналам связи.**

6. После завершения следственного действия, проведенного **с использованием видео-конференц-связи, следователь, дознаватель или орган дознания по месту организации следственного действия незамедлительно** направляет следователю или дознавателю в чьем производстве находится уголовное дело, все полученные письменные материалы, а также материалы, полученные в электронном формате, включая ордер, если в следственном действии участвовал адвокат лица, участвующего в следственном действии.

7. Следователь или дознаватель, **в производстве которого находится уголовное дело**, получив материалы, указанные в части 6 настоящей статьи, приобщает их к протоколу соответствующего следственного действия.

8. Проведение следственных действий **с использованием систем видео-конференц-связи с участием лица, в отношении которого приняты меры безопасности, должно обеспечивать сохранение в тайне личных данных такого лица»¹.**

¹ Приложение 1.

2.3. Нейросети и искусственный интеллект в следственных действиях

В ходе исследования сущности достижений научно-технического прогресса и их значения для сферы уголовного судопроизводства уже было отмечено, что некоторые технологии способны не только расширять чувственную ступень познания, но и реализовывать некоторые элементы мыслительной, когнитивной функции человека, что стало поводом к внедрению отдельных инноваций в уголовно-процессуальную деятельность. Связь ряда технологий с интеллектуальной деятельностью привела к объединению их единым понятием «искусственный интеллект» (далее также – ИИ), а возможности указанных систем актуализировали современные научные обсуждения, рассматривающие опыт реализации цифровых технологий в уголовно-процессуальной деятельности.

Применение искусственного интеллекта выступает естественным продолжением тенденции цифровизации, имплементирующей инновационные технологии в уголовное судопроизводство. В этой связи показательна идея внедрения сервиса «Правосудие онлайн», анонсированная в 2023 г. Председателем Верховного Суда Российской Федерации В.М. Лебедевым. Основанное на технологии искусственного интеллекта, «Правосудие онлайн» характеризуется способностью не только автоматизировано определять подсудность, рассчитывать пошлину, но и эффективно составлять проекты судебных актов на основе анализа текста процессуального обращения и материалов судебного дела¹. Указанное стало возможным благодаря главному свойству нейронных сетей – способности к обработке больших объемов информации, обучению и формированию языковых моделей, уже сегодня позволяющих составлять юридические документы и другие тексты.

¹ Куликов В. Суды планируют подключить искусственный интеллект к составлению решений // Российская газета. 2023. 25 мая.

В досудебном уголовном производстве искусственный интеллект обеспечивает повышение эффективности проведения поисковых операций, в том числе в сети «Интернет», организацию предварительного расследования, а также решение других задач, что подчёркивает А.А. Бессонов, руководитель НИИ криминалистики Следственного комитета Российской Федерации¹.

Возможности искусственного интеллекта, повышающие качество и эффективность уголовно-процессуальной деятельности, позволили А.С. Александрову, О.И. Андреевой и О.А. Зайцеву обосновать «наиболее перспективные направления замены человека «интеллектуальным агентом»: (а) оперативное реагирование на сигнал о преступлении, поступающий по любому техническому каналу связи от любого источника; (б) использование «больших данных», систем учетов при установлении личности преступника и его мотивов; (в) осуществление машинного взаимодействия при установлении признаков состава преступления; (г) подготовку проектов обвинений, судебных решений и пр.»². Одновременно анализируются перспективы развития цифровизации уголовного судопроизводства в условиях различных критических и чрезвычайных ситуациях³.

Есть основание полагать, что перспектива внедрения искусственного интеллекта в уголовное судопроизводство вызывает необходимость его исследования.

В.В. Момотов, секретарь Пленума Верховного Суда, глава Совета судей Российской Федерации, считает, что при рассмотрении гражданских и адми-

¹ Интервью руководителя НИИ криминалистики СК России А.А. Бессонова информационному агентству ТАСС / Следственный комитет Российской Федерации. URL: <https://sledcom.ru/press/interview/item/1621439/>.

² Александров А.С., Андреева О.И., Зайцев О.А. О перспективах развития российского уголовного судопроизводства в условиях цифровизации // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 448. С. 199–207.

³ Зайцев О.А. Развитие цифровизации уголовного судопроизводства в условиях критических и чрезвычайных ситуаций // Вестник. Государство и право. 2022. № 3 (34). С. 55–58.

нистративных дел по бесспорным вопросам возможно использование «слабого искусственного интеллекта», способного решать узкоспециализированные задачи¹.

Разделение искусственного интеллекта на «слабый» и «сильный» – не является новеллой для науки уголовного процесса, позволяя эффективно выделять и рассматривать реально возможное использование существующих интеллектуальных систем, в связи с чем такая систематизация получила признание многих учёных-процессуалистов².

Однако технология, способная полностью повторять когнитивные способности на уровне человека, ещё не создана. Именуемая «сильным искусственным интеллектом», эта технология стала предметом обсуждений в области научной фантастики, а также перспектив развития нейросетевых технологий. В этой связи стоит согласиться с замечанием Л.В. Головки о необходимости различать реальное и «футурологическое» в понимании рассматриваемой технологии³.

Указывая на это различие, современные учёные предлагают исследовать возможности использования систем более реального, т. е. слабого искусственного интеллекта. Такого же подхода по развитию технологии искусственного интеллекта придерживается правовая система Российской Федерации⁴, что объясняется практическими потребностями правоприменения.

¹ Искусственному интеллекту можно поручать только узкие правовые задачи – ВС / Российское агентство правовой и судебной информации. URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20210603/307106262.html.

² См., например: Бахтеев Д.В. Концептуальные основы теории криминалистического мышления и использования систем искусственного интеллекта в расследовании преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2022. С. 337; Мосечкин И.Н. Искусственный интеллект в уголовном праве: перспективы совершенствования охраны и регулирования: монография. Киров: Вятский государственный университет, 2020. С. 13–14; Шананин В.А. Применение систем искусственного интеллекта в судебной практике // Юридическая наука. 2022. № 11. С. 144.

³ Головка Л.В. М.С. Строгович и «искусственный интеллект»: о современной реинкарнации старых теорий и их этической ничтожности // Судебная власть и уголовный процесс. 2021. № 3. С. 30.

⁴ См. об этом: Глимеяда В.В. Перспективы и проблемы применения искусственного интеллекта в отечественном судопроизводстве // Современный ученый. 2020. № 6. С. 320.

Актуальность использования систем искусственного интеллекта привела к необходимости правового регулирования его применения на всех уровнях, чем объясняется принятие в 2020 г. Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года¹. В числе необходимых направлений исследования Концепция определила следующие:

1) соблюдение баланса между требованиями по защите персональных данных и необходимостью их использования для обучения систем искусственного интеллекта;

2) установление предмета и границ регулирования сферы использования систем искусственного интеллекта и робототехники;

3) идентификация системы искусственного интеллекта при взаимодействии с человеком, включая его информирование о взаимодействии с такой системой;

4) правовое «делегирование» решений системам искусственного интеллекта и робототехники;

5) ответственность за причинение вреда с использованием систем искусственного интеллекта и робототехники;

6) правовой режим результатов интеллектуальной деятельности, созданных с помощью систем искусственного интеллекта;

7) использование для принятия решений системами искусственного интеллекта вероятностных оценок и невозможность в ряде случаев полного объяснения принятого ими решения (проблема алгоритмической прозрачности систем искусственного интеллекта).

Предполагается внедрять технологии искусственного интеллекта и робототехники поэтапно, начиная со сфер применения, которые не предполагают принятия критически значимых решений.

¹ Распоряжение Правительства РФ от 19 августа 2020 г. № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 г.» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 35. Ст. 5593.

В связи с этим, имплементация искусственного интеллекта в уголовное судопроизводство в целом и в производство следственных действий, в частности, требует рассмотрения ряда существенных правовых вопросов его использования.

Стоит сразу отметить, что развитие и внедрение искусственного интеллекта сопровождается терминологическим разнообразием указанной технологии. Отсутствие единого подхода к его пониманию, полагаем, связано комплексным характером входящих в содержание цифровых технологий. Являясь собирательным термином, искусственный интеллект представляет собой большой массив разнообразных достижений техники, реализуемых в различных направлениях.

Об этом свидетельствует Национальная стратегия развития искусственного интеллекта в Российской Федерации до 2030 г., утвердившая понятие искусственного интеллекта, как «комплекса технологических решений», имитирующих когнитивные возможности человека¹. Закрепив понятие «технологий искусственного интеллекта», Национальная стратегия представила их в качестве разнообразных достижений техники, имитирующих отдельные когнитивные способности человека, в частности: зрение, обработку языка, распознавание и синтез речи, поддержку принятия решений.

Связь с когнитивными процессами и интеллектуальными функциями человека прослеживается и в п. 56 ГОСТ 15971–90 «Система обработки информации», как способность вычислительной машины моделировать процесс мышления за счет выполнения функций, которые обычно связывают с человеческим интеллектом².

Программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденная распоряжением Правительства от 28 июля 2017 г., устанавливала функциональное понятие искусственного интеллекта, как одной из приоритетных

¹ Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

² ГОСТ 15971-90 Системы обработки информации. Термины и определения. М.: Издательство стандартов, 1991.

сквозных технологий для решения вопросов обработки больших данных, распознавания объектов и интеллектуального поиска¹. Называя искусственный интеллект технологией, указанное понятие, тем не менее, акцентирует внимание на его возможных областях применения. Стоит отметить, что термин «сквозной» в указанной формулировке подразумевает влияние технологии на несколько отраслей или трендов развития².

Из рассмотренного следует, что в программных документах искусственный интеллект понимается в качестве: 1) собирательного понятия; 2) понятия, охватывающего технологии, представляющие собой разновидности применения «слабых» или прикладных интеллектуальных систем, не способных реализовывать комплексную мыслительную деятельность на уровне человеческой, разрешая лишь отдельные когнитивные задачи. Указывая на это обстоятельство, И.Н. Мосечкин сравнивает их с чертами слабого искусственного интеллекта³.

Другой проблемой искусственного интеллекта служит неоднозначное его понимание в различных областях деятельности. Не случайно, указывая на проблему определения искусственного интеллекта, в Распоряжении Правительства Российской Федерации от 19 августа 2020 г. указывается на необходимость его формулирования в зависимости от отрасли применения таких понятий как искусственный интеллект, робот, умный робот, робототехник, интеллектуальный агент⁴.

¹ Распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р. (утратило силу 12 февраля 2019 г.) «Об утверждении программы "Цифровая экономика Российской Федерации"» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 32. Ст. 5138

² Цифровая экономика и сквозные цифровые технологии: современные вызовы и перспективы экономического, социального и культурного развития: монография / О.Ю. Абашева, Э.Ф. Амирова, С.В. Беляева и др.; Под ред. И.А. Бондаренко, А.Н. Полетайкина. Самара: НИЦ «ПНК», 2020. С. 55.

³ Мосечкин И.Н. Искусственный интеллект в уголовном праве: перспективы совершенствования охраны и регулирования: монография. С. 16.

⁴ Распоряжение Правительства РФ от 19 августа 2020 г. № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 35. Ст. 5593.

Актуализируется вопрос о разработке понятия искусственного интеллекта применительно к уголовному судопроизводству, при многообразии подходов к его сущности, но позволяющих выделить его ключевые признаки.

1. Ряд исследователей представляют искусственный интеллект, как способность определённых систем, электронно-вычислительных машин (Е.А. Ерахтина и В.А. Тирранен¹, Н.В. Муравьева², М.Д. Лебедев и С.А. Саввоев³), делая упор на возможностях использования технических средств. При таком понимании искусственный интеллект является присущим свойством технических средств, не имея самостоятельного значения.

2. Другие авторы рассматривают искусственный интеллект в качестве системы (И.Н. Мосечкин⁴, З.С. Лебедев⁵, Д.А. Басангов и О.А. Степанов⁶, М.Г. Щербаков⁷, П.М. Морхат⁸, И.Р. Бегишев и З.И. Хисамова⁹ и др.), включая в её содержание специально организованную информацию, либо информационные процессы, обеспечиваемые материальными устройствами. Указан-

¹ Ерахтина Е.А., Тирранен В.А. Преступления, совершаемые с использованием искусственного интеллекта: проблемы квалификации и расследования // Вестник Сибирского юрид. института МВД России. 2019. № 2 (35). С. 37.

² Муравьева Н.В. Экономические аспекты и практические основы развития искусственного интеллекта в России на современном этапе // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 7-2. С. 56–60.

³ Лебедев М.Д., Саввоев С.А. Использование искусственного интеллекта в расследовании преступлений // Скиф. 2020. № 7 (47). С. 74.

⁴ Мосечкин И.Н. Искусственный интеллект в уголовном праве: перспективы совершенствования охраны и регулирования: монография. С. 111.

⁵ Лебедев З.С. Некоторые вопросы применения искусственного интеллекта в уголовном процессе России // Основы экономики, управления и права. 2021. № 4 (29). С. 46.

⁶ Степанов О.А., Басангов Д.А. О перспективах влияния искусственного интеллекта на судопроизводство // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 475. С. 230.

⁷ Щербаков М.Г. Проблемы правового регулирования трансформации правового статуса искусственного интеллекта: постановка проблемы // Ученые записки Крымского федерального ун-та им. В.И. Вернадского. Юрид. науки. 2019. № 3. С. 74.

⁸ Морхат П.М. К вопросу об определении понятия искусственного интеллекта // Право и государство: теория и практика. 2017. № 12 (156). С. 25–32.

⁹ Бегишев И.Р., Хисамова З.И. История становления и теоретико-правовые подходы к толкованию понятия «искусственный интеллект» // Алтайский юридический вестник. 2020. № 3 (31). С. 36.

ные авторские определения, отмечая самостоятельность технологии искусственного интеллекта, представляют её в качестве комплексного явления, включающего разнообразные материальные и нематериальные компоненты.

3. Наконец, встречается позиция об искусственном интеллекте как явлении, связанном с функционированием некоторых технологий. Такие нетривиальные подходы позволяют представить искусственный интеллект в качестве процесса совершенствования достижений науки и техники.

В частности, А.Ю. Афанасьев раскрывает его, как «направление разработки компьютерных функций, связанных с человеческим интеллектом, таких как: рассуждение, обучение и решение проблем», подчеркивая его ключевые позиции в жизни людей, с учетом несовершенства человеческой мыслительной деятельности и неполное ее воплощение¹. Однако, на наш взгляд, это не отражает сущности технологии искусственного интеллекта.

Д.В. Бахтеев, указывая на это обстоятельство, выделяет следующие направления понимания систем искусственного интеллекта: 1) как прикладная компьютерная система; 2) область фундаментального научного знания; 3) предмет научного познания; 4) метод решения научных и иных задач; 5) признак технологической системы².

Несмотря на разнообразные суждения относительно природы искусственного интеллекта обратим особое внимание на куда более значимую проблему, когда большинство его определений не привязаны к системе достижений науки и техники, используемым в уголовном судопроизводстве. Вместе с тем, указанная технология активно используется правоприменителями, что вызывает необходимость анализа основных признаков искусственного интеллекта.

Во-первых, искусственный интеллект представляет собой информацию, о чем свидетельствуют многочисленные подходы к его определению в качестве системы данных.

¹ Афанасьев А.Ю. Искусственный интеллект в уголовном процессе // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 572.

² Бахтеев Д.В. Концептуальные основы теории криминалистического мышления и использования систем искусственного интеллекта в расследовании преступлений. С. 411.

Так, И.Н. Мосечкин, указывая на дискуссионность понятия и представления его в качестве «способности» (к обучению, к мышлению, к обработке информации), определяет искусственный интеллект как систему электронных данных и команд, осуществляющую мыслительную деятельность¹. З.С. Лебедев представляет искусственный интеллект в качестве совокупности «теорий и научных методов, используемых для воспроизведения с помощью машины познавательных способностей человека»². Д.А. Басангов и О.А. Степанов понимают искусственный интеллект как комплексную информационно-электронную систему, имитирующую процесс мышления человека, направленную на достижение определенного результата³. Д.В. Бахтеев в своём исследовании отмечает, что под технологией искусственного интеллекта понимается объём всех объективных сведений (как естественно-технического, так и социогуманитарного, в том числе, криминалистического характера) о сущности, формах и функционировании искусственного интеллекта, а также совокупность прикладных и экспериментальных реализаций⁴.

В рассмотренных определениях явно прослеживается главный признак искусственного интеллекта, состоящий в его информационном характере. Но это не просто информация, т. е. записанный алгоритм вычислений и логических операций, посредством которых ЭВМ обрабатывает информацию, а также такой набор данных, который, складываясь в систему обработки информации и используя средства вычислительной мощности, позволяет анализировать и систематизировать сведения, а также обучаться самостоятельно. Представляя собой лишь набор сведений, каким образом ЭВМ обрабатывать информацию, искусственный интеллект выступает в роли программы или алгоритма.

¹ Мосечкин И.Н. Искусственный интеллект в уголовном праве: перспективы совершенствования охраны и регулирования: монография. С. 16.

² Лебедев З.С. Некоторые вопросы применения искусственного интеллекта в уголовном процессе России // Основы экономики, управления и права. 2021. № 4 (29). С. 45–48.

³ Степанов О.А., Басангов Д.А., О перспективах влияния искусственного интеллекта на судопроизводство // Вестник Томского гос. ун-та. 2022. № 475. С. 229–237.

⁴ Бахтеев Д.В. Концептуальные основы теории криминалистического мышления и использования систем искусственного интеллекта в расследовании преступлений. С. 26.

М.С. Спиридонов, обращая внимание на это обстоятельство, характеризует интеллектуальные системы «не более, чем математическим алгоритмом, задача которого, если упрощенно, состоит в обработке входящей информации и формировании на ее основе новой информации»¹. В.Н. Ручкин и В.А. Фулин представляют искусственный интеллект в качестве совокупности мета-процедур, имитирующих деятельность человека. В.Н. Синельникова и О.В. Ревинский предлагают считать искусственный интеллект как компьютерную программу, созданную человеком, и способную получать новую информацию или выраженные объективно результаты своей деятельности². А.М. Кустов пишет о том, что под искусственным интеллектом в криминалистике можно понимать производные комплексы (системы), состоящие из компьютерной системы (сетевые, персональные и иные цифровые компьютеры), компьютерных программ (программное обеспечение), баз данных (криминалистические учеты и запрограммированная криминалистически значимая информация о совершенном преступлении и его участниках) и искусственных нейронных сетей, выполняющие математические функции³.

Однако, мы же обратим внимание на то обстоятельство, что в качестве алгоритма или программы искусственный интеллект выступает в роли способа применения технических средств, и соответствует выделенному нами ранее определению технологии и свидетельствуя о том, что основанный на работе ЭВМ в цифровой форме искусственный интеллект сегодня представляет собой цифровую технологию, в чём и состоит его сущностная и процессуальная природа.

¹ Спиридонов М.С. Технологии искусственного интеллекта в уголовно-процессуальном доказывании // *Journal of Digital Technologies and Law*. 2023. № 2. С. 482.

² Синельникова В.Н., Ревинский О.В. Права на результаты искусственного интеллекта // *Копирайт*. 2017. № 4. С. 17–27.

³ Кустов А.М. Использование искусственного интеллекта при производстве процессуальных действий // *Высокотехнологичное право: генезис и перспективы: материалы III Междунар. межвуз. научн.-практ. конф.* Красноярск: Красноярский гос. аграрный ун-т, 2022. С. 123.

В этом контексте стоит отметить его взаимосвязь с техническими средствами, которыми он реализуется, но, в то же время, существует в качестве самостоятельного технологического решения. Искусственный интеллект не зависит от конкретного технического средства и существует в качестве универсального вычислительного алгоритма.

Несмотря на то, что ряд учёных справедливо связывают искусственный интеллект с необходимостью наличия устройства. Например, А.А. Васильев, Д. Шпоппер, М.Х. Матаева упоминают о наличии технического устройства (киберфизической системы), способного воспринимать информацию и передавать ее в качестве признака, определяющего искусственный интеллект. А.В. Понкин и А.И. Редькина понимают искусственный интеллект как компьютерно-программно-аппаратную систему¹.

В этой связи, В.А. Лаптев, определяя искусственный интеллект как следующий этап развития робототехники и программирования (их особая часть), наделяющий робота способностью самостоятельно принимать новое решение, ранее не заложенное в программе, тем не менее, указывает, что в ближайшем будущем искусственный интеллект будет «существовать в отрыве от конкретных роботов или ЭВМ, например, в виртуальном облачном мире, передвигаясь по телекоммуникационной сети Интернет»².

Во-вторых, интеллектуальные системы основываются на логической обработке данных, информации, выступая в роли мета-технологии. И.И. Карташов и И.И. Карташов, указывая на свойство эффективно преобразовывать любую информацию, определяют его в качестве «систем, способных интерпретировать полученные данные, принимать на их основе оптимальные решения при помощи самообучения (адаптации)»³.

¹ Понкин А.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Сер.: Юрид. науки. 2018. С. 91–109.

² Лаптев В.А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 83–84.

³ Карташов И.И. Искусственный интеллект: уголовно-правовой и процессуальный аспекты // Актуальные проблемы государства и права. 2021. № 17. С. 77.

Являясь математической моделью, искусственный интеллект может быть заложен в работу любого технического средства и технологии, повышая их эффективность. Например, упоминаемая ранее технология автоматического стенографирования или технология анализа больших данных в своей основе содержат интеллектуальный компонент, позволяющий решать нетривиальные задачи. В этой связи, основной задачей искусственного интеллекта является повышение эффективности процессов работы с информацией, в том числе посредством совершенствования самих способов такой работы.

В-третьих, искусственный интеллект – это самообучаемый алгоритм. Главным инновационным свойством указанной технологии, отличающей её от всех предшествующих программ, работающих с информацией, является её способность к самообучению. Обработывая информацию, искусственный интеллект стремится делать это наиболее эффективным способом, с каждым разом приводя к лучшим результатам.

В этой связи Е.А. Ерахтина и В.А. Тирранен определяют искусственный интеллект, как «свойство интеллектуальных систем (в том числе компьютерных программ, включая нейросети) выполнять функции и решать задачи, в том числе специально не оговоренные в системе изначально, обучаться и адаптировать свое поведение под конкретные условия, а также принимать решения исходя из этих условий и поставленных целей»¹. Н.В. Муравьева сформулировала такое определение искусственного интеллекта: «свойство искусственных систем решать интеллектуальные задачи, для которых отсутствует алгоритм решения»².

Наконец, в качестве важного свойства искусственного интеллекта, выделяемого в науке, выступает его способность имитировать умственную дея-

¹ Ерахтина Е.А., Тирранен В.А. Преступления, совершаемые с использованием искусственного интеллекта: проблемы квалификации и расследования. С. 37.

² Муравьева Н.В. Экономические аспекты и практические основы развития искусственного интеллекта в России на современном этапе. С. 56–60.

тельность человека. Повторяющим когнитивные способности человека искусственный интеллект представлен в Концепции цифровой экономики, а также в юридической литературе¹.

Л.А. Воскобитова и П.М. Морхат, не отрицая свойства искусственного интеллекта повторять способности человеческого мозга, сознания, в то же время отмечают, что далеко не все из них доступны современному уровню развития интеллектуальных систем, в качестве одной из таких способностей, называя «определенный уровень когнитивной и эмоциональной компетенции в области права»².

Однако такой признак, наш взгляд, не характерен для современного искусственного интеллекта. Дело в том, что для ответа на вопрос, повторяет ли искусственный интеллект умственную деятельность человека, необходимо иметь представление, что такое интеллект. Полагаем, термин «искусственный интеллект» отражает лишь стремление указанной технологии повторить когнитивную деятельность человека. Подчеркнем, лишь стремление, а не полное осуществление мыслительной деятельности, что вызывает вопросы к указанной технологии, обоснование позиции о разделении искусственного интеллекта на сильный и слабый.

Показательно, что 97,1 % респондентов при проведении анкетирования указали на невозможности заменить следователя искусственным интеллектом при производстве следственных действий³.

Поэтому нейросетевые технологии сегодня действительно трудно назвать интеллектуальными. Однако, способность анализировать информацию, работать с ней и обучаться позволяет номинально отнести эту технологию к искусственному интеллекту.

¹ Лебедев М.Д., Саввеев С.А. Использование искусственного интеллекта в расследовании преступлений. С. 74.

² Воскобитова Л.А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // Lex Russica. 2019. № 5 (150). С. 97.

³ Приложение 2.

Вышеизложенное позволяет составить следующее представление об искусственном интеллекте, применяемом при производстве следственных действий – это имитирующая умственную деятельность следователя, самообучаемая технология обработки данных.

К сожалению, действующий УПК РФ не содержит норм о применении искусственного интеллекта, а потому допустимость использования указанной технологии в той же степени неопределенна, сколь это затрагивает цифровые технологии в целом.

Сложившаяся система регламентации использования достижений науки и техники свидетельствует об использовании искусственного интеллекта в контексте применения технических средств. В то же время, требует уточнения применимость в уголовно-процессуальной деятельности интеллектуальных систем, имеющих самостоятельное значение. Отсутствие четких критериев использования искусственного интеллекта породило отраслевую дискуссию о направлениях использования указанных систем¹.

Считаем, что использование искусственного интеллекта при производстве следственных действий осуществляется двумя путями: процессуальным и вне процессуальным. При этом, на сегодняшний день использование указанных систем реализуется исключительно внепроцессуальным способом (прогнозирование состояния расследования, выдвижение версий, поиск криминалистически значимой информации, квалификация совершенного деяния и др.²).

Указывая на такое разделение использование искусственного интеллекта Л.В. Головки справедливо замечает, что для уголовного процесса важно рассмотрение проблем именно процессуального использования, что фактиче-

¹ Мичурина О.В. Искусственный интеллект против внутреннего убеждения: взгляд в будущее уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 65–68.

² Бахтеев Д.В. Искусственный интеллект в следственной деятельности: задачи и проблемы // Российский следователь. 2020. № 9. С. 5.

ски оставляет необходимым рассмотрение лишь вопросов допустимости использования искусственного интеллекта и получаемых в результате такого применения доказательств.

Анализируя точки зрения учёных относительно возможностей процессуального применения искусственного интеллекта можно выделить следующие основные позиции по этому вопросу.

1. О.В. Мичурина высказывает мнение о недопустимости процессуального использования искусственного интеллекта, указывая на закрытость кода и алгоритмов его работы, необъективность в ходе доказывания¹.

Соглашаясь с указанной позицией, отметим недопустимость сведения процесса уголовно-процессуального доказывания к его алгоритмизации, т. к. рассматриваемая ситуация может привести к формализации процедуры оценки доказательств посредством технологий. Недопустимость формальной оценки предписаний ст. 17 УПК РФ делает невозможным сведение роли искусственного интеллекта к средству оценки доказательств.

2. А.Ю. Афанасьев считает, что искусственный интеллект может применяться в уголовном судопроизводстве, но в качестве вспомогательного средства: при исследовании механизма уголовно-процессуального доказывания, реализации механизма доказывания на практике². Такое вспомогательное значение результатов использования искусственного интеллекта поддерживается и другими процессуалистами³.

¹ Мичурина О.В. Искусственный интеллект против внутреннего убеждения: взгляд в будущее уголовного судопроизводства. С. 68.

² Афанасьев А.Ю. Системы искусственного интеллекта в механизме уголовно-процессуального доказывания // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 1 (49). С. 92–93.

³ Россинский С.Б., Расулова Н.С. Справочно-вспомогательные средства доказывания в уголовном судопроизводстве // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. № 2 (89). С. 119.

В этой связи, стоит отметить результаты опроса, проведённого Д.В. Бахтевым, показавшим, что около половины следователей считают системы искусственного интеллекта эффективным помощником и желают использовать их результаты¹.

Положения действующего УПК РФ не запрещают использование искусственного интеллекта при составлении процессуальных документов в ходе и по результатам производства следственного действия. Часть 1 ст. 166 УПК РФ, устанавливает возможность изготовления протокола следственного действия с помощью технических средств. С учётом уровня развития современных текстовых нейросетевых моделей, которые позволяют формировать текст в соответствии с поставленной задачей (положения ст. 166 и других норм УПК РФ) и вводимыми данными, отметим возможности оптимизации составления указанных документов посредством искусственного интеллекта. Дополняемый нейросетевой технологией распознавания и синтеза речи, в будущем искусственный интеллект может стать эффективным средством автоматизированного формирования протокола, с учётом озвучиваемых или аудио-протоколируемых следователем сведений, воспринимаемых в ходе следственного действия.

Способность искусственного интеллекта анализировать большие объёмы данных делает его незаменимым в ходе такого следственного действия, как осмотр документов. Его цель, сформулированная ст. 176 УПК РФ и состоящая в обнаружении следов преступления, выяснении других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, может быть достигнута посредством нейросетевых технологий обработки текста, как документов в электронном виде, так и печатных документов, при условии их сканирования, фотографирования или видеозаписи. Процессуальное отражение результата анализа документов представляется возможным посредством формирования справки «о применении технологии – искусственного интеллекта», прилагаемой к протоколу следственного действия и отражающей все полученные сведения.

¹ Бахтеев Д.В. Концептуальные основы теории криминалистического мышления и использования систем искусственного интеллекта в расследовании преступлений. С. 349.

Базируясь на вышеизложенном, полагаем возможным заключить следующее.

Правовые основы использования искусственного интеллекта в современной России находятся на этапе своего развития. Проникая в сферу уголовного судопроизводства, указанная технология обоснованно вызывает вопрос о допустимости её использования при производстве следственных действий. Следует различать процессуальное и внепроцессуальное использование интеллектуальных систем.

С одной стороны, анализ механизма применения технических средств и технологий в уголовном судопроизводстве не позволяет сделать вывод о возможности процессуального использования указанных систем в силу отсутствия процессуальной формы их применения, а также невозможности оценки доказательств посредством искусственного интеллекта.

С другой стороны, использование интеллектуальных систем представляется эффективным средством, позволяющим решать задачи по поиску и анализу информации в ходе следственного действия, построению процессуальных алгоритмов деятельности следователя, распознавания и синтеза речи, обработки данных, компьютерного зрения, технологий принятия решений и др.

Думается, что проблемы использования систем искусственного интеллекта непосредственно в уголовно-процессуальном доказывании при производстве следственных действий требуют отдельного исследования.

ГЛАВА 3. ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ

3.1. Результаты применения технических средств и цифровых технологий, их место и роль в системе доказательств

Необходимость применения современных достижений науки и техники в уголовном судопроизводстве обусловлена их способностью с высокой степенью эффективности обеспечивать информационные процессы, способствуя совершенствованию уголовно-процессуальной деятельности. Технические средства и цифровые технологии позволяют обнаруживать, фиксировать, изымать, собирать, проверять и даже, в некоторых случаях оценивать процессуально значимые сведения.

Для преодоления существующих препятствий и выработки оптимальных механизмов использования в доказывании результатов применения технических средств и цифровых технологий учеными выдвигаются предложения, в том числе по созданию новых следственных действий. Например, предлагается ввести осмотр сетевых информационных ресурсов¹, удаленное подключение к компьютеру в процессе его работы², выемку электронных носителей информации³, копирование электронной информации⁴, арест электронно-почтовой корреспонденции⁵.

¹ Першин А.Н. Осмотр сетевых информационных ресурсов – новый вид следственного действия? // Российский следователь. 2020. № 1. С. 13–16.

² Бахтеев Д.В., Смахтин Е.В. Криминалистические особенности производства процессуальных действий с цифровыми следами // Российский юридический журнал. 2019. № 6. С. 61–68.

³ Добровлянина О.В. Некоторые аспекты о процессуальном изъятии (копировании) электронных носителей информации // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 641–649.

⁴ Основы теории электронных доказательств: монография / Под ред. С.В. Зуева. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 311.

⁵ Овсянников Д.В. Электронное копирование информации в системе средств уголовно-процессуального доказывания // Правопорядок: история, теория, практика. 2014. № 2 (3). С. 131–132.

Высокую оценку получают технические достижения в правопримени- тельной практике. Приведем выдержку из одного судебного решения: «До- прос обвиняемого 24 ноября 2018 года и проверка показаний на месте 22 марта 2019 года проводились с применением видеозаписи, которые объективно от- ражают ход и результаты следственных действий, обстоятельства их проведе- ния. При этом видеофиксация следственных действий является дополнитель- ной гарантией законности оспариваемых следственных действий и отсут- ствием давления на обвиняемого со стороны правоохранительных органов»¹.

Такого рода оценка подчеркивает многофакторность позитивного воз- действия технических достижений на результативность досудебного произ- водства и производимых там следственных действий – это объективность за- крепления хода следственных действий, гарантия их законности и свидетель- ство надлежащего обеспечения прав участников.

В научной литературе указывается на важнейшую задачу, решение ко- торой возможно с применением технических достижений: «посредством при- менения цифровых технологий обеспечить собирание относимых, допусти- мых и достоверных доказательств, равно как и их надлежащую проверку (ис- следование)»².

Есть обоснованная точка зрения, с которой мы согласны, о том, что тех- нические средства и цифровые технологии имеют не только обеспечительное, но и вполне самостоятельное значение в сфере доказывания³, неизбежно поз- воляя увеличивать «количество доказательств, полученных в виде электрон- ных документов»⁴.

¹ Приговор Владимирского областного суда от 6 февраля 2020 г. по делу № 2-1 // ИПО «Гарант», аналитическая система «Сутяжник».

² См.: Апостолова Н.Н. Доказывание по уголовным делам с помощью цифровых тех- нологий // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2023. № 2. С. 106.

³ Лукина Т.Я., Бормотова Л.В. Использование цифровой информации в доказывании по уголовным делам // Интернаука. 2022. № 20–9 (243). С. 53–55.

⁴ Татьяна Д.В. Дискуссионные вопросы использования электронной информации при производстве следственных действий // Правовая политика в современном обществе: к 85-лет. д-ра юрид. наук, проф. З.З. Зинатуллина: сб. ст. / науч. ред. В.Г. Ившин, Г.А. Решет- никова, Л.Г. Татьяна. Ижевск: Удмуртский университет, 2023. С. 214.

С.Б. Россинский и Н.С. Расулова отмечают пригодность и результативность использования технических средств в качестве справочно-вспомогательных средств доказывания, для осмысления накопленного доказательственного материала, аргументации позиций сторон и обоснования приговоров, либо иных правоприменительных решений, выполняя при этом роль «своеобразных средств уголовно-процессуального доказывания»¹.

Таким образом, в научной доктрине результаты применения технических средств оцениваются:

- как обеспечительные или справочно-вспомогательные средства, не имеющие доказательственного значения;
- как самостоятельные доказательства.

В практической деятельности наблюдается столь же неоднозначная ситуация. Так, в приговоре Муромского городского суда Владимирской области указано, что применение при допросе обвиняемого и проверка его показаний на месте видеозаписи является дополнительной гарантией законности оспариваемых следственных действий². Обратим внимание на тот факт, что видеофиксация и соответствующий ее результат (видеозапись) оцениваются судом в приговоре исключительно с позиции гарантии законности производства следственного действия, что свидетельствует именно о вспомогательном характере, придаваемом результатам применения технических средств при производстве следственных действий.

В другом приговоре суд указал на доказательства, зафиксированные в протоколе осмотра DVD-R диска с видеозаписью на нем таких сведений: движения автомашины под управлением С., составления протокола об отстранении от управления транспортным средством С., момента прохождения осви-

¹ Россинский С.Б., Расулова Н.С. Справочно-вспомогательные средства доказывания в уголовном судопроизводстве // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. № 2. С. 121.

² Приговор Муромского городского суда Владимирской области от 6 июля 2022 г. по делу № 1-58 // ИПО «Гарант», аналитическая система «Сутяжник».

детельствования С. на состояние алкогольного опьянения и последующего отказа С. от прохождения медицинского освидетельствования. Анализируя приведенные доказательства, содержащиеся в протоколе осмотра DVD-R диска с видеозаписью, в совокупности с другими доказательствами, суд пришел к выводу о доказанной виновности подсудимого¹.

Схожий подход демонстрирует суд еще в одном деле, в котором изъятый в ходе выемки CD-диск с видеозаписью был осмотрен, признан вещественным доказательством и приобщен к материалам дела².

Приведем еще один, своеобразный, но, как представляется, заслуживающий внимания, пример, когда в качестве доказательств вины подсудимого признаны не только протокол осмотра, но и сами материалы видеозаписи и фотоизображение оформления материалов по делу об административном правонарушении в отношении Л., как полученные с соблюдением требований уголовно-процессуального закона³.

Тем самым можно утверждать, что правоприменительная практика вслед за наукой руководствуется самыми различными подходами в определении процессуальной значимости результатов применения технических средств, и это приводит не только к формальным, но и фактическим различиям в совокупности доказательств, в подходах к оценке фактических данных (оцениваются носители видеозаписи и протоколы следственных действий в совокупности или по отдельности). Очевидно, что данная ситуация нуждается в систематизации, что возможно исключительно на основании единого подхода к оценке процессуальной значимости результатов применения технических средств и технологий.

¹ Приговор Торжокского городского суда Тверской области от 24 декабря 2021 г. по делу № 1-335 // ИПО «Гарант», аналитическая система «Сутяжник».

² Приговор Куйбышевского районного суда г. Иркутска Иркутской области от 26 октября 2021 г. по делу № 1-462 // ИПО «Гарант», аналитическая система «Сутяжник».

³ Приговор Ржевского городского суда Тверской области от 11 апреля 2023 г. по делу № 1-116 // ИПО «Гарант», аналитическая система «Сутяжник».

Для формирования единого подхода, необходимо решить важную научную задачу – определить, что именно следует рассматривать в качестве результатов применения технических достижений в уголовном судопроизводстве. Причем, результаты применения технических достижений выступают как в материальном (фактические данные), так и в процессуальном (локализация фактических данных в различного рода объектах) аспекте.

В этом направлении считаем возможным выдвинуть гипотезу о том, что в материальном аспекте результатами процессуального применения и использования достижений науки и техники выступают качественно новые сведения, способные служить самостоятельным средством установления обстоятельств, подлежащих доказыванию и обоснования процессуальной позиции по делу. Это предположение в определенной части подтверждается имеющимися в науке уголовного процесса позициями.

Например, Н.Н. Апостолова отмечает возможность получения некоторых полезных для уголовно-процессуального доказывания результатов в рамках использования таких технологий, как мониторинг радиоэлектронной обстановки, анализ биллинговых массивов, снятие информации с технических каналов связи, детализация телефонных соединений, получение космических снимков, техническое улучшение фото- и видеоматериалов, осмотр данных в сети Интернет, облачных хранилищах, мессенджерах и др.¹

Применение цифровых компьютерных технологий позволяет анализировать массивы данных, обнаруживать необходимые сведения, формировать базу цифровой информации, позволяющую получать новые фактические данные, имеющих значение для установления существенных обстоятельств.

Также полагаем возможным рассматривать в качестве сведений, имеющих самостоятельное доказательственное значение, те, что подтверждают либо опровергают законность производства следственных действий, соблюдение прав их участников. Процессуальное значение такого рода сведений

¹ Апостолова Н.Н. Доказывание по уголовным делам с помощью цифровых технологий. С. 105.

весьма высоко и позволяет устанавливать допустимость иных доказательств. На наш взгляд, было бы нелогично рассматривать как вспомогательные (не имеющие самостоятельного доказательственного значения) те источники, которые позволяют подтвердить или опровергнуть доказательственное значение (в том числе при вынесении приговора) других фактических данных¹.

Указанная, полезная в процессуальном отношении информация, чтобы использоваться в уголовно-процессуальном доказывании, в силу требования допустимости, должна соответствовать положениям уголовно-процессуального закона, включая надлежащее процессуальное оформление. Правила процессуального получения результатов применения технических средств и цифровых технологий, их закрепления, непосредственно зависят от особенностей этих результатов, присущих им объективных характеристик.

Поэтому, следующей своей задачей, вытекающей из указанной выше, мы считаем определение основных правил закрепления результатов применения технических средств и цифровых технологий и определение его (закрепления) оптимальных форм.

Технические средства и цифровые технологии позволяют получать сведения в удобной форме, отображая их в наилучшем для восприятия формате. Именно это обстоятельство – способ фиксации привлекает во внимание законодатель, регулируя использование технических средств и цифровых технологий в уголовном судопроизводстве. Основным законодательным положением, определяющим правовой режим использования технических средств и цифровых технологий, выступает ч. 8 ст. 166 УПК РФ, где указывается перечень возможных результатов их применения. Но, не менее важным фактором для оценки процессуального потенциала этих результатов, выступает размещение данного перечня в статье, посвященной составлению и оформлению протокола следственного действия.

¹ Приведенные ранее примеры из судебной практики подтверждают этот наш тезис.

Однако, результаты применения технических средств и цифровых технологий выступают лишь дополнительным средством фиксации доказательственной информации, прилагаются к протоколу следственного действия, а в качестве доказательства выступает только сам протокол. В связи с этим, В.В. Долгаев обоснованно указывает, что они имеют юридическую силу, «но если они представляются вместе с протоколом следственного действия»¹.

Из этого напрашивается вывод о том, что формируемые следователем (дознавателем) в ходе следственных действий результаты использования технических средств и технологий имеют двойное процессуальное закрепление: в протоколе следственного действия и в качестве отдельного материального объекта (носителя), процессуальный статус которого имеет множество вариантов: вещественное доказательство, приложение к протоколу², иной документ. При этом законодатель не выделяет группу (категорию), например, цифровых технических средств и технологий и не предусматривает никаких процессуальных особенностей закрепления результатов их применения.

Полагаем, что имеющееся нормативное регулирование о закреплении результатов применения технических достижений при производстве следственных действий не лишено существенных недостатков. В частности, обратим внимание на следующее обстоятельство.

Результаты применения технических средств, как приложение к протоколу, не имеют самостоятельного доказательственного значения, что означает необязательность их судебного исследования, проверки и оценки. Получается, что, приобщая к протоколу следственного действия результаты применения технических достижений, следователь, во-первых, применяет более сложную процедуру, что замедляет производство следственного действия и, во-вторых,

¹ Долгаев В.В. Протоколы следственных действий и иные документы как источники доказательств в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2018. С. 109.

² Что подтверждается большинством проанализированных практических примеров: суды рассматривают в качестве доказательств именно протоколы следственных действий, составленные с применением технических средств.

не формирует значимого в процессуальном отношении результата – доказательства, которое впоследствии можно было бы положить в основу процессуальных решений. Такая ситуация свидетельствует сразу о двух причинах, почему следователи с неохотой применяют технические достижения: сложность процессуального оформления и отсутствие процессуального доказательственного результата.

О преодолении сложности процессуального оформления применения технических достижений при производстве следственных действий уже писали в предыдущей главе данной работы. В этой части выскажем свои суждения относительно путей преодоления второй проблемы – неопределенного процессуального положения результатов применения технических средств и технологий при производстве следственных действий.

Как представляется, необходимо определиться с тем, что именно надлежит рассматривать в качестве результатов применения технических средств и технологий.

Законодательно предусмотренный перечень результатов применения технических средств и технологий, во-первых, справедливо признается в литературе устаревшим, не соответствующим современному уровню развития науки и техники¹, и этим объясняет стремление ученых-процессуалистов дополнить указанный перечень новыми средствами².

Во-вторых, законодательный перечень является статичным, что привело к моральному устареванию большей части содержащихся в нем результатов применения технических средств. Например, фотографические негативы и снимки сегодня сменились цифровой фотографией, пришедшей на смену аналоговой фиксации визуальной информации. Киноленты утратили актуальность ввиду замены кинокамер на цифровую видеоаппаратуру, формирующую

¹ Родивилина В.А. Технические средства в уголовном процессе // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2016. № 2 (10). С. 52.

² Мусаэлян М.Г. Копия следа как уголовно-процессуальная форма производного доказательства // Теория и практика общественного развития. 2023. № 3 (181). С. 161.

указанные сведения в электронном виде. Диапозитивы, необходимые для фиксации и демонстрации сведений при помощи проектных устройств, заменены цифровыми средствами фиксации видеоинформации, а также проекторами, мониторами и другим оборудованием, способным воспроизводить электронную информацию. Кассеты видеозаписи сегодня сменились более актуальными средствами фиксации – оптическими дисками, цифровыми запоминающими устройствами (флэш-устройства) и другими средствами, способными фиксировать цифровую форму видеозаписи. Несмотря на сохранившуюся актуальность чертежей, планов, схем, слепков и оттисков следов, складываются предпосылки и к их цифровой замене. Уже сегодня возможно изготовление электронных чертежей, проектов, 3D моделей в цифровом виде, отражающих следовые особенности обнаруженных объектов.

В-третьих, отметим относительно недавнее появление в тексте УПК РФ ст. 474.1 УПК РФ, установившей правила использования в уголовном судопроизводстве электронных документов¹. И, если в ранее действовавшем законе электронный документ указывался в контексте, ранее нами отмеченном (как рукописный или электронный, изготовленный с помощью технических средств), то в настоящее время речь идет именно о цифровом документе, имеющем определенные отличительные признаки, особые реквизиты (например, электронная подпись) и условия использования в уголовном судопроизводстве. По мнению профессора О.А. Зайцева, «в перспективе следует перейти на исключительно электронный документооборот в уголовном судопроизводстве»².

Указывая на понятие «электронный» законодатель в абсолютном большинстве случаев использует его в связке с понятием «носитель». Фактически речь идет о носителях информации, на которые либо копируются сведения,

¹ Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 610-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 1 (ч. I). Ст. 57.

² Зайцев О.А. Особенности использования информации в качестве доказательств по уголовному делу: сравнительно-правовой анализ зарубежного законодательства // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 4. С. 47–52.

либо изымаются (ст. 164.1 УПК РФ). Но в уголовном судопроизводстве приобрело широкое распространение использование иных технических устройств цифрового характера, позволяющих получать широкий спектр полезных результатов.

Представляется очевидной пробельность уголовно-процессуального закона в части регулирования результатов применения цифровой техники и технологий.

Например, результаты аудиозаписи могут быть представлены в формате mp3, wav, ogg и других форматах цифровых аудиосведений, если это видеофиксация, то в форматах AVI, H.264, Mpeg4, WebM, а результаты фотофиксации – в формате png, bmp, jpg и др. В каждом случае применяются соответствующие технические устройства, не входящие в перечень ч. 8 ст. 166 УПК РФ.

Получаемые в цифровом формате сведения, имеют высокую степень точности фиксируемой информации и ее передачи. Цифровые источники способны к длительному хранению, без ущерба для сохраняемых сведений. Но в условиях отсутствия четкого и однозначного законодательного регулирования, в правоприменительной деятельности создается почва для неустойчивости использования результатов цифровых технических средств и технологий, возникает риск опровержимости сохраняемой или полученной с их помощью сведений.

Отмеченный способ регулирования (включенность в ст. 166 УПК РФ, регулирующей порядок составления протокола следственного действия) закономерно обуславливает отношение к результатам применения технических средств на практике – с осторожностью и исключительно в качестве вспомогательного. И это, несмотря на то обстоятельство, что именно цифровые источники информации о событиях, имеющие значение для уголовного дела, приобретают все большую значимость.

Например, Владимирский областной суд в качестве одного из доказательств исследовал протокол осмотра диска с записью с камер видеорегистратора и видеозапись событий¹, сославшись именно на видеозапись как самостоятельное доказательство.

Учитывая многогранность применяемых и потенциально возможных в будущем, технических достижений полагаем, что в уголовно-процессуальном законодательстве не имеет смысла приводить какой-либо (особенно исчерпывающий, закрытый) перечень соответствующих результатов. На наш взгляд, речь при законодательном определении должна идти только о таких признаках, как, во-первых, получение в результате применения технических достижений и, во-вторых, отношение к обстоятельствам, имеющим значение для проверки сообщения о преступлении и (или) расследуемого уголовного дела.

Еще одним фактором, объясняющим сложную ситуацию с регулированием результатов применения технических средств и технологий, выступает содержание ч. 2 ст. 74 УПК РФ, указывающей на формат доказательств: показания (подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, эксперта, специалиста), 2) заключения (эксперта, специалиста), 3) вещественные доказательства, 4) протоколы (следственных и судебных действий), 5) иные документы. Как видно, указание на результаты применения технических средств (аудиозапись, видеозапись, фотосъемка, электронные документы, цифровые данные и др.) в данной норме отсутствуют. И в связи с таким законодательным регулированием, вполне обоснованным видится критическая оценка определения доказательств, где «слово "любые" явно не относится к процессуальной форме доказательств. Здесь отнюдь не любые, а лишь те сведения, которые перечислены в законе (ч. 2 ст. 74 УПК РФ)»².

¹ Апелляционное постановление Владимирского областного суда от 11 ноября 2020 г. по делу № 1-71 / Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/AXIQde0Iq6VR>.

² Корнакова С.В. Доказательства и доказывание в уголовном процессе: проблемы понимания их содержания // Lex Russica. 2023. № 1 (194). С. 100.

Наличие аудио- и видеозаписи в числе доказательств в гражданском (ст. 55, 77 ГПК РФ), административном (ст. 59 КАС РФ), арбитражном (ст. 64 АПК РФ) судопроизводстве, возможность использования преюдиции в уголовном судопроизводстве и в иных формах процессов актуализирует вопрос о возможности использования результатов применения технических средств и технологий в целом, и в особенности цифровых, в качестве самостоятельных доказательств.

Масштаб распространения технических средств и цифровых технологий привел к появлению в уголовно-процессуальной науке доктрины электронных доказательств. Это стало возможным благодаря информационному характеру доказательств¹, представление которых осуществимо в электронной форме. Электронные доказательства в юридической литературе рассматриваются в части генезиса и классификации электронных носителей информации при производстве отдельных следственных действий², либо в качестве «самостоятельного вида доказательств, включающего как электронные носители информации, так и саму электронную информацию в форме электронных документов»³. Впрочем, «единственной нормой в УПК РФ, относящейся к цифровизации в доказывании на данный момент, является ст. 164.1 "Особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий"»⁴.

¹ Балакшин В.С. Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания (важнейшие проблемы в свете УПК Российской Федерации): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург., 2005. С. 39.

² Васюков В.Ф., Кузнецов А.А., Гаврилов Б.Я. Способы получения доказательств и информации в связи с обнаружением (возможностью обнаружения) электронных носителей: учебное пособие / Под общ. ред. Б.Я. Гаврилова. М.: Проспект, 2019. С. 5.

³ Воронин М.И. Электронные доказательства в УПК: быть или не быть? // Lex Russica. 2019. № 7 (152). С. 74.

⁴ Татьянин Д.В. Цифровизация в уголовно-процессуальном доказывании // Полина Абрамовна Лупинская: вклад в развитие российского уголовного судопроизводства (к 100-летию со дня рождения): сб. воспоминаний и науч. ст. / отв. ред. Л.А. Воскобитова. М.: Норма, 2021. С. 307.

В своем диссертационном исследовании Р.И. Оконенко, определяя электронные доказательства в качестве «электронных носителей информации, содержащих сведения о значимых обстоятельствах по конкретному уголовному делу», указывает на преждевременность закрепления их в качестве доказательств, поскольку сначала необходимо: «а) завершение научного изучения всех признаков и особенностей электронных носителей информации; б) выявление из этих признаков тех, которые имеют правовое значение; в) формирование новых процессуальных правил обнаружения и изъятия электронных носителей информации и их исследования с учетом юридически значимых признаков»¹.

На необходимость осмысления электронных доказательств указывается и в периодической литературе².

Несмотря на неоднозначность имеющихся научных позиции о необходимости и возможности использования электронных доказательств, существующие результаты обсуждения имеют большое значение для решения вопроса об имплементации результатов применения технических средств и технологий в систему доказательств.

Например, обосновывая необходимость перехода к открытой информационной модели понимания доказательств и доказывания, П.С. Пастухов отмечает достаточность уточнения понятия доказательства посредством закрепления возможности его формирования в электронной форме и не видит необходимости закрепления дополнительных разновидностей доказательств в ст. 74 УПК РФ³.

¹ Оконенко Р.И. «Электронные доказательства» и проблемы обеспечения прав граждан на защиту тайны личной жизни в уголовном процессе: сравнительный анализ законодательства Соединенных Штатов Америки и Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: М., 2016. С. 9, 12, 13.

² Воронин М.И. Электронные доказательства в УПК: быть или не быть? С. 81; Костенко Р.В., Шипицина В.В., Петрова О.А. Изъятие уголовно-процессуальных доказательств в цифровую эпоху // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2022. № 3. С. 106, 108.

³ Пастухов П.С. «Электронные доказательства» в нормативной системе уголовно-процессуальных доказательств // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 695–707.

Позиции противников закрепления электронных доказательств основываются на предположении о независимости правовой природы доказательства от носителя, на котором оно изготовлено (в бумажной или электронной форме)¹. В этой части, основным критерием, отличающим результат использования достижений науки и техники, представляется не форма, в которой содержится доказательственная информация, а природа самого источника информации, связанная с использованием технических средств и технологий.

В этой связи, распространена позиция процессуалистов о том, что в обозримом будущем возможно законодательное закрепление электронных доказательств, но на сегодняшний день такой необходимости нет, поскольку указанная информация может быть представлена в качестве одной из существующих форм доказательств.

Представляется интересным мнение о том, что положение ст. 74 УПК РФ сформулировано так, чтобы было возможным процессуально оформить практически любую информацию по уголовному делу. Развивая указанный подход, А.А. Балашова обосновывает доступность фиксации каждой из возможных форм доказательств с помощью электронных носителей информации².

Для нас очевидно, что в большинстве научных позиций результат применения цифровых средств (технических средств и технологий) не рассматривается как самостоятельный способ формирования доказательственной процессуальной информации. Преобладает точка зрения о том, что электронной может быть только форма информации, что, вполне логично исключает фактор цифровой фактической информации из доказательственной деятельности.

Мы считаем, что в результате применения цифровых технических средств и технологий могут выявляться фактические данные, которые не могут быть продублированы в традиционном бумажном варианте. Например, ви-

¹ Папышева Е.С. Нужна ли тотальная цифровизация уголовного процесса? // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 7–2 (82). С. 220.

² Балашова А.А. Электронные носители информации и их использование в уголовно-процессуальном доказывании: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. С. 75–79.

деозапись намного информативнее, чем печатный (рукописный) протокол допроса. Видеозапись может обеспечить получение информации, подтверждающей или опровергающей доводы о недопустимости применяемых следователем приемов допроса, не отраженных в протоколе, наличии или отсутствии психологического либо иного давления на допрашиваемого¹, может проследиваться психологическая реакция участника следственного действия, его мимика, жестикуляция, интонация, точно закрепляются словарные обороты, применяемые при формулировке вопроса и даче на него ответа, которые могут претерпевать корректировку при изложении их в протоколе и др.

Тем самым, уполномоченный субъект, оценивающий соответствующую видеоинформацию, получает сведения, позволяющие принять законное и обоснованное процессуальное решение, как по фактам, имеющим отношение к предмету доказывания, так и по иным, но важным для уголовного дела, обстоятельствам. Аналогично можно рассмотреть и оценить как значимые для доказывания иные фактические данные, полученные с помощью технических средств и цифровых технологий, например, из видео-конференц-связи, иных технологий удаленного доступа. Весьма специфическими могут быть данные, полученные в результате применения нейросетей и искусственного интеллекта.

Важным аспектом выступает процессуально допустимая форма сведений, полученных с помощью технических средств и цифровых технологий. Именно в отношении этой категории сведений в уголовно-процессуальной науке выдвигается идея о формировании, так называемых, электронных доказательств.

¹ Приговор Туапсинского городского суда Краснодарского края от 25 июня 2019 г. по делу № 1-96 / Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/h6Au7KxNzym6>.

Заслуживает внимания позиция О.В. Рябовой, обосновавшей совершенно иную природу таких сведений, не описываемую существующей системой доказательств¹, поскольку нематериальный характер электронных сведений существенно отличает их от вещественных доказательств и носителей электронных доказательств, с чем трудно не согласиться.

С.Б. Россинский отмечает, что «целесообразными представляются разве что некоторые поправки в предусмотренный ч. 2 ст. 74 УПК РФ перечень допускаемых к использованию информационных продуктов»². Есть мнение и о том, что использование электронных документов в качестве доказательств не требует корректировки содержания базовых статей УПК РФ³.

В этой части, полагаем уместным привести позицию В.А. Семенцова, обосновавшего равное процессуальное значение электронных данных (в частности, аудио-, видеозаписи следственного действия) и процессуального протокола. В.А. Семенцов считает, что аудио-, видеозапись следственного действия и составленный в ходе его производства протокол должны обладать равным доказательственным значением и могут выступать взаимозаменяемыми доказательствами⁴. Мы разделяем указанную позицию. В то же время есть основания для ее развития, с учетом современных достижений науки уголовного процесса.

Проведенное исследование убеждает в возможной ограниченной корректировке содержания ст. 74 УПК РФ, с указанием на наличие фактических

¹ Рябова О.В. Проблемы совершенствования положений УПК РФ в части регламентации электронных доказательств // Юридическая техника. 2023. № 17. С. 657–658.

² Россинский С.Б. Доказательства по уголовному делу: требуется ли вносить коррективы в статью 74 УПК РФ? // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2023. № 2 (26) С. 166–167.

³ Крюкова Т.С. Современные проблемы использования электронных документов в качестве доказательств по уголовным делам // Мир юридической науки. 2018. № 3–4. С. 57–61.

⁴ Семенцов В.А. Концептуальные основы системы следственных действий в досудебном производстве: дис. ... д-р юрид. наук. Екатеринбург, 2006. С. 270.

цифровых (в ином формате, который может стать возможным благодаря развитию технологий, например, квантовых) данных, полученных в результате использования технических средств и технологий.

Законодательная формулировка ч. 2 ст. 74 УПК РФ актуализирует вопрос о процессуальной форме получения результатов технических средств и цифровых технологий для создания гарантий их допустимости. В настоящее время адаптация результатов использования технических средств и цифровых технологий к условиям уголовного судопроизводства и его требованиям не предусматривается, за исключением общих требований, предъявляемых уголовно-процессуальным законом к применению технических средств (например, в ст. 53, 58, 81, 105.1, 107, 164 УПК РФ).

Формирование доказательства в электронном виде, в настоящее время, помимо упомянутого выше приложения к протоколу следственного действия¹, возможно в качестве заключения специалиста, вещественного доказательства и иного документа.

Привлечение специалиста и получение соответствующего заключения остается значимым процессуальным механизмом достижения допустимости использования результатов технических средств и цифровых технологий, но в ряде случаев усложняет процедуру досудебного производства.

Наибольшее распространение приобрела практика оформления результатов использования технических достижений в качестве вещественного доказательства. Например, суд исследовал изъятые в ходе осмотра места происшествия два компакт-диска, приобщенные к материалам дела в качестве вещественных доказательств. Такая процессуальная форма (вещественное доказательство) нам представляется сомнительной, в силу того обстоятельства, что

¹ Критическая оценка такого рода практики дана некоторыми учеными. См., например: Россинский С.Б. Приложение к протоколу следственного действия: признавать или не признавать как вещественное доказательство? // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 2 (81). С. 94–95.

оба диска использовались не как предметы, несущие на себе признаки преступления, а исследовалось их содержимое – видеозапись¹. Аналогично, т. е. в качестве вещественного доказательства, была исследована видеозапись на DVD-дисках и в иных случаях².

Полагаем, что объективным основанием сложившейся практики стали положения уголовно-процессуального закона о существовании электронного носителя, но не электронной информации. Законодатель сфокусировал внимание именно на носителе (ст. 164.1, 166 УПК РФ), а не на информации, в чем и заключается ошибочность этого подхода и причина формирования неверной правоприменительной практики. Носитель – вещь, следовательно его приобщение к материалам уголовного дела может происходить только в рамках процедуры приобщения вещественных доказательств. Это, казалось бы, безупречная логика.

Но ошибка в том, что собственно доказательственное значение имеет не вещь-носитель информации, а сама информация, выраженная в цифровой форме. Изымая электронный носитель как вещественное доказательство, следователь или судья получает в свое распоряжение не вещественное, а иное по своей природе доказательство, которое изъято по иным, не подходящим для него, правилам.

В большинстве своем, результаты применения технических средств не формируют вещественного доказательства, поскольку получаемая в цифровой форме при их использовании информация не является явной следовой характеристикой, а содержится на определенном материальном носителе в зашифрованном виде, требующем специальных средств для воспроизведения (если результат получен в цифровой форме).

¹ Приговор Шатковского районного суда Нижегородской области от 26 декабря 2022 г. по делу № 1-83 / Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/FPFZxRbiVAxx>.

² Приговор Курганинского районного суда Краснодарского края от 15 июля 2020 г. по делу № 1-144; Приговор Апшеронского районного суда Краснодарского края от 29 апреля 2020 г. по делу № 1-251 / Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/h1vlo7bVBXx5>.

Иными словами, получение, изучение и оценка информации, заключенной в вещественном доказательстве и в сведениях, имеющих электронный формат, должны проходить по разным правилам. Совмещение этих правил и установление универсального порядка получения, исследования и оценки разной по способам формирования, локализации и выявления информации нам представляется ошибочным, несущим риски нарушений в построении выводов.

Эта же позиция обосновывается и другими учеными¹. В одном из учебных пособий указана совокупность процессуальных действий, которые должен совершить следователь в случае приобщения к материалам уголовного дела вещественного доказательства и правильно отмечается, что эти действия, предпринятые в отношении документа, недостаточны чтобы сформировать на основе документа полноценное процессуальное доказательство и должны быть совершены еще и другие действия, которые «не меняют ни сути, ни формы самого документа, но пригодны к использованию в уголовном судопроизводстве в статусе документа»².

Мы полностью разделяем указанную точку зрения. Совершение процессуальных действий по формированию доказательства должно находиться в полном соответствии с характером и объективной формой выражения сведений. В противном случае уголовно-процессуальные доказательства становятся сомнительными, а выстраиваемая на их основании процессуальная позиция (например, стороны обвинения) уязвимой и оспоримой.

Существует еще один подход к процессуальному оформлению электронной информации – приобщение к материалам уголовного дела в качестве иных документов. Иные документы – весьма сложная и неоднозначно оцениваемая

¹ См.: Рябова О.В. Проблемы совершенствования положений УПК РФ в части регламентации электронных доказательств. С. 657; Сметанин И.Н. Теоретико-практические проблемы признания приложений к протоколу следственных действий в качестве вещественных доказательств // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 5–2. С. 275; Прокопенко А.Н., Страхов А.А. Правовые основания получения электронных доказательств посредством осмотра и изъятия электронных носителей // Вестник Белгородского юрид. института МВД России им. И.Д. Путилина. 2023. № 1. С. 50–56.

² Долгаев В.В. Иные документы как источники доказательств по уголовному делу: учеб.-практ. пособие. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2020. С. 15.

процессуальная категория. По проблемам иных документов существуют многочисленные дискуссии¹.

В соответствии с ч. 2 ст. 84 УПК РФ в категорию «иные документы» включаются электронные сведения, такие как фото-, аудио-, видеоматериалы. На этом основании учеными делается вывод, что материалы фотосъемки, аудио-, видеозаписи следует рассматривать как самостоятельные доказательства, относя их к указанной разновидности².

Для нас представляет интерес та часть результатов научных исследований, в которой освещаются вопросы электронных документов и возможности их использования в качестве доказательств в категории «иные документы».

Иные документы представляются правовой категорией, которая может охватывать достаточно широкий спектр информации. Масштабность понятия подчеркивается объемом как термина «иные», так и «документы». Законодатель очень широко определяет категорию «иные документы» как доказательства: если изложенные в них сведения имеют значение для установления обстоятельств уголовного дела.

Отметим и наличие в этой части правовой позиции Конституционного Суда РФ, который в определении от 28 мая 2013 г. № 723-О указал некоторые признаки иного документа: наличие в них сведений, имеющих значение для установления важных для дела обстоятельств; получение их следователем, дознавателем с соблюдением норм, установленных уголовно-процессуальным

¹ Маслов А.К. Деятельность следователя по процессуальному оформлению предметов, вещей и иных документов в качестве доказательств по уголовным делам: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. 221 с.; Умаханов С.Б. Юридические признаки иных документов как вида доказательств в уголовном судопроизводстве // Российский следователь. 2013. № 4. С. 14–16; Катанов А.В., Омеличев Д.В. Актуальные вопросы иных документов как источника доказательств в уголовном процессе // Актуальные вопросы права, психологии, педагогики и экономики: сб. науч. тр. В 2 ч. Вологда: Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний, 2021. Ч. 1. С. 76–81.

² Яковлева С.А., Михайлов А.А. Значение компьютерно-технических устройств в уголовно-процессуальном доказывании // Вестник Марийского гос. ун-та. Сер. Исторические науки. Юридические науки, 2023. № 2. С. 172.

законом¹. Эта правовая позиция позволяет определить исходные правила, применение которых возможно для формирования электронных доказательств и их последующего процессуального использования как иного документа. И эти правила отличаются (должны отличаться) от правил, предусмотренных для вещественных доказательств².

В число документов попадают самые разные объекты: письменные (печатные и электронные) материалы, имеющие официальные реквизиты (документы в узком смысле слова), документы в широком смысле, которые имеют самые разнообразные характеристики³. А.Г. Маркелов выделяет следующие критерии: а) значение сведений для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию; б) указание на проверяемый источник, наличие реквизитов документа; в) соблюдение процессуальной формы и порядка приобщения документа в качестве доказательства⁴. Однако перечисленные критерии не всегда применимы к результатам использования достижений науки и техники⁵.

Несмотря на наличие процессуальной нормы (иные документы как доказательства) в следственной практике, как мы уже отметили ранее, приоритетным является признание электронных сведений именно вещественными доказательствами. Указанное обстоятельство М.П. Ерохина справедливо свя-

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 28 мая 2013 г. № 723-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Жудина Сергея Семеновича на нарушение его конституционных прав пунктом 6 части второй статьи 74, пунктом 1 части третьей статьи 413 и положениями главы 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» / Документ опубликован не был // СПС «КонсультантПлюс».

² Бородкина О.А. Соотношение вещественных доказательств и иных документов в ходе расследования уголовного дела // Современные проблемы организации расследования преступлений. Минск: Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, 2016. С. 18–21.

³ Долгаев В.В. Иные документы как источники доказательств по уголовному делу: учеб.-практ. пособие.

⁴ Маркелов А.Г. Иные документы как доказательства в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004. С. 10–11.

⁵ См.: Россинский С.Б. Приложение к протоколу следственного действия: признавать или не признавать как вещественное доказательство? // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 2 (81). С. 91; Воронин М.И. Электронные доказательства в УПК: быть или не быть? // Lex Russica. 2019. № 7 (152). С. 81.

зывает с отсутствием процедуры представления результатов современных достижений науки и техники и правильно отмечает потребность в разработке процессуальной формы вовлечения в качестве доказательств отдельных разновидностей сведений¹.

Мы же хотим добавить: что сложившаяся ситуация связана не только с отсутствием процедуры приобщения к материалам уголовного дела результатов применения технических средств и цифровых технологий, но и более общей категории – иных документов. Правоприменитель, не имея возможности применять закон в части приобщения к материалам уголовного дела иных документов, которые могут создать определенные риски для доказывания обвинительного тезиса, вызвать сомнения у суда, стать опровержимым источником, не пытается найти приемлемую процедуру для приобщения отдельного вида иных документов, а именно – электронных документов.

В связи с этим, обратим внимание на следующие аспекты.

Во-первых, результаты применения технических средств и цифровых технологий, существующие в нематериальной форме, не привязаны к материальному носителю информации и могут легко переноситься с одного носителя на другой. Доказательственное же значение имеет сама информация. Носитель выступает в роли приобщаемого к материалам уголовного дела объекта, содержащего указанную информацию. Поэтому положение ч. 2 ст. 84 УПК РФ о том, что в качестве иных документов могут быть допущены «носители информации» представляется излишним.

Это обстоятельство позволяет скорректировать подход к еще одному важному элементу современного доказывания, а именно формула: один документ – одно доказательство – один носитель, уже не соответствует современным процессуальным тенденциям. Внедрение электронных доказательств, в том числе, в виде электронных документов, допускает установление единого

¹ Ерохина М.П. «Иные документы» в уголовном судопроизводстве: содержание без процессуальной формы // Вестник Белгородского юридического института МВД России им. И.Д. Путилина. 2021. № 2. С. 94–99.

цифрового пространства, где собранные доказательства будут храниться на едином материальном носителе. Потребуется дополнительные процессуальные средства для определения и установления реквизитов цифровой информации, а также метаданных, позволяющих впоследствии верифицировать и удостоверить неизменность хранимой информации на едином материальном носителе.

Во-вторых, результаты применения технических средств и цифровых технологий могут быть допущены в качестве доказательств лишь при использовании пригодных, научно-обоснованных достижений науки и техники, что связано с решением проблемы достоверности получаемых результатов.

В-третьих, особенности результатов использования достижений науки и техники – материальные и нематериальные (цифровые данные в различных форматах), потребуют приобщения их к материалам уголовного дела в доступной для ознакомления форме.

В-четвертых, одной из основных претензий, предъявляемых к электронным доказательствам, в том числе документам в электронной форме (в частности, аудиовидеозаписи) выступает их незащищенность от форматирования, внесения корректив в содержание, что вызывает сомнение в достоверности полученной цифровым способом информации.

Об этом пишут ученые: «На сегодняшний день производимая субъектами доказывания оценка... электронных (цифровых) доказательств достаточно примитивна и во многом произвольна. Это обусловлено, прежде всего, отсутствием системного нормативно-правового регулирования отношений, связанных с собиранием, проверкой и оценкой электронных (цифровых) доказательств». Предлагается «провести систематизацию уголовно-процессуальных норм об электронных (цифровых) доказательствах в рамках глав 10 и 11, дополнив их соответствующими статьями об электронных (цифровых) доказательствах и доказывании посредством этого вида доказательств»¹.

¹ Воронин М.И. Особенности оценки электронных (цифровых) доказательств // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 8 (16). С. 25.

Как считают А.А. Дмитриева и П.С. Пастухов, «наряду с введением понятия "электронные доказательства", в ст. 84 УПК необходимо включить понятие "электронные данные", предназначенные для слома устаревшей системы документарных "иных документов"»¹.

Правильно отмечается, что «аудио- или видеофонограмма может иметь определенное процессуальное значение лишь при условии соблюдения порядка ее оформления в качестве доказательства и подтверждения достоверности фактических данных в ее соотносимости с событием преступления»².

Однако, указанная положительная черта нивелируется при использовании низкокачественного оборудования, не способного отразить все нюансы процесса дачи показаний. И, в этой связи, А.М. Кустов и Р.А. Кокорев связывают практику отказа от указанного средства фиксации следователем (дознавателем) в связи с их опасениями о недостаточно правильном производстве следственных действий в случае применения технических средств³. Кроме того, низкокачественная видеозапись в ходе её дальнейшей оценки подлежит признанию недостоверным доказательством, что требует производства дополнительных действий по проверке соответствующих сведений. В частности, указанное обстоятельство привело Московский областной суд к необходимости сопоставления низкокачественной видеозаписи и основанной на ней вероятностной видеотехнической экспертизы с другими, исследованными в судебном заседании, доказательствами⁴.

¹ Дмитриева А.А., Пастухов П.С. Концепция электронного доказательства в уголовном судопроизводстве // *Journal of Digital Technologies and Law*. 2023. № 1 (1). С. 289.

² Галяшина Е.И., Снетков В.А. К понятию установления аутентичности магнитных аудио-, видеофонограмм // 50 лет НИИ криминалистики: сб. науч. тр. М.: ЭКЦ МВД РФ, 1995. С. 63.

³ Кустов А.М., Кокорев Р.А. Проблемы применения видеозаписи при расследовании преступлений против личности // *Труды Академии управления МВД России*. 2018. № 1 (45). С. 75–76.

⁴ Апелляционное постановление от 9 июня 2020 г. по делу № 22-2072 / Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/9Kpim0Gv5XLK/>.

В результате, как следует из текста судебного акта, суд в целом уклонился от оценки указанного доказательства, не использовав его при постановлении приговора. При этом, заключение видеотехнической экспертизы не всегда позволяет восполнить низкое качество видеозаписи¹.

Также приведем пример из решения Оренбургского областного суда, где отмечается факт невозможности достоверно установить «количество и конкретную локализацию нанесения ударных воздействий потерпевшему», в силу плохого качества видео².

Показательно в этой связи и решение Миасского городского суда Челябинской области, где в числе доказательств указывается заключение эксперта, согласно которому «улучшить видеозаписи для установления идентификационных признаков лиц по причинам большого удаления лиц от места установки видеокамеры и низким качеством видеозаписи не представляется возможным»³.

По мнению А.В. Рагулиной, плохое качество видеозаписи приводит суды к необходимости привлечения эксперта для верификации содержащихся в них сведений, а также к отказу от использования видеозаписи в качестве доказательств⁴.

Указанная проблема характерна не только для видеозаписи, но и для иных технических средств и технологий, в том числе – аудиозаписи. Выступая значимым средством фиксации процессуальной информации, аудиозапись не в полной мере может отражать процессуально значимые сведения в силу не-

¹ Приговор Ейского городского суда Краснодарского края от 16 января 2020 г. по делу № 1-10 / Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/TfjOXmprXBNw>.

² Апелляционное постановление от 28 сентября 2020 г. по делу № 1-95 / Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/U54vH5FXoWJt>.

³ Приговор Миасского городского суда Челябинской области от 24 января 2020 г. по делу № 1-35 / Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/PccWjARj5Lom>.

⁴ Тимошенко В. Кинопоказ в суде: когда видеозапись является доказательством // СПС «Гарант». 2016. 7 июня.

разборчивости, плохого качества звука, в результате использования некачественного оборудования, что актуализирует необходимость создания механизмов получения доброкачественных сведений при применении аудиозаписи.

Полагаем, что проблема использования цифровой фотосъемки, аудио-, видеозаписи имеет несколько причин. Одна из них заключается в отсутствии в действующем уголовно-процессуальном законодательстве требований к ним, что не позволяет установить характеристики их пригодности в качестве доказательства. По нашему мнению, такого рода требование может иметь общее содержание и быть локализовано в ст. 84 УПК РФ, в ее новой части 3: «3. Документы, в том числе электронные, приобщаются к материалам уголовного дела в пригодной для последующего воспроизведения форме»¹, а части 3 и 4 в действующей редакции ст. 84 УПК РФ следует тогда именовать частями 4 и 5.

Полагаем, что такого рода требование, закрепленное законодательно, позволит следователю своевременно решать вопрос о целесообразности применения фотосъемки, аудио-, видеозаписи, с учетом собственных умений, навыков, а также наличия технических средств, обеспечивающих получение высококачественных результатов, приемлемых для дальнейшего использования в установлении существенных для уголовного дела обстоятельств.

Еще одна причина, которая создает препятствия в использовании результатов аудио-, видеозаписи как процессуальных доказательств – возможная редакция данных, особенно характерная для сведений в цифровой форме. Причем, фальсификации может быть подвергнут очень широкий спектр цифровых документов. Это не только сам цифровой файл, но и метаданные, описывающие его основные свойства. Проблема установления достоверности цифровой информации осложняется ещё и многообразием форм представления указанных данных, о чем указывалось ранее².

¹ Приложение 1.

² См. параграф 3.1.

В данной же части работы подчеркнем, что сложилась устойчивая убежденность в возможности подделки цифровых документов без оставления следов корректировки на объектах, их содержащих¹. Тем не менее, полагаем, что такого рода убежденность не вполне верна. В настоящее время разработаны и используются современные методы выявления корректировки электронных документов². Ещё в 2011 г. предлагалось использовать носители информации, не способные изменять информацию после записи³, программное обеспечение (например, блокчейн технологии⁴).

Не меньшие опасения в вопросах достоверности электронных доказательств вызывают развивающиеся быстрыми темпами технологии искусственного интеллекта и доступность создания так называемых дипфейков, видео- и аудиоматериалов, искажающих первоначальное изображение или голосовой контент. Эта технология, действительно, создает в настоящее время существенные трудности, с которыми сталкиваются граждане и правоохранительные органы по всему миру. В этой связи отметим наличие положительного примера по законодательному регулированию запретов дипфейков.

¹ Талынева З.З., Давыдова С.Р. К вопросу о доказательственном значении материалов аудио- и видеозаписи в уголовном процессе // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2018. № 4 (82). С. 56.

² См. об этом: Швец С.В. Проблемы экспертизы видеозаписи в расследовании преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 174 с.; Волочай С.Н. Фальсификация материалов видеозаписи как объект криминалистического исследования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 226 с.; Глушков М.Р. К вопросу о фальсификации видеофайлов // Научная школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского гос. ун-та: уголовная юстиция XXI века (к 15-летию практики применения УПК РФ): материалы Междунар. науч.-практ. конф. / Под ред. Н.П. Кирилловой, Н.Г. Стойко. СПб.: Центр социальных и правовых технологий, 2018. С. 313–320.

³ Хаитжанов А., Глазков А.С. Аудиозапись (фонограмма) как доказательство в уголовном процессе // Надежность и качество: труды Междунар. симпозиума. 2011. № 1. С. 222.

⁴ Апостолова Н.Н. Доказывание по уголовным делам с помощью цифровых технологий // Вестник юрид. факультета Южного федерального ун-та. 2023. № 2. С. 107.

Например, в штате Калифорния (США) в 2020 г. вступил в силу первый закон, запрещающий создание видеодипфейков, связанных с порнографическим содержанием, без согласия изображенных лиц¹. Не беремся оценивать содержание этого законодательного акта, но, полагаем, что в качестве первого опыта законодательного воспрепятствования использования искусственного интеллекта в преступных целях, он должен быть подробно изучен. Российская действительность в этой сфере также нуждается в принятии законодательных мер для решения актуальной применительно к уголовному судопроизводству проблемы фальсификации цифровых материалов.

Помимо законодательных запретов, применение которых возможно только в случаях обнаружения соответствующей корректировки содержания цифрового материала, необходимо развитие антифейковых технологий, т. е. программного обеспечения, позволяющего обнаруживать соответствующую редакцию аудио- и видеофайлов. Такого рода программы имеются в распоряжении отечественного производителя, например, в лаборатории Касперского (программы Deepware и Image Edited).

Возможно также применение при производстве аудио-, видеозаписи так называемого хеширования, что существенно увеличивает объем цифровой информации, но создает достаточно высокий уровень безопасности от ее подделки.

Тем самым есть основание для утверждения, что достоверность цифровых аудио- и видеозаписей может быть определенным образом гарантирована с технической стороны.

¹ Two new laws restricting the creation and distribution of so-called "deepfake" videos – Assembly Bills 602 and 730 – will become effective on January 1, 2020. Originally published in The Daily Journal on January 8, 2020. AB 602 – первый закон такого рода, предоставляющий жертвам подделки порнографии гражданские средства правовой защиты, включая установленный законом ущерб и предварительный судебный запрет.

Не менее существенным выступает уголовно-процессуальная обеспеченность достоверности результатов применения технических средств и цифровых технологий. Один из способов предлагает А.Г. Себякин – это привлечение специалистов для соотнесения метаданных информации¹.

На наш взгляд, решение проблемы обеспечения достоверности цифровых данных лежит в плоскости принятия комплекса мер, включающего законодательные шаги по регулированию требований, предъявляемых к электронным документам и процедуре их приобщения к материалам уголовного дела, технические решения (разработка и адаптация под специфику уголовного судопроизводства программного обеспечения, позволяющего выявлять различные виды фальсификации, что частично уже существует и может применяться в следственной и судебной практике), организационные меры, по технической оснащенности и обучению, как самих следователей, так и специалистов, экспертов по применению современных цифровых устройств для получения высококачественных электронных материалов.

Выдвигая идею о самостоятельном процессуальном, в том числе доказательственном значении цифровой информации и поддерживая позиции ученых по этому вопросу, полагаем, что существует не только технический, но и уголовно-процессуальный способ для устранения рисков использования цифровых результатов.

Для подтверждения достоверности электронной информации можно использовать следующий подход. Следователь или дознаватель приобщает к материалам уголовного дела сведения в цифровой форме и, при сомнении в их достоверности при использовании в качестве доказательств, обязан провести видео-техническую, либо фоноскопическую (для определения подлинности

¹ Себякин А.Г. Тактика использования знаний в области компьютерной техники в целях получения криминалистически значимой информации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 139.

записи) судебную экспертизу, подкрепив электронное доказательство еще одним процессуальным доказательством, тем самым оградив электронную информацию от возможных сомнений в ее достоверности.

Применительно к использованию в доказывании отдельных результатов применения технических средств и цифровых технологий, не можем обойти вниманием масштабную дискуссию, опять же, об искусственном интеллекте и его уголовно-процессуальном потенциале. Вопросы использования искусственного интеллекта сегодня обсуждаются с двух позиций: как самостоятельных интеллектуальных систем и как вспомогательных интеллектуальных систем.

В первом случае речь идет о самостоятельной активности искусственного интеллекта по осуществлению уголовно-процессуальной деятельности, в том числе доказывания. Стоит отметить единодушную позицию процессуалистов (ученых и практиков) о невозможности полностью заменить судью и следователя роботом. Об этом свидетельствуют и результаты проведенного нами анкетирования практических работников, когда 97,2 % респондентов считают невозможным замену следователя искусственным интеллектом при производстве следственных действий¹.

А вот в научной литературе можно найти утверждения о том, что профессия следователя как юриста, чья работа состоит в составлении протоколов следственных действий – это мертвая профессия², и вместо следователя субъектом расследования должен быть робот³.

Но ещё в 1974 г. М.С. Строговичем была высказана позиция о невозможности использования в качестве субъекта, оценивающего доказательства,

¹ Приложение 2.

² Александров А.С. Учение о следственных действиях на пороге «цифрового мира» // Юридический вестник Самарского ун-та. 2017. Т. 3, № 4. С. 80–84.

³ Власова С.В. К вопросу о приспособливании уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста. 2018. № 1 (36). С. 14–15.

электронно-вычислительной машины, поскольку окончательное решение принадлежит и должно принадлежать исключительно людям¹. Неспособность заменить высококвалифицированную юридическую деятельность роботом обоснована В.А. Семенцовым, указывающего, тем не менее, на необходимость современному юристу разбираться в инновационных технологиях².

Формальным препятствием для искусственного интеллекта в российском уголовном судопроизводстве является ч. 1 ст. 17 УПК РФ, которая перечисляет надлежащих субъектов доказывания и основное правило оценки доказательств – по внутреннему убеждению. Однако, это препятствие, как представляется, может быть относительно легко преодолено. Например, в Китайской Народной Республике существует цифровые прокурор и судья, в задачи которых входит принятие решений на основании оценки доказательств³. Следовательно, указанный «порог» искусственный интеллект может преодолеть, но есть ли в этом необходимость?

Ответ на данный вопрос хотим дать с учетом этической концепции, выработанной М.С. Строговичем, и указанной ранее, формула которой весьма простая – только человек может осудить или оправдать другого человека. Тем более, что этим нравственным правилом решается важная, системно и функционально обусловленная особенностями искусственного интеллекта, проблема: обоснованность и справедливость принимаемых решений.

По своей сути искусственный интеллект – цифровая технология, программа которой прописывается исходя из предполагаемой сферы ее применения. Считаем, что лицо (программист) должно заложить в основу искусственного интеллекта для его использования в уголовном судопроизводстве сово-

¹ Проблемы судебной этики / Под ред. М.С. Строговича. М.: Наука, 1974. С. 112–113.

² Семенцов В.А. Цифровизация правоохранительной деятельности и роботизация юридической профессии // Юридический вестник Кубанского гос. ун-та. 2019. № 1. С. 55.

³ Постановления Верховного народного суда по некоторым вопросам рассмотрения дел интернет-судами (2018) / Официальный сайт Верховного народного суда КНР. URL: <https://www.court.gov.cn/fabu-gengduo-16.html>.

купность исходных и необходимых алгоритмов, которые должны быть известны. Полагаем очевидным и законодательный аспект их (алгоритмов) закрепления. Уже в этой части создается трудность не только выработки (это по большей части технический вопрос), сколько определения этих алгоритмов, которые должны составлять именно юристы, специалисты в уголовном судопроизводстве.

Не считаем возможным основывать указанные алгоритмы исключительно на тенденциях, демонстрируемых судебной практикой, которая в настоящее время сталкивается с широкомасштабными проблемами даже на уровне своего определения. Поэтому ошибочно основывать столь мощную систему, как искусственный интеллект, на столь слабой основе, как судебная практика, которая способна к существенной и быстрой динамике.

Помимо исходных алгоритмов, должны существовать проверочные, контрольные, которые воспрепятствуют развитию искусственного интеллекта в нежелательную для человеческого общества сторону. Эти алгоритмы в целом пока еще не проработаны даже на техническом уровне.

Изложенное вовсе не свидетельствует об исключении искусственного интеллекта из уголовного судопроизводства, но служит препятствием к использованию в сфере оценки доказательств. В то же время, полагаем, что иные возможности (помимо оценки доказательств) потенциально полезны для уголовного судопроизводства, а именно:

1. В качестве вспомогательного инструмента доказывания. Именуя их справочно-вспомогательными материалами, С.Б. Россинский и Н.С. Расулова обосновывают их доказательственное значение¹. Тем не менее, требует разрешения возникающая проблема необходимости установления степени использования вспомогательных систем в оценке доказательств. Выступая значимой

¹ Россинский С.Б., Расулова Н.С. Справочно-вспомогательные средства доказывания в уголовном судопроизводстве // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. № 2 (89). С. 119.

проблемой доказывания, актуализированной влиянием результатов достижений науки и техники на уголовное судопроизводство, она требует ограничения деятельности искусственного интеллекта от доказательственной деятельности участников уголовного судопроизводства.

2. Поисковый инструмент, способный в краткие периоды времени обнаруживать искомую информацию, значимую для следователя. В этом случае обнаруженные с помощью искусственного интеллекта данные могут быть приобщены следователем к материалам уголовного дела в качестве иного документа по правилам, указанным выше, с обязательной фиксацией этого факта в качестве элемента цифровой поисковой системы.

3. Для выдвижения и отработки типичных версий на основании исходных данных, имеющихся в распоряжении следователя.

4. Построение процессуальных алгоритмов деятельности следователя по проверке имеющихся доказательств, поскольку искусственный интеллект способен на основании анализа больших данных выявлять оптимальные пути проверки версий, указывать на их перспективы и др.

На основании вышеизложенного, считаем необходимым сформулировать следующие выводы.

Доминирующая в настоящее время позиция (в теории, законодательстве и практике) о второстепенном либо обеспечительном значении (например, как приложений к протоколу следственного действия) результатов применения технических средств и цифровых технологий в уголовном судопроизводстве не соответствует современным потребностям и реалиям. Приобщение электронных данных к материалам уголовного дела в качестве вещественных доказательств не совпадает с их природой, особенностям формирования, получения, изучения и оценки.

Серьезные предпосылки для изменения имеющегося в законодательстве подхода закладываются в следственной и судебной практике, когда правопри-

менители готовы и уже используют результаты технических средств и цифровых технологий в качестве доказательств, подчеркивая их высокое информативное значение.

Считаем, что необходимо решить законодательно вопрос о придании самостоятельного доказательственного значения тем фактическим данным, которые были получены в результате применения технических средств и цифровых технологий.

Решение проблемы доказательственного значения сведений, полученных с помощью технических средств и цифровых технологий заключается в их теоретическом определении, которое на наш взгляд, может быть следующим: сведения о фактах, подлежащих установлению по уголовному делу, полученные в результате применения технических средств и цифровых технологий и в соответствии с установленным уголовно-процессуальным законом порядком проведения следственных действий, являются процессуальными доказательствами.

Источником выступают любые носители фактических данных, в отношении которых имеется указание о способе их процессуального получения, включая применение технических средств и цифровых технологий.

Приоритетной формой существования доказательств, полученных в результате применения технических средств и цифровых технологий в уголовном судопроизводстве рассматриваем иной документ в значении ст. 84 УПК РФ. Для гарантий достоверности электронного доказательства в форме иного документа возможно проведение соответствующей судебной экспертизы.

Полагаем необходимым сформулировать дополнения и изменения уголовно-процессуального закона:

- 1) статью 74 УПК РФ дополнить новой частью 3:
 - «3. Указанные в части 2 настоящей статьи доказательства могут быть получены в электронном формате»;
- 2) в статье 84 УПК РФ изложить в новой редакции части 2 и 4:

– «2. Документы могут содержать сведения, зафиксированные в письменном, электронном и ином виде»;

– «4. Документы, обладающие признаками, указанными в части первой статьи 81 настоящего Кодекса, в том числе полученные с помощью технических средств и цифровых технологий, признаются вещественными доказательствами»;

– часть 3 (в действующей редакции) дополнить словами «Цифровые сведения подлежат приобщению к материалам уголовного дела, с указанием реквизитов цифровой информации (метаданных), а также формата воспроизведения»¹.

Сформулированные предложенные будут способствовать большему вовлечению технических средств и цифровых технологий в уголовное судопроизводство для достижения наилучшего результата в сфере доказывания.

3.2. Совершенствование порядка составления протокола следственного действия в случае применения технических средств и цифровых технологий

В предыдущем параграфе работы указывалось на наличие проблемы непризнания законодателем самостоятельного значения результатов применения технических средств и цифровых технологий при производстве следственных действий. Одним из аспектов этой же проблемы выступает обязательность сопровождения результатов применения технических средств и цифровых технологий протоколированием следственного действия, правила которого должны соблюдаться неукоснительно (как и положено для обеспечения режима законности и оценки получаемых доказательств). Приведем ряд примеров.

¹ Приложение 1.

Павловским районным судом Краснодарского края фотографии и видеозаписи приводятся в качестве результатов осмотра места происшествия, прилагаемых к протоколу следственного действия, подтверждающего вину лица в совершении преступления¹. Видеозапись допроса, приложенная к протоколу, позволила установить факт отсутствия психологического воздействия на допрашиваемого, его подготовленности, подсказок, признаков лжи и фантазирования в ходе последующего экспертного исследования, послужившего одним из доказательств в решении Туапсинского городского суда Краснодарского края о виновности лица², при этом доказательством, приведенным судом в приговоре стал именно протокол допроса, хотя он такого рода сведений содержать просто не мог.

Протокол выемки оптического носителя (CD-R диска с аудиозаписями разговоров), а также протокол осмотра и прослушивания фонограммы, согласно которому указанный диск приводится в качестве доказательства в решении Гулькевичского районного суда Краснодарского края о виновности лица в преступлении³.

Еще одна цитата из приговора: «Как видно из протоколов осмотра предметов и документов, ход и результаты проведенных следственных действий фиксировались при помощи технических средств фиксации, что подтверждено фототаблицами»⁴. Однако не ясно, какого рода факт, имеющий значение для уголовного дела, установлен с помощью фототаблиц?

¹ Приговор Павловского районного суда Краснодарского края от 6 февраля 2020 г. по делу № 1-14 / Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/pthtcrvpPXgO>.

² Приговор Туапсинского городского суда Краснодарского края от 25 июня 2019 г. по делу № 1-96 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/h6Au7KxNzym6>.

³ Приговор Гулькевичского районного суд Краснодарского края от 23 июля 2020 г. по делу № 1-79 / Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ejVALEigGZrg>.

⁴ Приговор Октябрьского районного суда г. Ростова-на-Дону Ростовской области от 17 января 2023 г. по делу № 1-27 // ИПО «Гарант», аналитическая система «Сутяжник».

Представляет интерес в контексте изучаемой проблемы следующая формулировка: «Согласно протоколу... осмотрен DVD-R диск, на котором имеются видеозаписи: движения автомашины под управлением С., составления протокола об отстранении от управления транспортным средством С., момент прохождения освидетельствования С. на состояние алкогольного опьянения и последующий отказ С. от прохождения медицинского освидетельствования на состояние алкогольного опьянения. Диск просмотрен в судебном заседании (отметим, что так указано в приговоре суда и протоколе судебного заседания, хотя правильно «просмотрены видеозаписи» – В.Г.). Анализируя приведенные доказательства, как каждое в отдельности, так и в своей совокупности, суд находит вину подсудимого доказанной»¹. Получается, что в судебном заседании изучен протокол осмотра оптического диска, хотя вся полезная информация содержалась не в протоколе, а на диске в файлах видеозаписи.

Такого рода примеры весьма многочисленны и свидетельствуют о том, что результаты использования достижений науки и техники, хотя и выступают эффективным средством фиксации и отображения процессуально значимой (подчеркнем, имеющей доказательственное значение – В.Г.) информации, но без сопровождения их протоколом следственного действия процессуального значения не имеют.

Соответственно, протокол выступает единственным формальным способом включения любого, в том числе, полученного в электронной форме, фактического материала в число процессуальных, что дает впоследствии возможность рассматривать эти данные в качестве доказательств.

Отметим широкую практику исследования протоколов следственных действий. Так, суд пришел к выводу о несоответствии протокола осмотра места происшествия требованиям уголовно-процессуального закона, как по форме, так и по содержанию: несмотря на отсутствие участия понятых в производстве осмотра, в оспариваемом протоколе и фототаблице к нему не было отражено

¹ Приговор Торжокского городского суда Тверской области от 24 декабря 2021 г. по делу № 1-335 // ИПО «Гарант», аналитическая система «Сутяжник».

каким образом и в каком месте обнаружены изымаемые предметы, порядок и способ их изъятия, упаковки и опечатывание, не зафиксированы с помощью технических средств участвующие в следственном действии лица (отсутствуют фотографии вещественного доказательства в упакованном и опечатанном на месте осмотра носителе, факт предъявления его участникам осмотра); записи о неучастии в производстве осмотра понятых и специалиста выполнены иным красителем, что вызывает сомнение о разъяснении этого положения участникам следственного действия; приложенная фототаблица не соответствует содержанию и ходу осмотра, изложенному в протоколе; идентифицировать примененное техническое средство (фотоаппарат) не представляется возможным, так как сведения о его маркировке отсутствуют. Также к протоколу не приобщены негативы и электронные носители информации, с которых изготовлены фотоснимки, что не позволяет установить их достоверность¹.

Как следует из еще одного приговора суда, при исследовании протоколов, помимо цифрового фотоаппарата, навигатора (при первичном осмотре) и цифрового фотоаппарата и металлоискателя (при дополнительном осмотре), не усматривается, какие измерительные приборы применялись во время осмотра².

Подчеркнем, что все изученные материалы следственной и судебной практики подтверждают факт особого внимания, которое уделяется составлению и исследованию именно протоколов следственных действий.

Мы не отрицаем пользу и процессуальную значимость протокола следственного действия и тех требований, которые предъявляет к его составлению

¹ Приговор Ханты-Мансийского районного суда Ханты-Мансийского автономного округа-Югры от 4 июня 2020 г. по делу № 1-22 // ИПО «Гарант», аналитическая система «Сутяжник».

² Приговор Рубцовского районного суда Алтайского края от 10 ноября 2022 г. по делу № 10-4 // ИПО «Гарант», аналитическая система «Сутяжник».

законодатель. Высказываемые позиции ученых¹ о его доказательственном значении также нами разделяются. Однако, в свете проведенного исследования применения в ходе следственных действий технических достижений заслуживает внимания вопрос о совершенствовании требований, предъявляемых к составлению и оформлению протоколов.

Актуальность поставленного вопроса обусловлена потенциалом результатов технических достижений, который способен обеспечить объективную и целостную фиксацию всего хода и обнаруженных объектов при производстве следственных действий. Отметим еще раз, что суды при исследовании доказательств неоднократно ссылаются именно на подобное значение, например, видеозаписи.

Существенным фактором, воздействующим на содержание протокола и его оформление выступает существующая неоднозначность в определении формы получения результатов технических средств, о чем мы ранее писали. Представляется важным отражать в протоколе факт получения указанных результатов, но каким именно образом следует это делать – этот вопрос до настоящего времени находится в состоянии правовой неопределенности.

Например, в приговоре суд отметил, что не были представлены процессуальные документы, подтверждающие факт передачи потерпевшему технических средств, с помощью которых осуществлены аудио- и видеозапись во время проведенного оперативно-розыскного мероприятия. При таких обстоятельствах вещественные доказательства (DVD-R диск и CD-R диск) суд признает недопустимыми доказательствами как полученные с нарушением требований ст. 164 и 166 УПК РФ².

¹ См., например: Ахмедов У.Н. Уголовно-процессуальный анализ формы и доказательственного значения протоколов следственных действий // Вестник Воронежского института МВД России. 2022. № 3. С. 186–190; Ивченко А., Кабанов В.А. К вопросу о правовой характеристике протоколов как доказательств в российском уголовном процессе // Вопросы российской юстиции. 2023. Вып. 23. С. 341–351.

² Приговор Выборгского районного суда г. Санкт-Петербурга от 26 мая 2023 г. по делу № 1-87 // ИПО «Гарант», аналитическая система «Сутяжник».

Иными словами, проблема, на наш взгляд, заключается в том, чтобы определить оптимальный порядок описания в протоколе следственного действия, как самого факта применения, так и результатов применения технических достижений.

Для определения оптимального порядка формирования протокола следственного действия мы выделим возможные варианты процессуальной ситуации, при которых применяются технические средства и цифровые технологии:

- 1) для фиксации хода и результатов следственного действия (аудио-, видеозапись, в том числе, в процессе сеанса видео-конференц-связи);
- 2) для изъятия и сохранения информации, имеющей цифровой формат;
- 3) для изъятия и сохранения информации в ином формате;
- 4) комбинация из предыдущих вариантов (видеофиксация всего хода обыска при изъятии информации, имеющей как цифровой, так и любой иной формат).

Предлагаем сокращенную форму протокола следственного действия, который должен иметь обязательную часть, включающую вводную и заключительную информацию:

- дата, время начала и окончания следственного действия, место его производства;
- участники и разъяснение им прав, обязанностей и ответственности;
- категория, вид, модель, модификация применяемого технического средства и технологии, указание на их сертификацию;
- продолжительность применения технического средства и объем полученной записи (в МБ), ее метаданные;
- способ ознакомления с записью заинтересованных лиц, заявивших соответствующее ходатайство по окончании следственного действия;
- подписи, заявления, возражения, ходатайства участников.

А вот содержательная часть протокола следственного действия может содержать лишь сведения:

- о способе сохранения записи следственного действия (с указанием на тип, вид, и др. характеристики носителя);

- перечень изъятых объектов и способ их упаковки и сохранения (без подробного описания их свойств, при условии, что имеется видеозапись каждого из изъятых объектов).

В качестве факультативных данных в содержательной части сокращенной формы протокола можно рассмотреть включение сведений о тайминге аудио-, видеозаписи, с указанием конкретного времени, когда на аудио-, видеозаписи имеются существенные для уголовного дела данные. В частности, это может выглядеть так: 35 минута – обвиняемый признается в нанесении ножового удара потерпевшему; 1 час 41 минута – обвиняемый демонстрирует место сокрытия орудия преступления и др. Тайминг аудио-, видеозаписи облегчит работу заинтересованных участников и суда с имеющимися видеозаписями, исключит длительность ознакомления с ними, поможет выделить основную информацию из всего спектра сведений. Составление тайминга, полагаем, может выполняться по завершении следственного действия и выполнять функцию информационного сопровождения, приложения к протоколу. Тайминг аудио-, видеозаписи не несет доказательственного значения. Поэтому считаем, что его составление может быть доверено следователю-криминалисту, либо даже помощнику следователя.

Подчеркнем, что при таком способе протоколирования применение фиксирующих ход и результаты следственного действия технических средств и технологий должно иметь сплошной, а не выборочный, фрагментарный характер.

В случае применения технических средств и технологий исключительно для изъятия и сохранения цифровой информации, содержательная часть протокола следственного действия может включать:

- описание места и иные данные, связанные с обнаружением объекта;
- тип, вид, модификацию технического устройства и технологии, их сертификацию;
- метаданные и общий объем изъятой информации;

- наличие или отсутствие копирования;
- способ сохранения – тип носителя и его упаковку и опечатывание.

Для изъятия и сохранения информации в нецифровом формате применения технических средств и технологий, в протоколе следственного действия необходимо отразить:

- тип, модель, модификацию технического средства и технологии, их сертификацию;
- способ сохранения, упаковки, опечатывания.

Возможна также комбинация из предыдущих вариантов (например, видеофиксация всего хода обыска при изъятии информации, имеющей как цифровой, так и любой иной формат).

Таким образом, в содержательной части протокола должны быть все из перечисленных ранее данных.

Предлагая указанные правила протоколирования мы преследовали решение сразу двух задач: 1) сохранить процессуально-информативный источник, обеспечив его доказательственное значение, в том числе в отношении сведений, которые важны при оценке обстоятельств производства следственного действия и достоверности его результатов (например, указание в протоколе на объем изъятной цифровой информации помогает объективно оценить правомерность изъятия, соразмерность информации полученной в ходе следственного действия и представленной на последующее исследование эксперту, и т.д.); 2) исключить из протокола те данные, которые могут быть получены из результатов применения технических средств и технологий, тем самым помочь избежать дублирования информации, ее искажений при передаче, а значит упростить применение технических средств и технологий, сделать это применение более комфортным для следователя и иных участников, повысить его (применения) процессуальную привлекательность.

Отдельные из предлагаемых нами сведений, уже сегодня приводятся в протоколах следственных действий. Например, «при открытии содержимого оптического диска при помощи функции «Проводник» установлено, что на

диске имеются 3 файла расширения «mp4» со следующими названиями: «данные изъяты». С помощью программы PotPlayerMini, установленной на ноутбуке «Lenovo V580», модель 20147, вышеуказанные файлы были воспроизведены»¹.

Одновременно подчеркнем, что не ставим перед собой задачу обосновать обязательное применение аудио-, видеозаписи и не рассматриваем сокращение протокола следственного действия, как обязательное требование. В вопросах как использования технических средств и цифровых технологий при производстве следственных действий, так и выбора способа протоколирования должно присутствовать усмотрение следователя.

В плане развития высказанной ранее идеи о приобщении к уголовному делу электронных материалов в форме иных документов нам представляется важным сформировать соответствующий процессуальный алгоритм:

1. Следователь должен составить постановление о приобщении, либо об отказе в приобщении к уголовному делу электронных материалов.

2. Постановление является итогом предшествующей процессуальной деятельности, в рамках которой следователь обязан:

– осмотреть носитель электронной информации (предметом внимания должны стать – целостность материального объекта, отсутствие изъянов, не позволяющих осуществлять его техническую эксплуатацию);

– воспроизвести цифровые данные в адекватной форме, исключая возможность повреждений файлов;

– составить протокол осмотра носителя и с указанием на факт воспроизведения информации (протокол может иметь сокращенную форму, но с обязательным указанием реквизитов цифрового материала);

– в протоколе указывается целостность, либо нарушение целостности носителя, способность носителя к воспроизведению, количество обнаруженных файлов, их цифровой формат, объем (МБ), метаданные, длительность (в часах и секундах).

¹ Приговор Кореневского районного суда Курской области от 19 октября 2022 г. по делу № 1-47 // ИПО «Гарант», аналитическая система «Сутяжник».

3. По собственной инициативе или по ходатайству заинтересованных лиц следователь принимает решение о назначении соответствующей судебной экспертизы для определения наличия или отсутствия монтажа, иной корректировки первоначальных файлов.

Стоит обратить внимание на широкую научную дискуссию, развернувшуюся вокруг электронного формата протоколирования. В частности, вопрос о замене традиционного протокола следственного действия видеопротоколом детально рассмотрен Х.Х. Рамалдановым, предлагающим его использование применительно к следственному эксперименту, обыску и проверке показаний на месте, с учётом реализации механизма, разрешающего ряд связанных с таким применением проблем¹.

Ранее мы уже отмечали, что само расположение законодательных правил о процессуальной фиксации результатов применения технических средств и технологий свидетельствует о связи протокола и указанных результатов. В ч. 2 ст. 166 УПК РФ указана возможность составления протокола следственного действия, как рукописно, так и с помощью технических средств. Это законодательное положение в практике понимается и применяется исключительно как подготовка следователем протокола в печатном виде с помощью технических средств (пишущая машинка, текстовые редакторы компьютерных программ), с последующими распечаткой и подписанием участниками следственных действий.

Однако, такое представление об использовании технических достижений при составлении протокола является поверхностным, поскольку предполагает использование высокотехнологичных средств достаточно примитивным образом, тогда как их потенциал гораздо мощнее и процессуально продуктивнее.

¹ Рамалданов Х.Х. Видеопроколирование как основа цифровизации уголовного судопроизводства // Юристъ-Правоведъ. 2022. № 4 (103). С. 88.

В настоящее время существует программное обеспечение отечественного производства¹, позволяющее осуществлять электронное протоколирование в организациях государственного сектора, к числу которых относятся органы досудебного производства и суды.

Изготовление электронного протокола имеет множество преимуществ, освобождая следователя от рутинной работы (печати, исправления, распечатки, удобство ознакомления, коммуникации с иными органами и судами и др.).

Есть и определенные организационные «минусы» – подписать такой протокол можно только электронной подписью. Следовательно, участники следственных действий должны обладать такой подписью. Электронный протокол – это путь к сокращению и упрощению документооборота, в том числе в сфере коммуникации с участниками уголовного судопроизводства и их ознакомления с материалами уголовных дел. Электронное протоколирование позволяет осуществлять оперативную рассылку процессуальной информации по ходатайствам участников, но это – тема отдельного исследования

Резюмируя изложенное, сформулируем основные выводы.

Использование результатов технических средств и цифровых технологий в уголовно-процессуальном доказывании стало повседневной реальностью, что должно подкрепляться и находить отражение в действующем УПК РФ. В этой части следует констатировать серьезное отставание и моральное устаревание отечественного уголовно-процессуального закона в части определения порядка протоколирования следственных действий, производство которых сопровождается применением технических средств и цифровых технологий.

Проведенный анализ убеждает в наличии возможности использовать в качестве альтернативы традиционному способу фиксации хода и результатов следственных действий, их производство с применением технических средств

¹ Один из возможных ресурсов: Comindware – российская технологическая BPM low-code платформа для цифровой трансформации деятельности организаций государственного сектора. Программное обеспечение включено в Единый реестр российского ПО (запись в реестре от 8 ноября 2016 г. № 2275), получено 8 патентов на технологии обработки и хранения данных.

и цифровых технологий, сокращенную форму протокола и электронное протоколирование.

Предлагается алгоритм процессуальной формы приобщения к уголовному делу результатов использования технических средств и цифровых технологий в качестве иного документа, предусматривающий совокупность и последовательность процессуальных действий, обеспечивающих достоверность и доступность цифровой формы процессуально значимых сведений.

Высказанные предложения нуждаются в законодательном закреплении, в связи с чем, предлагаем дополнить ст. 166 УПК РФ новой частью 8.1 следующего содержания: «8.1. В случае применения технических средств и цифровых технологий, фиксирующих ход и результаты следственного действия, протокол по усмотрению следователя может иметь сокращенную форму, а также допускается электронное протоколирование»¹.

Соответствующие изменения должны коснуться порядка составления протоколов отдельных следственных действий (ст. 174, 180, 190, 191 и др. УПК РФ).

¹ Приложение 1.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты комплексного исследования применения технических средств и цифровых технологий при производстве следственных действий позволили сформировать следующие выводы.

Вопросы использования результатов применения технических средств и технологий в уголовном судопроизводстве берут своё начало в советской правовой доктрине, разработавшей теоретическую основу их применения при производстве следственных действий. Однако, в настоящее время, в УПК РФ по-прежнему отсутствовали понятия технических средств и цифровых технологий, нуждался в совершенствовании правовой механизм их использования в следственных действиях, с учётом тенденции к упрощению уголовно-процессуальной деятельности, требовало уточнения доказательственное значение результатов применения технических средств и цифровых технологий при производстве следственных действий, определения их места и роли в системе доказательств и др.

В ходе исследования были сформулированы понятия технических средств и цифровых технологий, применяемых при производстве следственных действий, определено их место в системе уголовного судопроизводства.

Рассмотрение сущностных признаков технических средств (материальности, целесообразности, рукотворности) позволило определить их в следующем виде: это устройства, обеспечивающие применение технологии, необходимой для обнаружения, фиксации, изъятия, закрепления, сохранения, воспроизведения и передачи сведений, имеющих значение для проверки сообщения о преступлении, установления обстоятельств уголовного дела. Обоснована целесообразность закрепления указанного определения в ст. 5 УПК РФ.

В зависимости от цели применения, технические средства могут быть классифицированы по большому кругу оснований: 1) средства обнаружения следов и вещественных доказательств; 2) фиксации следов и вещественных доказательств; 3) изъятия следов и вещественных доказательств; 4) проверки

доказательств; 5) вспомогательные технические средства, применяемые при производстве следственных действий. Несмотря на это предлагается еще одно основание: научность и инновационность технологий, обеспечиваемых техническим средством.

Технологии, используемые в уголовном судопроизводстве, в отличие от технических средств, представляют собой научно обоснованную совокупность последовательно совершаемых действий (приемов), с использованием необходимых технических инструментов, направленных на получение результата, соответствующего требованиям, предъявляемым уголовно-процессуальным законом к доказательствам. Наличие понятия технологии в ст. 5 УПК РФ позволит установить единообразие в понимании ее сущности и унифицировать подход к их правовому регулированию. Цифровые технологии являются частным случаем реализации технологий и представляют собой научно-обоснованные способы применения цифровых технических средств при производстве процессуальных действий.

Утверждается, что для формирования системного законодательного регулирования порядка применения технических средств и технологий при производстве следственных действий необходимо создание двух уровней правил:

– универсальные, отражающие общую специфику использования технических достижений и находящихся в непосредственной корреляции с принципами уголовного судопроизводства, определяющие содержание последующего регулирования;

– специальные, определяющие порядок применения отдельных технических достижений в рамках конкретных следственных действий.

В числе общих (универсальных) правил применения технических средств и технологий в следственных действиях определены следующие: законодательное их определение, сертифицированность, подтверждающая безопасность и научность, процессуальная фиксация факта применения и обеспечение прав участников. Перечень общих правил применения технических средств и технологий предлагается локализовать в новой ст. 164.2 УПК РФ.

Что касается цифровых технологий, то правила их применения нуждаются в более конкретном и разветвленном законодательном регулировании в рамках отдельных следственных действий.

На взгляд автора, использование технических средств и технологии удаленного присутствия привело к формированию нового способа производства следственных действий – дистанционного, применение которого по усмотрению следователя обуславливает возможность упрощения процедуры получения относимых, допустимых и достоверных доказательств. Для установления общего положения о возможности использования технических средств и технологий, обеспечивающих дистанционный формат производства некоторых следственных действий, предлагается дополнить ст. 164 УПК РФ новой частью 9, предусмотрев там применение технологии удаленного доступа не только при допросе, очной ставке и опознании, но и других следственных действий.

Видео-конференц-связь является доступным и эффективным техническим достижением, обеспечивающим получение процессуально значимого результата при применении в рамках следственных действий, что позволяет расширять процессуальные возможности ее использования. Вместе с тем, для преодоления противоречивых тенденций в части регулирования применения видео-конференц-связи, предлагается изложить в новой редакции ст. 189.1 УПК РФ.

Сделан вывод о невозможности использования технологии искусственного интеллекта при производстве следственных действий в силу отсутствия уголовно-процессуальной формы их применения, а также невозможности оценки доказательств посредством искусственного интеллекта, хотя интеллектуальные системы представляются эффективным средством, позволяющим решать задачи по поиску и анализу информации в ходе следственного действия, построению процессуальных алгоритмов деятельности следователя и др.

Не вызывает сомнения, что доминирующая в настоящее время позиция о второстепенном либо обеспечительном значении (например, как приложения к протоколу следственного действия) результатов применения технических средств и цифровых технологий в уголовном судопроизводстве не соответствует современным потребностям и реалиям, а приобщаемые к материалам уголовного дела электронные данные, как вещественные доказательства, не совпадают по их природе, особенностям формирования, получения, изучения и оценки.

Приоритетной формой существования доказательств, полученных в результате применения технических средств и цифровых технологий в уголовном судопроизводстве рассматриваем иной документ в значении ст. 84 УПК РФ.

В качестве альтернативы традиционному способу фиксации хода и результатов следственных действий, производимых с применением технических средств и цифровых технологий, рассматриваем сокращенную форму протокола и электронное протоколирование, что требует соответствующего законодательного закрепления.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Нормативные акты и иные официальные документы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. – 1993. – 25 декабря.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 25 декабря 2023 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (часть I). – Ст. 4921.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 24 июня 2023 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. I). – Ст. 1.
4. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. 12 декабря 2023 г.) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. 2006. – № 31 (часть I). – Ст. 3448.
5. Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 533-ФЗ «О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 53 (ч. I). – Ст. 8459.
6. Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 1 (ч. I). – Ст. 70.
7. Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 610-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 1 (часть I). – Ст. 57.
8. Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ от 20 февраля 2019 г. // Российская газета. – 2019. – 20 февраля.
9. Указ Президента РФ от 1 декабря 2016 г. № 642 (ред. от 15 марта 2021 г.) «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 49. – Ст. 6887.

10. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 41. – Ст. 5700.

11. Постановление Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 1406 (ред. от 14 октября 2023 г.) «О федеральной целевой программе "Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы"» // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 1. – Ст. 13.

12. Постановления Верховного народного суда по некоторым вопросам рассмотрения дел интернет-судами (2018) / Официальный сайт Верховного народного суда КНР. – URL: <https://www.court.gov.cn/fabu-gengduo-16.html>.

13. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 14 сентября 2017 г. № 627 (ред. от 20 июля 2023 г.) «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года» // Законность. – 2017. – № 12 (998).

14. Приказ ГУ МВД России по г. Москве от 27 апреля 2022 г. № 143 «Об организации эксплуатации сервисов ИСОД МВД России» / Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».

15. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 25 декабря 2013 г. № 257 (ред. от 27 августа 2019) «Об утверждении Регламента организации извещения участников судопроизводства посредством СМС-сообщений» // Бюллетень актов по судебной системе. – 2014. – № 2.

16. Приказ Судебного Департамента при Верховном Суде РФ от 28 декабря 2015 г. № 401 «Об утверждении Регламента организации применения видео-конференц-связи при подготовке и проведении судебных заседаний» (с изм. на 30 декабря 2020 г.) / Консорциум Кодекс. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/420346559>.

17. Проект Приказа ФСТЭК России «Об утверждении Порядка сертификации процессов безопасной разработки программного обеспечения средств защиты информации» // СПС «КонсультантПлюс».

18. Распоряжение МВД России от 11 января 2022 г. № 1/37 «Об утверждении Ведомственной программы цифровой трансформации МВД России на 2022–2024 годы» / Документ опубликован не был. – URL: <https://base.garant.ru/404486678/>.

19. Распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р. «Об утверждении программы "Цифровая экономика Российской Федерации"» (утратило силу 12 февраля 2019 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 32. – Ст. 5138.

20. Распоряжение Правительства РФ от 19 августа 2020 г. № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 г.» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 35. – Ст. 5593.

21. Решение Комиссии Таможенного союза от 9 декабря 2011 г. № 879 (ред. от 10 июня 2022 г.) «О принятии технического регламента Таможенного союза "Электромагнитная совместимость технических средств"». – URL: <http://www.eurasiancommission.org>.

22. Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «Нейротехнологии и искусственный интеллект» / Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ. – URL: https://digital.gov.ru/ru/documents/6658/?utm_referrer=https%3a%2f%2fyandex.ru%2f.

23. Заключение Комитета Государственной Думы по государственному строительству и законодательству РФ / ГАС «Законотворчество». – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1184595-7>.

24. Законопроект от 13 марта 2023 г. № 312970-8 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (об исполь-

зовании электронных документов в ходе досудебного производства по уголовному делу)» / Система обеспечения законодательной деятельности. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/312970-8>.

25. ГОСТ 15971-90 Системы обработки информации. Термины и определения. – М.: Издательство стандартов, 1991.

26. Уголовно-процессуальный закон Китайской Народной Республики / Портал законов Китая/ – URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/criminal-procedure-law-of-china-20181026>.

27. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V (ред. от 12 июля 2023 г.) // Казахстанская правда. – 2014. – 10 июля.

28. Уголовно-процессуальный кодекс Эстонии // HUGO.legal. – URL: <https://www.juristaitab.ee/sites/www.juristaitab.ee/files/elfinder/ru-seadused/>.

Нормативные акты, утратившие силу

29. Постановление ВЦИК от 25 мая 1922 г. «Об Уголовно-процессуальном кодексе» // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. – 1922. – № 20–21. – Ст.230.

30. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 592.

31. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 31 августа 1966 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1966. – № 36. – Ст. 1018.

Судебная практика

32. Апелляционное постановление Владимирского областного суда от 11 ноября 2020 г. по делу № 1-71 / Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/AXIQde0Iq6VR>.

33. Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 24 августа 2020 г. по делу № 1-233 / Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/zAZpRgvhLENq>.

34. Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 30 июля 2020 г. по делу № 1-4 / Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/cywxnLtP4hmC/>.

35. Апелляционное постановление от 28 сентября 2020 г. по делу № 1-95 / Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/U54vH5FXoWJt>.

36. Апелляционное постановление от 9 июня 2020 г. по делу № 22-2072 / Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/9Krim0Gv5XLK/>.

37. Определение Конституционного Суда РФ от 28 мая 2013 г. № 723-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Жудина Сергея Семеновича на нарушение его конституционных прав пунктом 6 части второй статьи 74, пунктом 1 части третьей статьи 413 и положениями главы 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» / Документ опубликован не был // СПС «КонсультантПлюс».

38. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 28 декабря 2021 г. № 49-УД21-56сп-А4 по кассационным жалобам адвокатов Ключганта В.В., Данилина И.В. и Молоканова Е.В. на приговор Верховного Суда Республики Башкортостан с участием присяжных заседателей от 17 марта 2021 г. и на апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 4 августа 2021 г. // СПС «КонсультантПлюс».

39. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30 апреля 2020 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2020. – № 5.

40. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции (г. Москва) от 16 февраля 2021 г. № 77-375 на приговор Мещанского районного суда г. Москвы и апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда // СПС «КонсультантПлюс».

41. Определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции (г. Пятигорск) от 2 марта 2020 г. № 77-132 на приговор Карабулакского районного суда Республики Ингушетия от 18 июня 2019 г. и апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Ингушетия от 3 сентября 2019 г. // СПС «КонсультантПлюс».

42. Постановление Верховного Суда РФ от 1 июня 2023 г. № 53-АД23-3-К8 по делу об административном правонарушении // СПС «КонсультантПлюс»).

43. Приговор Апшеронского районного суда Краснодарского края от 29 апреля 2020 г. по делу № 1-251 / Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/h1vlo7bVXBx5>.

44. Приговор Владимирского областного суда от 6 февраля 2020 г. по делу № 2-1 // ИПО «Гарант», аналитическая система «Сутяжник».

45. Приговор Выборгского районного суда г. Санкт-Петербурга от 26 мая 2023 г. по делу № 1-87 // ИПО «Гарант», аналитическая система «Сутяжник».

46. Приговор Гулькевичского районного суда Краснодарского края от 23 июля 2020 г. по делу № 1-79 / Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ejVALEigGZrg>.

47. Приговор Ейского городского суда Краснодарского края от 16 января 2020 г. по делу № 1-10 / Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/TfjOXmprXBNw>.

48. Приговор Заринского городского суда Алтайского края от 10 июля 2020 г. по делу № 1-19 / Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/NFsJTibrwQ5l>.

49. Приговор Миасского городского суда Челябинской области от 24 января 2020 г. по делу № 1-35 / Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/PccWjARj5Lom>.

50. Приговор Миллеровского районного суда Ростовской области от 19 мая 2020 г. по делу № 1-15 / Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/UETBTlvZQyZj>.

51. Приговор Новочеркасского городского суда от 15 февраля 2016 г. по делу № 1-20 / Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Kyvvgbjj56j6R>.

52. Приговор Йошкар-Олинского городского суда Республики Марий Эл от 15 января 2020 г. по делу № 1-12 / Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/meW7dPVzimYq>.

53. Приговор Ковровского городского суда от 19 сентября 2016 г. по делу № 1-142 / Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/jLphII30Lnr4>.

54. Приговор Кореневского районного суда Курской области от 19 октября 2022 г. по делу № 1-47 // ИПО «Гарант», аналитическая система «Сутяжник».

55. Приговор Куйбышевского районного суда г. Иркутска Иркутской области от 26 октября 2021 г. по делу № 1-462 // ИПО «Гарант», аналитическая система «Сутяжник».

56. Приговор Курганинского районного суда Краснодарского края от 15 июля 2020 г. по делу № 1-144 / Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/h1vlo7bVXBx5>.

57. Приговор Локтевского районного суда Алтайского края от 5 июня 2017 г. по делу № 1-56 / Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/liv6dGUCAdxu>.

58. Приговор Муромского городского суда Владимирской области от 6 июля 2022 г. по делу № 1-58 по уголовному делу в отношении В.В. Бокова // ИПО «Гарант», аналитическая система «Сутяжник».

59. Приговор Октябрьского районного суда г. Ростова-на-Дону Ростовской области от 17 января 2023 г. по делу № 1-27 // ИПО «Гарант», аналитическая система «Сутяжник».

60. Приговор Павловского районного суда Краснодарского края от 6 февраля 2020 г. по делу № 1-14 / Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/pthtcrvpPXgO>.

61. Приговор Ржевского городского суда Тверской области от 11 апреля 2023 г. по делу № 1-116 // ИПО «Гарант», аналитическая система «Сутяжник».

62. Приговор Рубцовского районного суда Алтайского края от 10 ноября 2022 г. по делу № 10-4 // ИПО «Гарант», аналитическая система «Сутяжник».

63. Приговор Сормовского районного суда г. Нижний Новгород от 22 января 2020 г. по делу № 1-21 / Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/aCckjkt47fx8>.

64. Приговор Тбилисского районного суда Краснодарского края от 17 января 2020 г. по делу № 1-205 / Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/xth3pCf5jRlj/>.

65. Приговор Торжокского городского суда Тверской области от 24 декабря 2021 г. по делу № 1-335 // ИПО «Гарант», аналитическая система «Сутяжник».

66. Приговор Туапсинского городского суда Краснодарского края от 25 июня 2019 г. по делу № 1-96 / Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/h6Au7KxNzym6>.

67. Приговор Уржумского районного суда Кировской области от 17 мая 2021 г. по делу N 1-28 // ИПО «Гарант», аналитическая система «Сутяжник».

68. Приговор Уссурийского районного суда Приморского края от 28 февраля 2020 г. по делу № 1-11 / Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/aAhL0gpJNzZw>.

69. Приговор Ухтинского городского суда Республики Коми от 15 января 2021 г. по делу № 1-6 // ИПО «Гарант», аналитическая система «Сутяжник».

70. Приговор Ханты-Мансийского районного суда Ханты-Мансийского автономного округа-Югры от 4 июня 2020 г. по делу № 1-22 // ИПО «Гарант», аналитическая система «Сутяжник».

71. Приговор Центрального районного суда г. Сочи Краснодарского края от 25 июня 2019 г. по делу № 1-344 / Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/AaVvRaTOF5Qu>.

72. Приговор Шатковского районного суда Нижегородской области от 26 декабря 2022 г. по делу № 1-83 / Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/FPFZxRbiVAxx>.

73. Приговор Шимановского районного суда Амурской области от 16 декабря 2022 г. по делу № 1-133 / Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/8GXguy87E4YJ>.

74. Приговор Ярославского областного суда (г. Ярославль) от 10 октября 2022 г. по делу № 2-20 / Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/PB34fls8NQZg>.

Учебники, учебные пособия, учебно-методические пособия, словари

75. Большой Энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. – М.: Советская энциклопедия; Санкт-Петербург: Фонд «Ленингр. Галерея», 2002. – 1628 с.

76. Васюков В.Ф., Кузнецов А.А., Гаврилов Б.Я. Способы получения доказательств и информации в связи с обнаружением (возможностью обнаружения) электронных носителей: учеб. пособие / Под общ. ред. Б.Я. Гаврилова. – М.: Проспект, 2023. – 160 с.

77. Долгаев В.В. Иные документы как источники доказательств по уголовному делу: учеб.-практ. пособие. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2020. – 70 с.

78. Информатика и математика для юристов: учеб. пособие / Под ред. проф. Х.А. Андриашина и проф. С.Я. Казанцев. – М.: ЮНИТИ-Дана, 2017. – 463 с.

79. Ионов В.А. О системе технических средств, применяемых криминалистами при обучении // Научные основы организации учебно-воспитательной работы в вузе. – Свердловск: СЮИ, 1975. – 149 с.

80. Ищенко Е.П., Топорков А.А. Криминалистика: учебник. – 2-е изд. – М.: ИНФРА-М, 2010. – 780 с.

81. Криминалистика: учебник / Л.Я. Драпкин, В.Н. Карагодин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2011. – 766 с.

82. Некрасов С.И., Некрасова Н.А. Философия науки и техники: тематический словарь-справочник. – Орёл: ОГУ, 2010. – 289 с.

83. Скорченко П.Т. Криминалистика: технико-криминалистическое обеспечение расследования преступлений: учеб. пособие. – М.: Былина, 1999. – 270 с.

84. Словарь русского языка: в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – Т. 2 (электронная версия).

85. Стенограмма Расширенного заседания коллегии МВД России от 17 февраля 2022 г. / Администрация Президента России. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/67795>.

86. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.В. Дмитриева. – М.: Астрель: АСТ, 2003. – 782 с.

87. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; Российская АН, Ин-т рус. яз., Российский фонд культуры. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Азъ, 1994. – 907 с.

Монографии, научные статьи, тезисы докладов

88. Александров А.С. Учение о следственных действиях на пороге «цифрового мира» // Юридический вестник Самарского университета. – 2017. – Т. 3, – № 4. – С. 80–84.

89. Александров А.С., Андреева О.И., Зайцев О.А. О перспективах развития российского уголовного судопроизводства в условиях цифровизации // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 448. С. 199–207.
90. Аминова З.Ф. К вопросу о закреплении в уголовно-процессуальном законе понятия «технические средства» // Правовое государство: теория и практика. – 2018. – № 2 (52). – С. 135–142.
91. Апостолова Н.Н. Доказывание по уголовным делам с помощью цифровых технологий // Вестник юридического факультета Южного федерального ун-та. – 2023. – № 2. – С. 104–109.
92. Архипец И.А., Бежецков Д.Е., Данилова Ю.Э., Кандров Д.Ю., Солодовник М.Н., Федотов А.А. Открытые решения веб- / видеоконференцсвязи и проект open-meetings // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Сер.: Информационные технологии. – 2018. – Т. 16. – № 1. – С. 24–38.
93. Архипова Е.А., Щерба С.П. Применение видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве России и зарубежных стран: опыт, проблемы, перспективы. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 216 с.
94. Афанасьев А.Ю. Системы искусственного интеллекта в механизме уголовно-процессуального доказывания // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2020. № 1 (49). – С. 89–95.
95. Афанасьев А.Ю. Искусственный интеллект в уголовном процессе // Юридическая техника. – 2021. – № 15. – С. 571–574.
96. Афанасьева А.А. Дистанционный допрос: состояние и перспективы // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2021. – № 3 (45). – С. 370–374.
97. Афанасьева С.И., Добровлянина О.В. Правовое регулирование производства следственных действий с использованием видео-конференцсвязи по действующему УПК РФ // Ex jure. – 2022. – № 4. – С. 101–117.
98. Ахмедов У.Н. Уголовно-процессуальный анализ формы и доказательственного значения протоколов следственных действий // Вестник Воронежского института МВД России. – 2022. – № 3. – С. 186–190.

99. Бакланова Л.Н. Использование видео-конференц-связи при производстве допроса // Молодой ученый. – 2023. – № 3 (450). – С. 316–319.
100. Бахтеев Д.В. Искусственный интеллект в следственной деятельности: задачи и проблемы // Российский следователь. – 2020. – № 9. – С. 3–6.
101. Бахтеев Д.В., Смахтин Е.В. Криминалистические особенности производства процессуальных действий с цифровыми следами // Российский юридический журнал. – 2019. – № 6. – С. 61–68.
102. Бегишев И.Р., Хисамова З.И. История становления и теоретико-правовые подходы к толкованию понятия «искусственный интеллект» // Алтайский юридический вестник. – 2020. – № 3 (31). – С. 31–38.
103. Белкин Р.С. Курс криминалистики. 3 изд., доп. – М.: Юнити, 2001. – 837 с.
104. Белякова В.С. Цифровые технологии в уголовном процессе // Экономические, политико-правовые, социологические дискуссии: материалы XI Всерос. науч.-практ. конф. – Ростов-на/Д.: Манускрипт, 2022. – С. 219–224.
105. Березина Е.А. Правовая технология: истоки возникновения научного направления // Философия права. – 2020. – № 1 (92). – С. 7–14.
106. Бертовский Л.В. Технология блокчейна в уголовном процессе как элемент цифрового судопроизводства // Проблемы экономики и юридической практики. – 2017. – № 6. – С. 226–230.
107. Богатырева Л.И. К вопросу о правовом регулировании служебной нагрузки в следственных подразделениях МВД России // Право и государство: теория и практика. – 2019. – № 12 (180). – С. 127–129.
108. Бородинова Т.Г. Цифровые технологии в уголовном судопроизводстве России: пределы и проблемы внедрения // Правосудие. – 2022. – № 1. – С. 71–86.
109. Бородкина О.А. Соотношение вещественных доказательств и иных документов в ходе расследования уголовного дела // Современные проблемы организации расследования преступлений. – Минск: Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, 2016. – С. 18–21.

110. Васильева А.А. Некоторые вопросы применения видеоконференц-связи и веб-конференции в гражданском процессе // Вопросы российской юстиции. – 2020. – № 8. – С. 536–547.

111. Васюков В.Ф., Семенов Е.А. Правовая основа применения технических средств при производстве следственных процессуальных действий // Вестник экономической безопасности. – 2016. – № 5. – С. 135–139.

112. Веб-конференция в Верховном Суде Российской Федерации / Верховный Суд РФ. URL: <https://www.vsrp.ru/files/28862/>.

113. Верховный суд загадал число. Судебная практика все глубже уходит в цифровые технологии / Верховный Суд РФ. URL: https://www.vsrp.ru/press_center/mass_media/30939/.

114. Власова С.В. К вопросу о приспособливании уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста. – 2018. – № 1 (36). – С. 14–15.

115. Воробьева К.А., Дорошенко А.А. Особенности проведения допроса с использованием систем видео-конференц-связи // Молодой ученый. – 2023. – № 2 (449). – С. 276–277.

116. Воронин М.И. Особенности оценки электронных (цифровых) доказательств // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – № 8 (16). – С. 18–28.

117. Воронин М.И. Электронные доказательства в УПК: быть или не быть? // Lex Russica. – 2019. – № 7 (152). – С. 74–84.

118. Воскобитова Л.А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // Lex Russica. – 2019. – № 5 (150). – С. 91–104.

119. Гаврилов Б.Я. О применении уголовно-процессуальных механизмов противодействия расследованию преступлений, совершаемых с применением информационных технологий // Проблемы борьбы с преступностью в условиях цифровизации: сб. ст. XIX Между-нар. науч.-практ. конф. «Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Ал-тае», посвященной памяти Вениамина Константиновича Гавло. Вып. XVII / Отв. ред. С.И. Давыдов,

В.В. Поляков. – Барнаул: Алтайский ун-т, 2021. – С. 17–26.

120. Галяшина Е.И., Снетков В.А. К понятию установления аутентичности магнитных аудио-, видеофонограмм // 50 лет НИИ криминалистики: сб. науч. тр. – М.: ЭКЦ МВД РФ, 1995. – С. 61–66.

121. Гареева Э.Р., Фахрисламов Т.Р. К вопросу об использовании полиграфа в производстве следственных действий // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 5 (221). – С. 297–298.

122. Гладышева О.В. Цифровизация уголовного судопроизводства и проблемы обеспечения прав его участников // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2019. – № 1. – С. 31–34.

123. Глимейда В.В. Перспективы и проблемы применения искусственного интеллекта в отечественном судопроизводстве // Современный ученый. – 2020. – № 6. – С. 320–327.

124. Глимейда В.В. Видео-конференц-связь как условие эффективности следственных действий // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 50-летию образования кафедры уголовного процесса / Отв. ред. В.А. Семенов. – В 2 ч. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2022. – Ч. 1. – С. 97–107.

125. Глимейда В.В. Дистанционное уголовное судопроизводство: состояние, проблемы и перспективы // Известия Тульского государственного университета. Серия: Экономические и юридические науки. – 2023. – №1. – С. 54–61.

126. Глимейда В.В. Проблема допустимости применения видеоконференцсвязи при производстве следственных действий // Журнал юридических исследований. – 2023. – Т. 8. – № 2. – С. 116–124.

127. Глимейда В.В. Проблемы обеспечения прав участников при производстве следственных действий в режиме видео-конференц-связи // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 3 (178). – С. 309–311.

128. Глушков М.Р. Обязательна ли непрерывная видеофиксация следственного действия? // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2016. –

№ 3. – С. 85–89.

129. Глушков М.Р. К вопросу о фальсификации видеофайлов // Научная школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского гос. ун-та: уголовная юстиция XXI века (к 15-летию практики применения УПК РФ): материалы Междунар. науч.-практ. конф. / Под ред. Н.П. Кирилловой, Н.Г. Стойко. СПб.: Центр социальных и правовых технологий, 2018. – С. 313–320.

130. Головки Л.В. М.С. Строгович и «искусственный интеллект»: о современной реинкарнации старых теорий и их этической ничтожности // Судебная власть и уголовный процесс. – 2021. – № 3. – С. 29–36.

131. Головки Л.В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? // Вестник экономической безопасности. – 2019. – № 1. – С. 17–22.

132. Гончаренко В.И. Использование данных естественных и технических наук в уголовном судопроизводстве: монография. – Киев: Вицци школа, 1980. – 157 с.

133. Гринь Д.С. Теоретическое и нормативное определение видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука. – 2020. – №3. – С. 82–86.

134. Гришин Д.А. Законность использования в уголовном судопроизводстве технических средств, воздействующих на психику человека // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 11 (115). – С. 223–224.

135. Гришина Е.Б. Особенности применения мер безопасности при производстве следственных действий // Государственная служба и кадры. – 2021. – № 4. – С. 180–182.

136. Гусева Т.А., Соловьева А.Ю. Электронное судопроизводство // Право и экономика. – 2015. – № 6. – С. 66–71.

137. Демичева Т.С. Понятие информационных технологий в уголовном процессе // Криминологический журнал. – 2022. – № 4. – С. 65–69.

138. Депонян А.Р. Использование искусственного интеллекта в ходе предварительного расследования // Молодой ученый. – 2023. – № 20 (467). –

С. 516–518.

139. Диденко Н.С., Федосеева Е.Л. Отдельные вопросы применения видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве // Юристъ-Правоведъ. – 2020. – № 3 (94). – С. 95–97.

140. Дмитриева А.А., Пастухов П.С. Концепция электронного доказательства в уголовном судопроизводстве // Journal of Digital Technologies and Law. – 2023. – № 1 (1). – С. 270–295.

141. Добровлянина О.В. Некоторые аспекты о процессуальном изъятии (копировании) электронных носителей информации // Пермский юридический альманах. – 2019. – № 2. – С. 641–649.

142. Долгаев В.В. Общие требования к протоколу следственного действия: проблемы правовой регламентации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2018. – № 1 (77). – С. 69–72.

143. Ерахтина Е.А., Тирранен В.А. Преступления, совершаемые с использованием искусственного интеллекта: проблемы квалификации и расследования // Вестник Сибирского юрид. ин-та МВД России. – 2019. – № 2 (35). – С. 36–41.

144. Ерохина М.П. «Иные документы» в уголовном судопроизводстве: содержание без процессуальной формы // Вестник Белгородского юрид. ин-та МВД России. – 2021. – № 2. – С. 94–99.

145. Зайцев О.А. Особенности использования информации в качестве доказательств по уголовному делу: сравнительно-правовой анализ зарубежного законодательства // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2019. – № 4. – С. 47–52.

146. Зайцев О.А. Обеспечение конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства в условиях пандемии COVID-19 // Журнал российского права. – 2022. – Т. 26. – № 11. – С. 91–108.

147. Зайцев О.А. Развитие цифровизации уголовного судопроизводства в условиях критических и чрезвычайных ситуаций // Вестник. Государство и право. – 2022. – № 3 (34). – С. 55–58.

148. Зайцев О.А. Правовое обеспечение личной безопасности потерпевшего в уголовном процессе // Журнал российского права. – 2023. – Т. 27. – № 10. – С. 82–98.
149. Зотов Д.В. Уголовно-процессуальное доказывание и научно-технические достижения: теоретические проблемы: монография / Под ред. В.А. Панюшкина. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2005. – 199 с.
150. Зуев С.В., Черкасова В.С. Новые правила изъятия электронных носителей и копирования информации // Законность. – 2019. – № 5. – С. 40–43.
151. Зуев С.В., Каменев А.С. Собираение и проверка электронной доказательственной информации стороной защиты в уголовном судопроизводстве: монография. – М.: Юрлитинформ, 2024. – 160 с.
152. Иванов А.Л., Шустова И.С. Исследование цифровых экосистем как фундаментального элемента цифровой экономики // Креативная экономика. – 2020. – № 5. С. 655–670.
153. Иванов В.В., Цой В.А. Понятие, виды и правила применения технических средств в уголовном процессе // Технологии в ионосфере. – 2021. – № 4. – С. 109–125.
154. Ивченко А., Кабанов В.А. К вопросу о правовой характеристике протоколов как доказательств в российском уголовном процессе // Вопросы российской юстиции. – 2023. – Вып. 23. – С. 341–351.
155. Игошин В.В. Правовые основы использования достижений науки и техники в следственной деятельности // Следователь. – 2006. – № 5. – С. 44–47.
156. Ищенко Е.П. Классификация научно-технических средств, используемых на предварительном следствии // Теория и практика собирания доказательственной информации техническими средствами на предварительном следствии. – Киев: ВШ МВД СССР, 1980. – С. 30–36.
157. Калиновский К.Б. Быстрота (срочность) уголовного судопроизводства – есть принцип уголовно-процессуального права // Состояние и перспективы развития правовой науки: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Ижевск: Удмурт. гос. ун-т, 2006 (электронный ресурс).

158. Карташов И.И. Искусственный интеллект: уголовно-правовой и процессуальный аспекты // Актуальные проблемы государства и права. – 2021. – № 17. – С. 75–89.

159. Катанов А.В., Омеличев Д.В. Актуальные вопросы иных документов как источника доказательств в уголовном процессе // Актуальные вопросы права, психологии, педагогики и экономики: сб. науч. тр. – В 2 ч. – Вологда: Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний, 2021. – Ч. 1. – С. 76–81.

160. Козлова Н. Гаджет для Жеглова. Александр Бастрыкин рассказал об уникальных экспертизах криминалистов // Российская газета. – 2020. – 18 октября.

161. Кокорев Л.Д. Процессуальные проблемы использования достижений научно-технического прогресса в уголовном судопроизводстве // Вопросы уголовного процесса. – Саратов, 1977. – Вып. 1. – С. 3–16.

162. Корнакова С.В. Доказательства и доказывание в уголовном процессе: проблемы понимания их содержания // Lex Russica. – 2023. – № 1 (76). – С. 98–109.

163. Костенко Р.В., Шипицина В.В., Петрова О.А. Изъятие уголовно-процессуальных доказательств в цифровую эпоху // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2022. – № 3. – С. 105–112.

164. Крюкова Т.С. Современные проблемы использования электронных документов в качестве доказательств по уголовным делам // Мир юридической науки. – 2018. – № 3–4. – С. 57–61.

165. Кун Д.Е. Сущность и значение технических средств в уголовном судопроизводстве // Теория и практика общественного развития. – 2016. – № 3. – С. 109–112.

166. Кустов А.М. Использование искусственного интеллекта при производстве процессуальных действий // Высокотехнологичное право: генезис и перспективы: материалы III Междунар. научн.-практ. конф. – Красноярск: Красноярский гос. аграрный ун-т, 2022. – С. 122–128.

167. Кустов А.М., Кокорев Р.А. Проблемы применения видеозаписи при расследовании преступлений против личности // Труды Академии управления МВД России. – 2018. – № 1 (45). – С. 73–77.

168. Лаптев В.А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2019. – № 2. – С. 79–103.

169. Лебедев З.С. Некоторые вопросы применения искусственного интеллекта в уголовном процессе России // Основы экономики, управления и права. – 2021. – № 4 (29). – С. 45–48.

170. Лебедев М.Д., Саввоев С.А. Использование искусственного интеллекта в расследовании преступлений // Скиф. – 2020. – № 7 (47). – С. 73–77.

171. Леви А.А. Вопросы правовой регламентации применения научно-технических средств в уголовном судопроизводстве // Теория и практика собирания доказательственной информации техническими средствами на предварительном следствии. – Киев: КВШ МВД СССР, 1980. – 207 с.

172. Литвин И.И. Технические и электронные средства в уголовном судопроизводстве: понятие, место и роль // Юридические исследования. – 2017. – №1. – С. 98–105.

173. Литова З.А. Сущность понятия «технология» на современном этапе // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского гос. ун-та. – 2019. – № 2 (50). – С. 164–172.

174. Лозовский Д.Н., Лозовская Н.Н., Ульянова И.Р. Использование беспилотных летательных аппаратов в процессе расследования преступлений: вопросы теории и практики // Юристъ-Правоведъ. – 2021. – № 3 (98). – С. 162–165.

175. Лукина Т.Я., Бормотова Л.В. Использование цифровой информации в доказывании по уголовным делам // Интернаука. – 2022. – № 20–9 (243). – С. 53–55.

176. Малышева О.А. Процессуальные гарантии прав участников следственных действий, производимых с применением системы видео-конференц-связи // Lex Russica. – 2022. – № 6 (187). – С. 74–84.

177. Мачтаков С.Г., Питолин М.В. Единая система информационно-аналитического обеспечения деятельности (ИСОД) МВД России // Пожарная безопасность: проблемы и перспективы. – 2016. – Т. 1. – № 1 (7). – С. 156–158.
178. Машовец А.О. К вопросу о допустимости применения полиграфа для получения показаний в судебном следствии // Общество и право. – 2015. – № 1 (51). – С. 182–186.
179. Мичурина О.В. Искусственный интеллект против внутреннего убеждения: взгляд в будущее уголовного судопроизводства // Вестник Московского ун-та МВД России. – 2020. – № 3. – С. 65–68.
180. Морхат П.М. К вопросу об определении понятия искусственного интеллекта // Право и государство: теория и практика. – 2017. – № 12 (156). – С. 25–32.
181. Мосечкин И.Н. Искусственный интеллект в уголовном праве: перспективы совершенствования охраны и регулирования: монография. – Киров: Вятский гос. ун-т, 2020. – 111 с.
182. Муравьева Н.В. Экономические аспекты и практические основы развития искусственного интеллекта в России на современном этапе // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2019. – № 7–2. – С. 56–60.
183. Мусаэлян М.Г. Копия следа как уголовно-процессуальная форма производного доказательства // Теория и практика общественного развития. – 2023. – № 3 (181). – С. 158–163.
184. Овсянников Д.В. Электронное копирование информации в системе средств уголовно-процессуального доказывания // Правопорядок: история, теория, практика. – 2014. – № 2 (3). – С. 130–135.
185. Овчинникова О.В. Дистанционные следственные действия: современное состояние и перспективы // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2019. – № 1 (47). – С. 108–116.
186. Овчинникова О.В. Производство дистанционных следственных действий: опыт зарубежных стран // Правопорядок: история, теория, практика. – 2023. – № 3. – С. 87–91.

187. Основы теории электронных доказательств: монография / Балашов А.Н., Балашова И.Н., Бахтеев Д.В. и др. / Под ред. С.В. Зуева. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 398 с.
188. Панюшкин В.А. Научно-технический прогресс и уголовное судопроизводство: (правовые аспекты). – Воронеж: Воронеж. университет, 1985. – 151 с.
189. Панюшкин В.А., Болычев В.Г. Понятие и сущность научно-технических средств, применяемых при расследовании преступлений // Правовая наука и реформа юридического образования. – 2012. – № 2 (25). – С. 178–184.
190. Панюшкин В.А., Болычев В.Г. Классификация научно-технических средств, применяемых при расследовании преступлений // Юридические записки. – 2013. – № 3 (26). – С. 186–190.
191. Папышева Е.С. Нужна ли тотальная цифровизация уголовного процесса? // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – № 7–2 (82). – С. 219–221.
192. Пастухов П.С. «Электронные доказательства» в нормативной системе уголовно-процессуальных доказательств // Пермский юридический альманах. – 2019. – № 2. – С. 695–707.
193. Пастухов П.С. Информационно-логическая модель формирования доказательства // *Ex jure*. – 2021. – № 2. – С. 153–168.
194. Першин А.Н. Осмотр сетевых информационных ресурсов – новый вид следственного действия? // Российский следователь. – 2020. – № 1. – С. 13–16.
195. Плахота К.С. Использование следователем (дознавателем) видео-конференц-связи при производстве следственных действий // Известия Тульского гос. ун-та. Экономические и юридические науки. – 2022. – № 1. – С. 98–105.
196. Познанский Ю.Н. Информационные технологии как средство повышения эффективности деятельности руководителей органов предварительного следствия в системе МВД России // Труды Академии управления МВД России. – 2017. – № 4 (44). – С. 57–61.
197. Понкин А.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки

зрения права // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Сер. Юрид. науки. – 2018. – С. 91–109.

198. Пономаренко Ю.Н. Особенности проведения допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видео-конференц-связи: актуальные проблемы и пути их решения // Вестник науки. – 2022. – № 6 (51). – С. 257–264.

199. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе / Г.Ф. Горский, Л.Д. Кокорев, П.С. Элькинд. – Воронеж: Воронеж. ун-т, 1978. – 303 с.

200. Проблемы судебной этики / Под ред. М.С. Строговича. – М.: Наука, 1974. – 271 с.

201. Прокопенко А.Н., Страхов А.А. Правовые основания получения электронных доказательств посредством осмотра и изъятия электронных носителей // Вестник Белгородского юридического института МВД России им. И.Д. Путилина. – 2023. – № 1. – С. 50–56.

202. Развитие связи в СССР. 1917–1967 гг. / Под общ. ред. Н.Д. Псурцева. – М.: Связь, 1967. – 479 с.

203. Рамалданов Х.Х. Электронное уголовное дело: миф или реальность? // Правопорядок: история, теория, практика. – 2022. – № 2 (33). – С. 93–98.

204. Рамалданов Х.Х. Видеопротоколирование как основа цифровизации уголовного судопроизводства // Юрист-Правоведь. – 2022. – № 4 (103). – С. 86–93.

205. Рамалданов Х.Х. Цифровые доказательства, полученные путем использования систем видео-конференц-связи // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – № 11 (144). – С. 124–131.

206. Родивилина В.А. Использование полиграфа в доказывании по уголовным делам // Правопорядок: история, теория, практика. – 2018. – № 1 (16). – С. 115–119.

207. Родивилина В.А. Исторический обзор регламентации использования технических средств в стадии предварительного расследования // Проблемы

в российском законодательстве. – 2016. – № 4. – С. 224–227.

208. Родивилина В.А. Технические средства в уголовном процессе // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2016. – № 2 (10). – С. 47–54.

209. Россинский С.Б. Приложение к протоколу следственного действия: признавать или не признавать как вещественное доказательство? // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2017. – № 2 (81). – С. 91–104.

210. Россинский С.Б. Доказательства по уголовному делу: требуется ли вносить коррективы в статью 74 УПК РФ? // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2023. – № 2 (26) – С. 161–172.

211. Россинский С.Б., Расулова Н.С. Справочно-вспомогательные средства доказывания в уголовном судопроизводстве // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2023. – № 2. – С. 118–123.

212. Рябова О.В. Проблемы совершенствования положений УПК РФ в части регламентации электронных доказательств // Юридическая техника. – 2023. – № 17. – С. 656–659.

213. Сафонов А.А. Современная автоматизированная дактилоскопическая идентификационная система органов внутренних дел Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. – 2021. – № 3. – С. 179–183.

214. Семенцов В. А. Технические средства фиксации содержания и результатов следственных действий // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2006. – № 3. – С. 157–162.

215. Семенцов В.А., Горбачев Ю.Э. СМС-оповещение и видеоконференцсвязь в судопроизводстве // Общество и право. – 2018. – № 3 (65). – С. 68–72.

216. Семенцов В.А. Цифровизация правоохранительной деятельности и роботизация юридической профессии // Юридический вестник Кубанского гос. ун-та. – 2019. – № 1. – С. 52–56.

217. Семенцов В.А. Психофизиологическая экспертиза с использова-

нием полиграфа в США, России и Казахстане // Аубакировские чтения: материалы междунар. науч.-практ. конф. – Алматы: Қазақстан Республикасы им. М. Есболатов, 2021. – С. 54–58.

218. Семенцов В.А., Глимейда В.В. Технология видео-конференц-связи и её применение в уголовном судопроизводстве // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2022. – № 2 (14). – С. 67–76.

219. Синельникова В.Н., Ревинский О.В. Права на результаты искусственного интеллекта // Копирайт. – 2017. – № 4. – С. 17–27.

220. Смагин П.Г. Автоматизация процессуальной деятельности следователя при производстве по уголовным делам // Вестник Воронежского института МВД России. – 2020. – № 2. – С. 301–306.

221. Сметанин И.Н. Теоретико-практические проблемы признания приложений к протоколу следственных действий в качестве вещественных доказательств // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2018. – № 5–2. – С. 273–276.

222. Спиридонов М.С. Технологии искусственного интеллекта в уголовно-процессуальном доказывании // Journal of Digital Technologies and Law. – 2023. – № 2. – С. 481–497.

223. Степанов О.А., Басангов Д.А. О перспективах влияния искусственного интеллекта на судопроизводство // Вестник Томского государственного университета. – 2022. – № 475. – С. 229–237.

224. Сукалова М.В. Судебное заседание в формате видео-конференц-связи как неотъемлемый элемент современного гражданского судопроизводства // Молодой ученый. – 2021. – № 32 (374). – С. 60–62.

225. Суходолов А.П., Иванцов С.В., Молчанова Т.В., Спасенников Б.А. Big data как современный криминологический метод изучения и измерения организованной преступности // Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – № 5. – С. 718–726.

226. Талынева З.З., Давыдова С.Р. К вопросу о доказательственном зна-

чении материалов аудио- и видеозаписи в уголовном процессе // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2018. – № 4 (82). – С. 54–57.

227. Татьянин Д.В. Цифровизация в уголовно-процессуальном доказывании // Полина Абрамовна Лупинская: вклад в развитие российского уголовного судопроизводства (к 100-летию со дня рождения): сб. воспоминаний и науч. ст. / отв. ред. Л.А. Воскобитова. – М.: Норма, 2021. – С. 305–308.

228. Татьянин Д.В. Дискуссионные вопросы использования электронной информации при производстве следственных действий // Правовая политика в современном обществе: к 85-лет. д-ра юрид. наук, проф. З.З. Зинатуллина: сб. ст. / науч. ред. В.Г. Ившин, Г.А. Решетникова, Л.Г. Татьянина. – Ижевск: Удмуртский университет, 2023. – С. 214–218.

229. Тхакумачев Б.Ю., Жиров Р.М. Криминалистические проблемы организации применения технических средств и методов для обнаружения, закрепления и изъятия следов и вещественных доказательств при проведении обыска и выемки // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 1 (205). – С. 369–372.

230. Умаханов С.Б. Юридические признаки иных документов как вида доказательств в уголовном судопроизводстве // Российский следователь. – 2013. – № 4. – С. 14–16.

231. Федюнин А.Е. Законодательная дефиниция «технические средства»: сущность, сфера применения, эффективность реализации // Юридическая техника. – 2007. – № 1. – С. 153–163.

232. Хаитжанов А., Глазков А.С. Аудиозапись (фонограмма) как доказательство в уголовном процессе // Надежность и качество: труды Международ. симпозиума. В 2 т. Пенза: ПГУ, 2011. – Т. 1. – С. 221–223.

233. Цифровая экономика и сквозные цифровые технологии: современные вызовы и перспективы экономического, социального и культурного развития: монография / О.Ю. Абашева, Э.Ф. Амирова, С.В. Беляева и др.; Под ред. И.А. Бондаренко, А.Н. Полетайкина. – Самара: НИЦ «ПНК», 2020. – 297 с.

234. Цомая С.Д. Понятие научно-технических и технико-криминалистических средств // Публичное и частное право. – 2009. – № 3 (3). – С. 110–129.

235. Шананин В.А. Применение систем искусственного интеллекта в судебной практике // Юридическая наука. – 2022. – № 11. – С. 143–147.

236. Щербаков М.Г. Проблемы правового регулирования трансформации правового статуса искусственного интеллекта: постановка проблемы // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2019. – № 3. – С. 73–81.

237. Яковлева С.А., Михайлов А.А. Значение компьютерно-технических устройств в уголовно-процессуальном доказывании // Вестник Марийского гос. ун-та. Сер. Исторические науки. Юридические науки. – 2023. – № 2. – С. 172–180.

238. Якубова С.М. Дистанционные следственные действия посредством видео-конференц-связи в уголовном процессе России // Борьба с преступностью: теория и практика: тезисы докладов XI Междунар. науч.-практ. конф.; редкол.: Ю.П. Шкаплеров (отв. ред.) [и др.]. – Могилев: Могилев. институт МВД, 2023. – С. 414–417.

Диссертации, авторефераты диссертаций

239. Архипова, Е.А. Применение видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве России и зарубежных стран: сравнительно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Екатерина Александровна Архипова. – М., 2013. – 30 с.

240. Балакшин, В.С. Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания (важнейшие проблемы в свете УПК Российской Федерации): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Виктор Степанович Балакшин. – Екатеринбург, 2005. – 59 с.

241. Балашова, А.А. Электронные носители информации и их использование в уголовно-процессуальном доказывании: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Анна Александровна Балашова. – М., 2020. – 216 с.

242. Бахтеев, Д.В. Концептуальные основы теории криминалистического мышления и использования систем искусственного интеллекта в расследовании преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Дмитрий Валерьевич Бахтеев. – Екатеринбург, 2022. – 504 с.

243. Большев, В.Г. Применение научно-технических средств в процессуально-тактической деятельности следователя: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Вадим Георгиевич Большев. – Воронеж, 2012. – 23 с.

244. Волочай, С.Н. Фальсификация материалов видеозаписи как объект криминалистического исследования: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Сергей Николаевич Волочай. – М., 2003. – 226 с.

245. Грамович, Г.И. Вопросы применения научно-технических средств при расследовании преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.717 / Гарольд Иванович Грамович. – Минск, 1970. – 24 с.

246. Зотов, Д.В. Теоретические проблемы научно-технических достижений, применяемых в уголовно-процессуальном доказывании: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Денис Валентинович Зотов. – Воронеж, 2003. – 23 с.

247. Леви, А.А. Процессуальные и криминалистические проблемы применения научно-технических средств в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Александр Абрамович Леви. – М., 1977. – 21 с.

248. Литвин, И.И. Современные технические средства и проблемы их применения в доказывании на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Илья Ильич Литвин. – Екатеринбург, 2018. – 219 с.

249. Маркелов, А.Г. Иные документы как доказательства в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Александр Геннадьевич Маркелов. – Н. Новгород, 2004. – 22 с.

250. Маслов, А.К. Деятельность следователя по процессуальному оформлению предметов, вещей и иных документов в качестве доказательств

по уголовным делам: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Андрей Константинович Маслов. – Краснодар, 2011. – 221 с.

251. Оконенко, Р.И. «Электронные доказательства» и проблемы обеспечения прав граждан на защиту тайны личной жизни в уголовном процессе: сравнительный анализ законодательства Соединенных Штатов Америки и Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Роман Иванович Оконенко. – М., 2016. – 24 с.

252. Садовский, А.И. Проблемы формирования доказательств следователем с использованием специальных познаний и технических средств: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Александр Иванович Садовский. – Волгоград, 2013. – 239 с.

253. Себякин, А.Г. Тактика использования знаний в области компьютерной техники в целях получения криминалистически значимой информации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Алексей Геннадьевич Себякин. – М., 2021. – 26 с.

254. Селиванов, Н.А. Научно-технические средства расследования преступлений: правовые, методологические основы применения, современное состояние и перспективы развития: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Николай Алексеевич Селиванов. – М., 1965. – 615 с.

255. Семенцов, В.А. Видео- и звукозапись в доказательственной деятельности следователя: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Владимир Александрович Семенцов. – Екатеринбург, 1994. – 20 с.

256. Семенцов, В.А. Концептуальные основы системы следственных действий в досудебном производстве: дис. ... д-р юрид. наук: 12.00.09 / Владимир Александрович Семенцов. – Екатеринбург, 2006. – 446 с.

257. Серов, В.А. Использование научно-технических познаний и средств в доказывании по уголовным делам: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Виктор Александрович Серов. – М., 1980. – 209 с.

258. Соколов, Ю.Н. Информационные технологии и оборот цифровых данных в криминалистике: вопросы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук: 5.1.4 / Юрий Николаевич Соколов. – Екатеринбург, 2023. – 440 с.

259. Федюнин, А.Е. Правовое регулирование применения технических средств в сфере уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Антон Евгеньевич Федюнин. – М., 2009. – 390 с.

260. Цомае, С.Д. Правовое регулирование и доказательственное значение применения научно-технических средств в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Сосо Давидович Цомае. – М., 2007. – 25 с.

261. Швец, С.В. Проблемы экспертизы видеозаписи в расследовании преступлений: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Сергей Владимирович Швец. – М., 2001. – 174 с.

Источники на иностранном языке

262. Article 706-71 – Code de procédure pénale - Légifrance // Legifrance. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000033518812/2017-05-22.

263. Ayodele Akenroye Videoconferencing Technologies and How It Challenges the Fundamental Tenets of Our Criminal Justice System in Canada // Slaw. URL: <http://www.slaw.ca/2021/01/27/videoconferencing-technologies-and-how-it-challenges-the-fundamental-tenets-of-our-criminal-justice-system-in-canada/>.

264. Coronavirus forces prosecutors to embrace video conferencing in criminal probes. It's raised a host of issues. // Kvia.com. URL: <https://kvia.com/news/us-world/2020/05/07/shutdown-forces-prosecutors-to-embrace-video-conferencing-in-time-sensitive-criminal-probes/>.

265. Courts Deliver Justice Virtually Amid Coronavirus Outbreak // U.S. Courts. URL: <https://www.uscourts.gov/news/2020/04/08/courts-deliver-justice-virtually-amid-coronavirus-outbreak>.

266. Criminal Procedure Law of the Republic of Latvia // Wipolex-res. URL: <https://wipolex-res.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/en/lv/lv043en.pdf>.

267. Federal rules of criminal procedure, december 1, 2020 // U.S. Courts. URL: https://www.uscourts.gov/sites/default/files/federal_rules_of_criminal_procedure_-_december_2020_0.pdf.

268. General order no 2022-11 in the United States district court for the district of Nebraska in re: Video teleconferencing for criminal proceedings extended through february 21, 2023 // U.S. Courts. URL: https://www.ned.uscourts.gov/InternetDocs/pom/orders/GO_2022-11.pdf.

269. Instrucción 3/2002, de 1 de marzo, acerca de actos procesales que pueden celebrarse a través de videoconferencia // Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado. URL: https://www.boe.es/buscar/abrir_fiscalia.php?id=FIS-I-2002-00003.pdf.

270. Lietuvos respublikos baudžiamojo proceso kodekso patvirtinimo, įsigaliojimo ir įgyvendinimo // Legal-tools.org/. URL: <https://legal-tools.org/doc/70b7df/pdf>.

271. Loi relative au recueil de déclarations au moyen de médias audiovisuels du 2 août 2002, Moniteur belge, 12 septembre 2002 // Cairn.info. URL: <https://www.cairn.info/revue-deviance-et-societe-2013-3-page-305.htm#no40>.

272. Sanders. A., Video-Hearings in Europe Before, During and After the COVID-19 Pandemic // International Journal for Court Administration. 2021. 12(2). P. 3.

273. The Telephonoscope (1879) // The Public Domain Review. URL: <https://publicdomainreview.org/collection/the-telephonoscope-1879>.

274. Theresa M. Videoconferencing // Encyclopedia Britannica, 19 Sep. 2019. URL: <https://www.britannica.com/technology/videoconferencing>.

275. Two new laws restricting the creation and distribution of so-called “deepfake” videos – Assembly Bills 602 and 730 – will become effective on January 1, 2020. Originally published in The Daily Journal on January 8, 2020.

Публицистические материалы

276. ВС защитил участника процесса, которого подвела видеоконференцсвязь // Право.ру. – URL: <https://pravo.ru/story/233211/>.

277. Интервью руководителя НИИ криминалистики СК России А.А. Бессонова информационному агентству ТАСС / Следственный комитет Российской Федерации. – URL: <https://sledcom.ru/press/interview/item/1621439/>.

278. Искусственному интеллекту можно поручать только узкие правовые задачи – ВС / Российское агентство правовой и судебной информации. – URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20210603/307106262.html.

279. Куликов В. Суды планируют подключить искусственный интеллект к составлению решений // Российская газета. – 2023. – 25 мая.

280. Новиков А. Следственные действия в режиме ВКС / Федеральная палата адвокатов РФ. – URL: <https://fparf.ru/news/fpa/sledstvennye-deystviya-v-rezhime-vks/>.

281. Роботов-стенографистов внедрили в мировых судах Ижевска // Коммерсантъ (Удмуртия). – 2021. – 21 января.

282. Суды начали проводить заседания в режиме онлайн // Российская газета. – 2020. – 26 апреля.

283. Тимошенко В. Кинопоказ в суде: когда видеозапись является доказательством // СПС «Гарант». – 2016. – 7 июня.

Проект
Федерального закона «О внесении изменений и дополнений
в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»

Проведенное комплексное исследование проблем применения технических средств и цифровых технологий при производстве следственных действий позволило сформулировать и обосновать следующие предложения по совершенствованию **Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.**

Предлагаем:

1) изложить в новой редакции:

- в статье 84 УПК РФ части 2 и 4:
 - «2. Документы могут содержать сведения, зафиксированные в письменном, электронном и ином виде»;
 - «4. Документы, обладающие признаками, указанными в части первой статьи 81 настоящего Кодекса, **в том числе полученные с помощью технических средств и цифровых технологий**, признаются вещественными доказательствами»;
- часть 8 ст. 166 УПК РФ: «К протоколу прилагаются результаты применения технических средств и технологий, которые хранятся при уголовном деле и по окончании предварительного следствия опечатываются»;
- часть 5 ст. 179 УПК РФ: «В случаях, предусмотренных частью четвертой настоящей статьи, технические средства и технологии применяются с согласия освидетельствуемого лица»;
- статью 189.1 УПК РФ:

«1. Следователь, дознаватель вправе провести допрос, очную ставку, опознание и иные следственные действия¹ путем использования **сертифицированных** систем видео-конференц-связи по правилам статьи 164, **164.2** и главы 26 настоящего Кодекса с учетом особенностей, установленных настоящей статьей.

2. В случае **принятия решения о производстве** допроса, очной ставки, опознания, **иного следственного действия** путем использования систем видео-конференц-связи следователь или дознаватель, направляет **в другой орган предварительного расследования** или в орган дознания по месту нахождения лица, участие которого в следственном действии признано необходимым, **либо объекта, подлежащего осмотру**, письменное поручение **об организации видео-конференц-связи указанного в поручении** следственного действия. Следователь или дознаватель также вправе направить поручение по электронным каналам связи.

3. Протокол следственного действия, проведенного с использованием систем видео-конференц-связи, составляется с соблюдением требований и особенностями, предусмотренными статьей 166 настоящего Кодекса (**следующие далее слова до точки исключаются**). В протоколе указываются дата, время и место производства соответствующего следственного действия как по месту составления протокола, так и по месту нахождения лица **либо материального объекта**, указанного в части второй настоящей статьи. Запись о разъяснении участникам следственного действия, находящимся вне места производства предварительного расследования, их прав, обязанностей, ответственности, порядка производства следственного действия, **а также об особенностях ознакомления с видеозаписью и протоколом следственного действия** удостоверяется **подпиской** данных участников следственного действия.

4. Исключается из текста ст. 189.1 УПК РФ.

¹ Здесь и далее выделенный полужирным шрифтом текст является авторским.

5. После завершения **производства следственного действия с использованием систем видео-конференц-связи, ознакомления с видеозаписью и оглашения протокола** участники вправе принести **письменные** замечания о дополнении и уточнении протокола, **направив их в адрес следователя, дознавателя, в чьем производстве находится уголовное дело, в том числе по электронным каналам связи.**

6. После завершения следственного действия, проведенного **с использованием видео-конференц-связи, следователь, дознаватель или орган дознания по месту организации следственного действия незамедлительно** направляет следователю или дознавателю в чьем производстве находится уголовное дело, все полученные письменные материалы, а также материалы, полученные в электронном формате, включая ордер, если в следственном действии участвовал адвокат лица, участвующего в следственном действии.

7. Следователь или дознаватель, **в производстве которого находится уголовное дело**, получив материалы, указанные в части 6 настоящей статьи, приобщает их к протоколу соответствующего следственного действия.

8. Проведение следственных действий **с использованием систем видео-конференц-связи с участием лица, в отношении которого приняты меры безопасности, должно обеспечивать сохранение в тайне личных данных такого лица»;**

2) дополнить:

- статью 5 УПК РФ новыми пунктами:

- «5.1) видео-конференц-связь – цифровая технология аудиовизуального удаленного взаимодействия участников уголовного судопроизводства в режиме реального времени»;

- «54.1) технические средства – устройства, обеспечивающие применение технологии, необходимой для обнаружения, фиксации, изъятия, закрепления, сохранения, воспроизведения и передачи сведений, имеющих значение для проверки сообщения о преступлении, установления обстоятельств уголовного дела»;

- «54.2) технология – совокупность последовательно совершаемых действий (приемов), с использованием необходимых технических инструментов, направленных на получение процессуально полезного результата, в порядке, установленном настоящим Кодексом;

- статью 74 УПК РФ новой частью 3: «3. Указанные в части 2 настоящей статьи доказательства могут быть получены в электронном формате»;

- статью 84 УПК РФ новой части 3: «3. Документы, в том числе электронные, приобщаются к материалам уголовного дела в пригодной для последующего воспроизведения форме»; части 3 и 4 в действующей редакции ст. 84 УПК РФ следует тогда именовать частями 4 и 5;

- часть 3 (в действующей редакции) или часть 4 в предлагаемой редакции дополнить словами «Цифровые сведения подлежат приобщению к материалам уголовного дела, с указанием реквизитов цифровой информации (метаданных), а также формата воспроизведения».

- часть 4 ст. 164 УПК РФ после слов «в них лиц» словами «включая случаи применения технических средств и технологий»;

- часть 6 ст. 164 УПК РФ после слов «могут применяться» словом «сертифицированные» и далее «технические средства», с дополнением словом «и технологии», с одновременным исключением из текста слова «и способы», далее по тексту до слов «о применении технических средств», с дополнением словом «и технологий»;

- статью 164 УПК РФ новой частью: «9. Производство допроса, очной ставки, опознания, проверки показаний, иных следственных действий возможно с применением технологии удаленного доступа, позволяющего получить результаты, соответствующие требованиям, предъявляемым к доказательствам настоящим Кодексом»;

- статьей 164.2 УПК РФ, изложив ее в следующей редакции: «Статья 164.2. Общие правила применения технических средств и технологий

1. Порядок применения технических средств и технологий определяется настоящим Кодексом.

2. При производстве следственных действий применяются только сертифицированные технические средства и технологии.

3. Факт применения технических средств и технологий подлежит отражению в протоколе следственного действия либо ином документе.

4. Участникам разъясняется факт применения в ходе производства следственного действия технических средств и технологий»;

- часть 1 ст. 166 УПК РФ дополнить двумя предложениями следующего содержания: «Протокол может быть изготовлен в письменной или цифровой форме. Результаты применения технических средств и технологий при производстве следственного действия хранятся при уголовном деле»;

- часть 5 ст. 166 УПК РФ после слов «также технические средства» и после слов «при производстве следственного действия технических средств» словом «и технологии»;

- новой частью 8.1 «8.1. В случае применения технических средств и цифровых технологий, фиксирующих ход и результаты следственного действия, протокол по усмотрению следователя может иметь сокращенную форму, а также допускается электронное протоколирование»;

3) исключить:

- часть 4 из ст. 189 УПК РФ;

- часть 4 из ст. 189.1 УПК РФ;

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Кубанский государственный университет»
Кафедра уголовного процесса**

**Анкета
для опроса судей, прокуроров,
следователей, дознавателей и адвокатов**

Уважаемые коллеги!

Применение технических средств при производстве следственных действий позволяет компенсировать недостатки человеческого восприятия, запоминания, сохранения, воспроизведения, переработки и передачи поступающей информации. Однако усложненный порядок применения, определение законодателем доказательственного значения как приложения к протоколу следственного действия во многом нивелируют те преимущества (по сравнению с обычным протоколированием), которыми обладают технические средства.

Наряду с техническими средствами при производстве следственных действий применяются цифровые технологии, предназначенные для создания, хранения и распространения информации посредством вычислительной техники, в числе которых видео-конференц-связь, электронное оповещение, беспилотные летательные аппараты и др.

Несмотря на принятые законодателем меры по обеспечению возможности использования современных технических средств и цифровых технологий при производстве следственных действий, по-прежнему требуют своего разрешения вопросы правовой регламентации их использования в уголовном судопроизводстве: от общих правил применения и до обеспечения достоверности получаемой информации.

В связи с этим приглашаем Вас принять участие в исследовании проблем применения технических средств и цифровых технологий при производстве следственных действий в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования.

Мы будем признательны, если Вы внимательно прочитаете вопросы анкеты и ответите на них.

Ваше мнение является для нас чрезвычайно важным!

Порядок заполнения:

1. Анкета заполняется лицами, являющимися участниками уголовно-процессуальной деятельности.
2. Указание фамилии не требуется, что позволит надеяться на достоверность и объективность ответов.
3. К каждому вопросу даны варианты ответов, выбрав один или более из них, обведите его (их) кружком.
4. Незаполненная строка предполагает возможность формулирования Вашего варианта ответа по некоторым вопросам анкеты.

Вопросы анкеты

Вопрос 1. Следует ли закрепить в УПК РФ самостоятельные определения понятий «технические средства» и «цифровые технологии»?

1. Да, следует.
2. Нет, не следует.
3. Иное _____

Вопрос 2. Каким Вам видится соотношение понятий «цифровые технологии» и «информационные технологии»?

1. Цифровые технологии – более широкое понятие, чем информационные технологии.
2. Эти понятия равнозначны.
3. Информационные технологии – более широкое понятие, чем цифровые технологии.

4. Иное _____

Вопрос 3. По Вашему мнению, применение цифровых технологий при производстве следственных действий в досудебном производстве обеспечивает:

1. Эффективность и быстроту.
2. Всесторонность и объективность.
3. Процессуальную экономию.
4. Достоверность информации.

5. Иное _____

Вопрос 4. Считаете ли Вы необходимым законодательное регулирование отдельного порядка применения цифровых технологий в уголовном судопроизводстве?

1. Да
2. Нет

Вопрос 5. Как Вы понимаете выражение «технические средства, применяемые при производстве следственных действий»?

1. Любые технические устройства (пишущая машинка, компьютер, диктофон, мобильный телефон, видеокамера и др.).
2. Технические устройства, способные фиксировать ход и результаты производства следственных действий.
3. Технические устройства, основанные на применении компьютерных технологий.
4. Технические устройства, применяемые экспертами.
5. Технические устройства, применяемые специалистами.

Вопрос 6. Цифровые технологии, применяемые при производстве следственных действий, это:

1. Любые компьютерные программы.
2. Любые способы дистанционной коммуникации (видео-конференц-связь, социальные сети, WhatsApp и др.).
3. Любые высокотехнологичные способы сохранения информации.

4. Высокотехнологичные способы процессуального получения и сохранения информации.

5. Способы получения, передачи, обработки, а также сохранения информации при помощи компьютерной техники.

Вопрос 7. Приходилось ли Вам сталкиваться с применением цифровых технологий при производстве следственных действий? (возможно несколько ответов)

1. Видео-конференц-связь.

2. Нейросетевые технологии (субтехнологии, основанные на применении искусственного интеллекта).

3. Веб-конференция.

4. Электронное оповещение.

5. Беспилотный летательный аппарат.

6. Робототехника.

7. Иное _____

Вопрос 8. При производстве каких следственных действий допустимо применение видео-конференц-связи?

1. Допрос, очная ставка, опознание.

2. Осмотр вещественных доказательств, предметов, документов, освидетельствование, следственный эксперимент.

3. Любые следственные действия.

4. Иное _____

Вопрос 9. Считаете ли Вы предусмотренный УПК РФ процессуальный порядок применения технических средств при производстве следственных действий оптимальным?

1. Да

2. Нет

Вопрос 10. Каково, на Ваш взгляд, доказательственное значение результатов применения технических средств при производстве следственных действий?

1. Имеют доказательственное значение только в совокупности с протоколом следственного действия.
2. Имеют самостоятельное доказательство в форме иного документа.
3. Самостоятельное доказательство в форме вещественного доказательства.
4. Иное _____

Вопрос 11. Информация, полученная при производстве следственного действия с использованием робототехники:

1. Является полноценным процессуальным доказательством.
2. Является полноценным процессуальным доказательством, при условии закрепления в протоколе следственного действия.
3. Не является доказательством ни при каких условиях.
4. Может рассматриваться как доказательство, при условии, что не оспаривается стороной защиты.
5. Являются процессуальным доказательством, но степень их надежности невысока.

Вопрос 12. Считаете ли Вы возможным замену следователя искусственным интеллектом при производстве следственных действий?

1. Нет, это невозможно.
2. Невозможно при современном развитии искусственного интеллекта.
3. Да, это возможно при производстве любых следственных действиях.
4. Да, это возможно, но лишь при производстве отдельных следственных действиях (укажите каких именно) _____

Вопрос 13. Как Вы относитесь к предложению о замене повестки электронным оповещением участников следственных действий?

1. Положительно.
2. Положительно, при наличии ходатайства участника.
3. Отрицательно.
4. Иное _____

Вопрос 14. При производстве каких следственных действий допустимо использование беспилотных летательных аппаратов? (возможно несколько ответов)

1. Осмотр места происшествия.
2. Осмотр местности.
3. Обыск.
4. Проверка показаний.
5. Иное _____

Вопрос 15. Какие меры необходимо принять для повышения эффективности использования технических средств и цифровых технологий при производстве следственных действий? (возможно несколько ответов)

1. За счет разработки целевого (приспособленного под особенности следственных действий) программного обеспечения.
2. Упрощение законодательного регулирования порядка применения.
3. Придание самостоятельного доказательственного значения полученным результатам.
4. Усиление обеспеченности органов предварительного расследования техническими средствами и цифровыми технологиями.
5. Повышение уровня владения техническими средствами и цифровыми технологиями.

В заключение сообщите, пожалуйста, о себе:

Место работы _____

Должность _____

Дата _____

Благодарим Вас за участие в исследовании!

**Сводные данные анкетирования 272 респондентов
из 25 субъектов Российской Федерации
(20 судей, 113 прокуроров, 67 следователей,
42 дознавателей, 30 адвокатов)**

№ п/п	Место проведения анкетирования	Количество участников
<i>Судьи (20)</i>		
1	Судьи Краснодарского краевого суда	1
2	Судьи районных судов Краснодарского края	16
3	Мировые судьи Краснодарского края	3
<i>Прокуроры (113)</i>		
5	Прокуратуры Алтайского края	6
6	Прокуратуры Кемеровской области - Кузбасс	6
7	Прокуратуры Краснодарского края	8
8	Прокуратуры Красноярского края	8
9	Прокуратуры Курганской области	4
10	Прокуратуры Новосибирской области	10
11	Прокуратуры Омской области	6
12	Прокуратуры Пермского края	10
13	Прокуратуры Республики Хакасии	4
14	Прокуратуры Свердловской области	15
15	Прокуратуры Севастополя	7
16	Прокуратуры Томской области	6
17	Прокуратуры Тюменской области	10
18	Прокуратуры Ханты-Мансийского автономного округа - Югра	3
19	Прокуратуры Челябинской области	7
20	Прокуратуры Ямало-Ненецкого автономного округа	3

<i>Следователи (67)</i>		
21	Волгоградская область	10
22	Кабардино-Балкарская Республика	21
23	Краснодарский край	21
24	Республика Адыгея	4
25	Ростовская область	5
26	Санкт-Петербург	2
27	Ставропольский край	4
<i>Дознаватели (42)</i>		
28	Волгоградская область	10
29	Кабардино-Балкарская Республика	2
30	Краснодарский край	18
31	Республика Адыгея	2
32	Ростовская область	2
33	Санкт-Петербург	4
34	Ставропольский край	4
<i>Адвокаты (30)</i>		
35	Краснодарский край	30

**Результаты анкетирования 272 респондентов
(20 судей, 113 прокуроров, 67 следователей, 42 дознавателей
и 30 адвокатов) (в абсолютных цифрах и в процентах)**

Вопросы анкеты	Варианты ответов				
	1	2	3	4	5
1. Следует ли закрепить в УПК РФ самостоятельные определения понятий «технические средства» и «цифровые технологии»?	231 85,9 %	38 14,1 %	0 0 %		
2. Каким Вам видится соотношение понятий «цифровые технологии» и «информационные технологии»?	60 22,2 %	30 11,1 %	180 66,7 %	0 0%	
3. По Вашему мнению, применение цифровых технологий при производстве следственных действий в досудебном производстве обеспечивает:	199 73,2 %	43 15,8 %	126 46,3 %	49 18 %	1 0,4 %
4. Считаете ли Вы необходимым законодательное регулирование отдельного порядка применения цифровых технологий в уголовном судопроизводстве?	222 81,9 %	49 18,1 %			

5. Как Вы понимаете выражение «технические средства, применяемые при производстве следственных действий»?	186 68,4 %	71 26,1 %	24 8,8 %	13 4,8 %	
6. Цифровые технологии, применяемые при производстве следственных действий, это:	32 11,8 %	40 14,7 %	66 24,3 %	141 51,8 %	98 36 %
7. Приходилось ли Вам сталкиваться с применением цифровых технологий при производстве следственных действий? (возможно несколько ответов)	218 85,2 %	6 2,3 %	66 25,8 %	122 47,7 %	14 5,5 %
					2 0,8 %
					0 0 %
8. При производстве каких следственных действий допустимо применение видео-конференц-связи?	228 86 %	17 6,4 %	27 10,2 %	0 0 %	
9. Считаете ли Вы предусмотренный УПК РФ процессуальный порядок применения технических средств при производстве следственных действий оптимальным?	95 35,1 %	176 64,9 %			
10. Каково, на Ваш взгляд, доказательственное значение результатов применения технических средств при производстве следственных действий?	226 83,1 %	31 11,4 %	41 15,1 %	0 0 %	

11. Информация, полученная при производстве следственного действия с использованием робототехники:	21 7,7 %	233 85,7 %	18 6,6 %		
12. Считаете ли Вы возможным замену следователя искусственным интеллектом при производстве следственных действий?	264 97,1 %	2 0,7 %	6 2,2 %		
13. Как Вы относитесь к предложению о замене повестки электронным оповещением участников следственных действий?	159 58,5 %	91 33,5 %	22 8,1 %	0 0 %	
14. При производстве каких следственных действий допустимо использование беспилотных летательных аппаратов? (возможно несколько ответов)	197 72,4 %	197 72,4 %	16 5,9 %	64 23,5 %	6 2,3 %
15. Какие меры необходимо принять для повышения эффективности использования технических средств и цифровых технологий при производстве следственных действий? (возможно несколько ответов)	99 36,4 %	119 43,8 %	98 36 %	128 47,1 %	82 30,1 %

Примечание. Общая сумма в строке таблицы может превышать 100 % от количества респондентов, поскольку вопросы анкеты предусматривают от 1 до 5 вариантов ответов.

**Результаты изучения 314 уголовных дел
(в том числе в электронной версии)**

№ п/п	Место хранения уголовного дела	Количество дел
1.	Верховный суд Российской Федерации	6
2.	Верховный суд Республики Адыгея	6
3.	Верховный суд Республики Хакасия	18
4.	Владимирский областной суд	2
5.	Волгоградский областной суд	32
6.	Второй кассационный суд общей юрисдикции	1
7.	Выборгский районный суд г. Санкт-Петербурга	1
8.	Конституционный суд Российской Федерации	1
9.	Кореневский районный суд Курской области	1
10.	Краснодарский краевой суд	56
11.	Красноярский краевой суд	32
12.	Московский областной суд	12
13.	Оренбургский областной суд	1
14.	Пятый кассационный суд общей юрисдикции	1
15.	Районные суды Алтайского края (г. Заринск, Локтевский район, Рубцовский район)	3

16.	Районные суды Амурской области (Шимановский район)	1
17.	Районные суды Владимирской области (г. Ковров, г. Муром)	3
18.	Районные суды Иркутской области (г. Иркутск)	1
19.	Районные суды Краснодарского края (Абинский район, г. Анапа, г. Геленджик, Гулькевичский район, г. Ейск, Крымский район, Курганинский район, г. Новорос- сийск, Павловский район, Приморский районный суд, Северский район, г. Сочи, Тбилисский район, г. Туапсе)	121
20.	Районные суды Нижегородской области (г. Н. Новгород, Шатковский район)	2
21.	Районные суды Республики Коми (г. Ухтинск)	1
22.	Районные суды Республики Марий Эл (г. Йошкар-Ола)	1
23.	Районные суды Ростовской области (г. Новочеркасск, г. Ростов-на-Дону)	2
24.	Районные суды Тверской области (г. Ржевск, г. Торжок)	3
25.	Районные суды Ханты-Мансийского автономного округа-Югры (г. Ханты-Мансийск)	1
26.	Районные суды Челябинской области (г. Миасс)	1
27.	Ростовский областной суд	1

28.	Уржумский районный суд Кировской области	1
29.	Уссурийский районный суд Приморского края	1
30.	Ярославский областной суд	1
<i>Всего</i>		314